

АНДРЕЙ РУБАНОВ

Дипломант
«АБС-премии»
(им. А. и Б. Стругацких)

18+

ХЛОРОФИЛИЯ ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

ДИЛОГИЯ В ОДНОМ ТОМЕ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Андрей Викторович Рубанов

Хлорофилия. Живая земля

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66431776
Хлорофилия. Живая земля: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-138526-2

Аннотация

«Хлорофилия». Россия, XXII век. Все население переехало в столицу, а Сибирь сдана в аренду китайцам. «Никто никому ничего не должен» – девиз, под которым живет Россия-Москва на китайские деньги. А однажды за двое суток Москва поросла травой с телебашню... Савелий Герц – специальный корреспондент журнала «Самый-самый» – узнает по тайным каналам: китайцы уходят из Сибири! Что ждет страну в будущем? Одно пока не вызывает ни у кого сомнения: трава безобидна для человека... Но так ли это?

«Живая земля». Прошло двадцать лет. Небоскребы Москвы стоят полузаброшенными, люди не живут выше восьмого этажа. Кормившая всех трава исчезла, но сохранилась легенда, что где-то есть семя, способное возродить грибницу! Неожиданно это семя попадает в руки сына Савелия Герца Дениса и его друзей...

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Хлорофилия	5
Часть первая	5
1	5
2	23
3	44
4	68
5	95
6	114
7	131
8	155
Часть вторая	165
1	165
2	176
3	187
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Андрей Рубанов

Хлорофилия. Живая земля

© Рубанов А.В.

© ООО «Издательство АСТ»

*** * ***

Хлорофилия

Часть первая

1

– Очень хочется пить, – сказал Савелий.

– Держи. – Варвара протянула бутылку воды, обогащенной витамином А. – Утоли жажду жизни. Как тебе сегодня моя внешность?

– Я в восторге, – без восторга ответил Савелий. Он терпеть не мог интерактивный макияж.

– Разве я не сексуальная?

– Успокойся. Сексуальная.

Он прибавил ход и перестроился.

На тридцатом километре стебель рос совсем рядом с дорожным полотном – мощный, темно-зеленый, уходящий, казалось, прямо в центр неба. Варвара задрала голову и элегантно поежилась.

– Вблизи они выглядят просто ужасно. Чешуйчатые. Как будто из земли торчит змеинный хвост.

– А ты не разглядывай, – посоветовал Савелий. – И вообще близко не подходи. Примут за травоядную.

Варвара заметно обиделась и гордо выпятила грудь.

– Я что, похожа на травоядную?

– Нет. Но все равно.

– Говорят, она с каждым годом все выше. Трава.

– Да, – ответил Савелий. – Трава выше, тень гуще. Бледных все больше. Скоро мир рухнет. Останется только трава и те, кто живут выше сотого этажа. Китайцы и их подручные.

Варвара, невеста Савелия, никак не походила на травоядную женщину. Травоеды обоих полов – особенно если принадлежали к бледным слоям населения – всегда выглядели преувеличенно бодрыми. Они шутили и непрерывно пританцовывали, одевались небрежно и норовили создать очереди возле каждого дешевого уличного солярия. А Варвара, как и полагалось женщине с семьдесят пятого этажа, была томная, даже немного вялая. Эта специальная анемичность, неверность движений, манера говорить негромко и лениво считалась среди молодежи верхних этажей особым шиком. В комплект достоинств Варвары входили также красивые сильные плечи и высокие грудки, упругостью сходные с теннисными мячиками.

«У меня полно времени, – подумал Савелий. – Не свернуть ли на обочину? Не использовать ли даму по прямому назначению? Красивая девушка, все при ней, в редакции завидуют...»

На подъезде к Юго-Западной скоростной эстакаде – как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад – глазам

Савелия открылась огромная, в полнеба, ярчайшая (невозможно отвести взгляд) и при этом удивительно ненавязчивая, спокойных коричневых и зеленых цветов, голографическая инсталляция: стройная женщина с приятным лицом, бесконечно делающая один и тот же мягкий жест рукой, а над ней, под ней, сквозь нее, вокруг нее проступал, словно из воздуха, словно бы из самого здешнего жизненного уклада, основной лозунг, который уже много лет как объединял обитателей Москвы:

ТЫ
НИКОМУ
НИЧЕГО
НЕ ДОЛЖЕН.

И как обычно, как вчера и позавчера, как десять лет назад – Савелий улыбнулся и ощутил легкость. Все просто. Напиши в небе огромными изумрудными буквами простую фразу из пяти слов – и народ будет счастлив.

Здесь тебя все любят и ничего не ждут взамен. Здесь ты никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен. Никто не обязан. Никто не согнут под бременем необходимости.

На перекрестке в заторе. К открытому по случаю теплого сентябрьского дня окну машины подбежал полуголый дилер, очень бледный, очень веселый, типичный травоед со стажем не менее чем в пять лет; грудь, спина и плечи сплошь покрыты давно вышедшими из моды трехмерными татуировками.

– Четвертая возгонка, – пробормотал он, улыбаясь.

– Уйди, – попросил Савелий.

– Недорого, – продолжал бледный поставщик радости. –

Могу за наличные, могу по дружбе.

Савелий закрыл окно. «Кому нужна твоя дружба, убогий? Я – Савелий Герц, специальный корреспондент журнала “Самый-Самый”, моего расположения ищут тысячи людей».

– Лично я, – заметила Варвара, – вообще никогда не разговариваю с бледными.

– По-твоему, они не люди?

Тем временем дилер, ничуть не смутившись, клоунской походкой направился к следующему экипажу, по пути поправляя болтающийся на поясе глушитель полицейских сигналов.

«Четвертая возгонка, – подумал Савелий. – Какая гадость». Вся московская богема уже год как не опускается ниже седьмой. И вот-вот обещают восьмую. А на девяностых этажах, в царстве самых богатых, уже в ходу девятая, и эта девятая возгонка, по слухам, – что-то удивительное. Капсулы замаскированы под таблетки витамина А, одной дозы хватает на два дня, и использованы особые эффекты: ни при каких обстоятельствах ты не выглядишь травоедом. Не подпрыгиваешь от приливов энергии, не отпускаешь остроумные шуточки, не улыбаешься, не размахиваешь руками и трижды в день ешь обычную пищу, как добропорядочный гражданин. Но внутри себя – там, где твоя душа, в глубине «я», в голове,

в сердце, – там тебе так хорошо, как никому никогда не было.

Еще говорят, что шеф Савелия и Варвары, издатель и главный редактор журнала «Самый-Самый», могущественный и отвратительный Пушкин-Рыльцев, безжалостный разрушитель чужих карьер, потомственный обитатель девяносто первого этажа, в три слоя покрытый натуральным шоколадным загаром, блестящий столетний ум, уже полгода сидит на девятой возгонке.

Но это слухи, распространяемые завистниками. Савелию точно известно, что старик не употребляет.

Тронулись. В зеркале Савелий успел увидеть, как дилер отпрыгнул на тротуар и растворился в толпе.

Корреспондент журнала «Самый-Самый» Савелий Герц проезжал через этот перекресток уже несколько лет. Утром и вечером один и тот же человек продавал тут мякоть травы – сначала вторую возгонку, потом третью, теперь у него есть и четвертая, а через год, надо думать, появится пятая.

«Почему его никогда не арестуют? Почему, – поражаюсь Савелий, – я – профессиональный журналист, персона, информированная донельзя, – не понимаю скрытых механизмов распространения главного зелья трех последних десятилетий? Почему в век тотального контроля, когда объективы двадцати пяти конкурирующих друг с другом полиций простреливают каждый метр пространства, когда каждый смертный с младенчества имеет под кожей микрочипы, когда участники проекта “Соседи” сами с наслаждением

контролируют собственную жизнь, – почему в то же самое время нищие бледные человечки, ничего и никого не опасаясь, на каждом углу готовы предложить тебе мякоть стебля в любых количествах? При том, что закон предусматривает десять лет тюрьмы за одну-единственную дозу?»

Ближе к центру Москвы трава пошла гуще. Находиться в тени было физически неприятно – Савелий прибавил ход.

Стебель рос на каждом свободном пятачке земли. Черно-зеленая чешуйчатая гадина двадцати пяти метров в поперечнике. И около трехсот метров высотой.

Стебли росли густо. Торжествующе покачивались на ветру. Отобрали все солнце. Заставили людей ощутить себя муравьями.

Савелий решил переключиться на что-нибудь более приятное и спросил:

– Как поживает твоя Маша?

– Кошмар, – тут же отозвалась Варвара, вчера просидевшая весь вечер в гостях у приятельницы; домой пришла после полуночи, пропахшая мартини и фруктовым кальянным дымом (сейчас Савелий с удовольствием понял, что она считает себя виноватой). – Эта авантюристка взяла пятизначный аванс за книгу «Как выйти замуж за сибирского китайца».

– Что же тут кошмарного?

Варвара засмеялась:

– А то, что она понятия не имеет, как выйти замуж за сибирского китайца. Позвонила одной случайной знакомой,

которая замужем за миллионером, директором действительно китайского колхоза. Апельсиновым плантатором из Магадана. Попросила совета. А та говорит: дура, кто ж такие вещи рассказывает? И вообще, сказала, не звони сюда больше, потому что я теперь не Наташка Гаврилова, а Цзин Шу, что в переводе означает «тихая березка» или что-то в этом роде...

– Ну и пусть вернет аванс, – сказал Савелий.

– Ха. Он уже потрачен. А книга – анонсирована.

– Тогда пусть эта великая сочинительница прочтет пару путеводителей, биографию Мао Цзэдуна и брошюру «Конфуций для “чайников”». Перескажет своим языком, остальное досочинит.

Варвара помолчала немного и возразила:

– Все равно нужен какой-то минимум конкретики. Хотя бы два-три реальных совета.

– Зачем? – удивился Савелий. – Чтобы выйти замуж за китайца, надо выучить китайский язык. Это минимум четыре года упорного труда. А дуры, желающие выйти замуж за сибирского китайца, не способны к упорному труду. Потому что хотят выйти замуж за китайца, именно чтобы не трудиться. Замкнутый круг! Твоя Маша ничем не рискует. Покупатели ее книги изначально не способны воспользоваться ее советами.

– О, – сказала Варвара. – Ты гений. Я немедленно звоню.

– Учти, я потребую долю с гонорара.

– Не выйдет. Наша беллетристка за копейку удавится.

– Тогда, – сухо ответил Савелий, – пусть и думает сама.

Пятизначные авансы брать умеет – значит, пора научиться и мозгами шевелить. Я гляжу, в последнее время писательниц многовато стало. В собаку кинешь – в писательницу попадешь.

Варвара посмотрела на него и спросила:

– А чего это ты так расшумелся?

– Того, – грустно ответил Савелий. – Чтобы написать роман, Гарри Годунов, если ты такого помнишь, специально переехал с шестидесятого этажа на пятый, в сырость и плесень, в самый дикий район, в болото. К конченым травоедам. И бесследно пропал.

– Чтоб бесследно пропасть среди конченных травоедов, – возразила Варвара, – много ума не надо.

Савелий усмехнулся. Спорить не хотелось, он не любил спорить. Тем более с подружкой. Один жестокий хитрец сказал, что в споре рождается истина, – сколько миллионов часов провели, бесполезно сотрясая воздух, те, кто ему поверил?

Он повернул с проспекта. Впереди, меж слегка изогнутых зеленых столбов, появилась конечная цель поездки, место работы Савелия и Варвары – колоссальная пирамида ультрасовременного административно-жилого комплекса «Чкалов».

Савелий вздохнул и включил радио.

«...Премьер-министр отметил, что индекс экономического благополучия поднялся на четыре процентных пункта, и особо подчеркнул, что нет оснований ожидать в ближайшее время замедления темпов роста благосостояния граждан. Контроль над финансовыми поступлениями из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны будет усилен. “Идеология абсолютного процветания предусматривает непрерывную индексацию рентных платежей с учетом инфляции и цен на основные продукты потребления. Китайцы будут работать и платить, а мы будем тратить и наслаждаться” – так премьер закончил свою речь. Выступление неоднократно прерывалось овациями... К другим новостям. Сегодня утром возле здания Министерства экономики состоялась мирная демонстрация сторонников освоения периферийных территорий. Собравшиеся – около двадцати человек – потребовали выделения средств и организации исследовательских экспедиций в Тверскую и Ивановскую области. Лидер собравшихся, известный популист Иван Европов, заявил, что ситуация, при которой все население России, страны с самой большой в мире территорией, сосредоточено в одной только Москве, является абсурдной. Митинг сторонников господина Европова продолжался около часа и закончился стихийным банкетом... О культуре. В проекте “Соседи” продолжается беспрецедентный рост рейтинга популярности семьи Валяевых. Напомним, что Анастасия Валяева заявила сразу пятерым

соискателям ее руки о своем согласии на замужество, причем двое из пятерых – отец и сын Гришко. В связи с этим рейтинг трансляций из апартаментов семьи Гришко также резко вырос. Как известно, лидером топ-листа по-прежнему остается семья Блоховатовых, где вчера состоялся крупный скандал по поводу раздела сумм, поступающих от спонсоров проекта. За трансляцией событий наблюдала аудитория в двадцать пять и семь десятых миллиона человек. Криминальная сводка. В Юго-Восточном округе Москвы вчера ночью группа злоумышленников пыталась произвести незаконную вырубку сразу четырех дикорастущих стеблей. Органами правопорядка задержано более ста участников акции, изъято и уничтожено семьдесят тонн субстанции, известной как “мякоть стебля”...»

Савелий поймал себя на том, что иронически кривит губы. Чепуха, а не новости. В наши времена процветают все, кроме журналистов. О чем писать? Об очередной эскапде этого болвана Европова? Если его так беспокоит периферия, Ивановская область или как там ее, – пусть сам едет в дикие дебри, лично исследует безлюдные пространства и заброшенные города, где некому жить и где уже полвека хозяйничают медведи и волки.

Впрочем, гражданский гнев профессионального журналиста Герца быстро угас. Не было желания гневаться в такой приятный день.

«Иногда, – подумал Савелий, – моя работа вступает в про-

тиворечие с содержанием моей жизни. Я очень люблю свою работу и терпеть не могу новости».

Автостоянкой на двадцать втором этаже дома «Чкалов» пользовались только те, кто в этом доме работал. Сейчас паркинг был почти пуст. Никто в Москве не работал до полудня. Только китайцы. Но у них имелись свои отдельные автостоянки.

У них имелись свои отдельные лифты, рестораны, увеселительные заведения, свои прачечные и зубоврачебные кабинеты. Только самые богатые выходцы из Восточно-Сибирской Свободной Экономической Зоны могли себе позволить жить в Москве, и эти миллиардеры жили не просто отдельно, но выше всех, на сотых этажах, в пентхаусах с полями для гольфа и вертолетными площадками. Почти все высотные дома в гиперполисе строились китайскими компаниями, из китайского железобетона и на китайские деньги. Даже самым оголтелым местным патриотам приходилось мириться с тем, что малочисленная китайская диаспора забирает себе лучшие места.

Савелий не считал себя оголтелым патриотом, он не любил завидовать и злобствовать, ему было все равно, где и как живут богатые китайцы. Он закрыл машину, подмигнул милиционеру объективу, взял Варвару за руку и пошел к лифтам.

По мере подъема из полутемного ущелья, где царствовали въевшиеся во все горизонтальные и вертикальные поверх-

ности нездоровые запахи стоячей воды и горелой электроизоляции, по мере продвижения вверх, к солнцу и свету, Савелий стал переживать сначала бодрость, потом легкую, на пределе чувствительности, эйфорию, а затем и почти восторг. Хорошо было возноситься к небесам – туда, где лазурь и облака, – в бесшумном скоростном механизме. Хорошо было наблюдать подмигивание кнопок, подсвеченных нежно-сиреневым. Хорошо было впитывать льющуюся с потолка тихую музыку, немного сладковатую, но, в общем, изящно придуманную и жизнеутверждающую. И совсем здорово было вдыхать запах стоящей рядом, вполоборота, здоровой молодой женщины – при том, что женщина считалась его, Савелия, невестой, любила его прямой и веселой любовью, и если бы сейчас он, предположим, с наигранно-серьезным выражением лица ухватил ее за попку или даже (а что тут такого, черт побери?) запустил ладонь в ее штаны, оттянув ремешок из кожи питона, и поигрался пальцами в самых интересных местах, то женщина поощрила бы его покачиванием стана, смеживанием век и благодарной улыбкой.

– На шестидесятом этаже, – тихо произнес он, – есть новый экспресс-отель. Альковы с голосовым управлением. Давай забежим на полчаса.

– Нам не хватит полчаса, – возразила Варвара, и Савелий понял, что она размышляет о том же.

«Вдвоем думать одну и ту же мысль – это замечательно», – восхитился про себя корреспондент журнала «Самый-Са-

МЫЙ».

– Мне – хватит. – Савелий улыбнулся.

– А мне – нет. Можем опоздать. Старик будет ругаться.

– На то он и старик.

Варвара вздохнула.

– Лучше потерпеть. Предлагаю просто зайти куда-нибудь и выпить.

На семьдесят седьмом, на уступе, они зашли в кафе, обождаемое снобами из окрестных офисов (в основном адвокатских бюро и резиденций крупных продюсеров). Тут обслуживали живые официанты и открывался неплохой вид на город: стебли, у самой земли мощные, покрытые наполовину омертвевшей чешуей, здесь, на высоте двухсот пятидесяти метров, гнулись под ветром и собственным весом, мерно покачивались, и Савелий, задрав голову, увидел их глянцево отсвечивающие ярко-зеленые верхушки. На семидесятих уровнях уже можно было жить, тут сквозь зеленый часток кол пробивались горячие солнечные лучи. У самой ограды, над пропастью, полуразвалиясь, бездельничали завсегда таи, отхлебывая воду «Байкал дабл-премиум» и наблюдая из-под руки за появлением и исчезновением в небе голографических реклам, обещающих по сходной цене все мыслимые и немыслимые наслаждения, начиная от подключения к проекту «Соседи» и заканчивая специальным предложением: два китайских «бентли» по цене одного, только в этом месяце и только для членов Партии Абсолютного Процвета-

ния.

Савелий подвинул спутнице кресло, сел сам, попросил свежесжатого сока – дыня с апельсином (плюс особый тоник по специальному рецепту бармена, ингредиенты держатся в секрете), вытянул ноги, чтобы всем – а главное, ему самому – были видны его новые, удобно облегающие ступни туфли, зажмурился от удовольствия (небо, ветер, полдень, XXII век) и позвал:

– Варвара.

– Что?

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже. Только подвинься немного. Ты загораживаешь мне солнце.

– Слушай, – Савелий выполнил просьбу, – ты ведь писала диплом по русской литературе XX столетия.

– Это было давно.

– Помнишь выражение «лакировка действительности»?

– Смутно.

Савелий помолчал и выдал:

– А я его вижу.

– Что именно?

– Лак.

– Я тебя понимаю, – кивнула умная Варвара.

– Мне кажется, – Савелий сменил удобную позу на еще более удобную, – что все вокруг переливается.

– Ты просто выспался и отдохнул.

– Да. Смотри, какой смешной мальчишка.

– Не смешной, а модный. В этом сезоне все опять носят оранжевое и фиолетовое.

– А что носили в прошлом?

– Желтое и белое.

– А в позапрошлом?

– Лиловое. И трехмерные татуировки.

Герц тут же вспомнил чумазого дилера, давеча предлагавшего на перекрестке запрещенную дрянь, и ощутил угрозу личному психологическому комфорту.

«Надо реже бывать внизу, – решил он. – И ездить на работу, как все нормальные трудящиеся, по платным эстакадам на высоте двадцать пятого уровня. Дороговато, зато ты избавлен от необходимости наблюдать своих бледных соотечественников, обожравшихся мякоти, хихикающих, грязных, а главное, весьма многочисленных. Да, удручает не их вид, а именно количество. Причем бледных все больше. Это заметно всякому внимательному человеку...»

– Отличный день. – Он опять улыбнулся Варваре, снова перенастраивая себя на получение удовольствия. – У меня появилось вдохновение. Предлагаю выпить по бокалу шампанского. И пойдем. Сегодня нельзя опаздывать.

– Шампанское? – задумчиво протянула невеста. – В полдень? В понедельник? Нет. Мне воспитание не позволяет.

– Как хочешь. – Савелий встал, оттолкнувшись ладонями от подлокотников и успев отметить силу своих мышц-разги-

бателей. Прекрасные мышцы-разгибатели, прекрасное кресло, прекрасное утро.

Его подруга строила свою жизнь в рамках статуса «серьезной девушки из хорошей семьи», и ее любимая форма отказа предусматривала ссылку на «воспитание». Тем самым, считала Варвара, элегантно подчеркивалась ее независимость от мужчин. За спиной невесты Савелия Герца всегда словно маячили любящие, финансово благополучные папа и мама, а также апартаменты в двенадцать комнат, с бассейном, зимним садом и живыми слугами. На самом деле, Савелий знал доподлинно, Варвара секретно презирала родителей за склонность к мещанству и с семнадцати лет жила отдельно. Дважды сходила замуж (обошлось без детей), собиралась посвятить жизнь сначала юриспруденции, затем борьбе за экологию, а потом дизайну и ваянию, пока не приземлилась в редакции ежемесячника «Самый-Самый», где выросла в первоклассную журналистку. Она надевала смелое платье, «включала леди» (ее собственное выражение) и добивалась откровенных интервью от таких людей, которые регулярно публично мамой клялись, что интервью никогда никому не дадут.

Сейчас Савелий и его женщина шли работать. Пробирались, подмигивая незнакомым и обмениваясь шуточками со знакомыми, сквозь благодушную нарядную толпу, где о работе думал примерно один из десяти. Даже на семьдесят седьмом этаже трудились только идеалисты-фанатики и те,

кто очень любил деньги. Остальные твердо знали, что работать – удел китайцев. А жители Москвы родились, чтобы наслаждаться жизнью. В XXII веке гражданин России никому ничего не должен.

Савелий Герц тоже знал, что никому ничего не должен, и тоже очень любил наслаждаться жизнью (этому учили в школе мудрые и терпеливые педагоги), но он происходил из незначительной прослойки общества, когда-то называемой «интеллигенцией», а среди ее уроженцев считалось хорошим тоном что-то делать, утруждать себя ради общественной пользы, подталкивать прогресс. Савелию сызмальства внушили презрение к праздности.

Варвара же много раз признавалась, что ей плевать на общественную пользу, она работает только потому, что некуда девать энергию.

Несмотря на разницу в происхождении и во взглядах, они отлично ладили.

Выше поднимались не на лифте – на особом самодвижущемся эскалаторе. Медленнее, зато интереснее. Веселая беззаботность семидесятых этажей сменилась чопорностью и спокойными цветами восьмидесятых. Сюда бездельникам вход был заказан – неработающему гражданину восьмидесятые уровни были просто не по карману. Здесь почти все занимались делом либо проживали родительские капиталы – но тоже осторожно и с умом. Никто не пританцовывал и не торчал по полдня в массажных салонах, торговых гале-

реях и экспресс-отелях. Здесь кое-кто выглядел мрачным. Можно было услышать брань и возгласы досады. Здесь квартировали крупные торговые компании, продающие нищим европейцам лес и байкальскую воду, а в шикарных кабинетах стряпали свои делишки посредники, распределяющие денежные «ручейки», поступающие через правительство из китайской Сибири. Распределители не «ручейков», но «рек» и «морей» сидели, разумеется, на девяностых уровнях: там, выше верхушек самых высоких стеблей, наслаждалась солнечным светом элита Москвы – самые богатые, самые влиятельные, самые ловкие и самые страшные люди.

На восемьдесят третьем они прошли через зал, устроенный так, чтобы всякий попавший сюда человек проникался специальной благородной меланхолией: негромко журчала вода в фонтанах, и подле высокотехнологичных каминов с живым огнем в глубоких креслах сидели дочерна загорелые мужчины и женщины, озабоченные не расходом дармовых китайских денег, а их приумножением. Улыбаясь друг другу, они демонстрировали зубы, покрытые, по последней моде, ярко-красным лаком.

Савелий толкнул дверь из карельской березы, пропустил вперед Варвару и вошел в помещение редакции одиознейшего, скандальнейшего и популярнейшего московского журнала «Самый-Самый».

Всякий переступивший порог редакции первым делом видел местную достопримечательность – известное всей Москве кресло чиппендейл, крытое лоснящейся кожей. Сделанное на заказ, оно было ровно в два с половиной раза больше, чем любое другое обычное кресло. Три метра высотой. Героев очередного номера журнала фотографировали в лоне гиганта либо на его фоне: это считалось честью, при том что персонажи интервью, по контрасту с циклопическими подушками и подлокотниками, выглядели, как правило, малолетними хулиганами либо девочками-хорошистками с плотно сдвинутыми коленями. Посредством уникального кресла здесь культивировалось парадоксальное остроумие: мы напишем, что ты самый-самый, но увековечим в виде дурака. согласишься – стало быть, ты и есть настоящий, стопроцентный самый-самый.

Савелий и Варвара прошли дальше, в залитый светом общий зал. В редакции презирали кабинетную систему, люди работали на глазах друг у друга. В сотрудника, ведущего сверхважную телефонную беседу, могли бросить комком бумаги или апельсиновой кожурой. Во-первых, чтобы расслабился, а во-вторых, чтобы не забывал: нет и не бывает ничего сверхважного. Есть только самое-самое и все остальное.

Здесь, в ожидании начала еженедельного совещания, со-

брался мозговой центр скандального еженедельника. Те, кто, собственно, и создавал каждый номер. Маленькая Валентина Мертваго, редактор отдела новостей, и два журналиста-универсала: Пружинов, узкий брюнет с холодным взглядом, безжалостный сноб, знаменитый сумасшедшей работоспособностью, и его антипод Гоша Деготь – неряшливо одетый, с потухшим взглядом. Оба маэстро – вместе с Савелием и Варварой – тянули на себе всю творческую часть: интервью, репортажи, аналитику, но если блестящий Пружинов только набирал вес и считался в профессиональном сообществе первостатейной восходящей звездой, то Гоша Деготь, хоть и выдавал шедевры, быстро скользил в обратном направлении. Много пил и недавно пережил развод. Сейчас он единственный из всех не улыбнулся вновь прибывшим.

У стены на стуле пристроился смутно знакомый Савелию мальчишка с оранжевыми волосами. Герц сообразил, что именно эти волосы обсуждал с Варварой полчаса назад в баре на семьдесят пятом уровне.

– Наконец-то, – звучно провозгласил Пружинов. – Старик без вас не хочет начинать.

Тут же из-за полуоткрытых дверей конференц-зала слышался скрипучий фальцет:

– Что там? Соизволили прибыть наши голубки?

– Так точно! – крикнул Герц.

– В задницу твою «точно»! Заходите, начнем.

Все, включая загадочного юношу, торопливо вскочили и

прошли, едва не толкаясь локтями, в соседнее помещение, где во главе стола в новейшей китайской инвалидной коляске поджидал свою паству, своих детей, своих рабов маленький старик со скрюченным телом мумии. Два десятка длинных волос, уцелевших на сером, в пятнах пигментации, черепе, были забраны сзади в косицу, непомерно длинные пальцы, лежащие на ручках управления, хищно шевелились. Сколько ему лет – знал только он один; официальный возраст был сто три года.

Шеф-редактор и владелец журнала «Самый-Самый» Михаил Евграфович Пушкин-Рыльцев выглядел как человек, в юности сочинявший стихи о любви, но однажды резко завязавший со стихами, любовью и юностью. В гостиной его квартиры – Савелий сам видел – за антикварным ломберным столиком сидели голые по пояс голографические модели Зигмунда Фрейда и Карла Маркса – играли в «Монополию» на щелбаны.

Глядя в огромное окно, шеф ждал, пока все рассядутся. Гоша Деготь дернул Савелия за рукав и прошептал:
– Ты мне сегодня нужен. Вечером. Приезжай. Только обязательно.

– Что случилось? – осторожно поинтересовался Герц.

– Ничего. Но это очень важно.

Савелий уловил запах перегара. Удержался – и от того, чтобы поморщиться, и от того, чтобы удивленно поднять брови. «Очень важное ничего». Как раз в стиле нынешнего

Гоши.

– Герц! – каркнул Пушкив-Рыльцев. – Прими вправо! Ты загораживаешь нашему трезвеннику солнце.

Гоша Деготь побагровел. Сидящая напротив Варвара поджала губы, чтобы не улыбнуться. Незнакомый мальчишка, наоборот, улыбался во весь рот.

– Все понял, – сказал Савелий Гоше. – Я приеду. Извините, шеф.

– Сам ты шеф, – отбил Пушкив-Рыльцев.

– Я не шеф, – мирно возразил Герц.

– Тогда сиди и не хрюкай.

Пружинов фыркнул.

– Начнем, – провозгласил старик.

* * *

Гошу Дегтя в редакции жалели и презирали. Именно в такой последовательности. По крайней мере сам Савелий, заведя угрюмого сутулого Гошу, испытывал сначала сильную жалость – как если бы Гоша имел какой-либо физический недостаток типа косоглазия, – а потом, сразу, столь же сильное презрение, поскольку Гоша в своем косоглазии был сам виноват.

Семь лет назад Гоша вступил в экспериментальный проект «Соседи». По заданию редакции. В квартире Гоши установили пятьдесят миниатюрных видеокамер. Наблюдать за

подробностями Гошиной жизни, включая самые интимные детали, мог любой участник проекта «Соседи». И наоборот, сам Гоша, включив телевизор, получал доступ к первоклассным цветным трансляциям из квартир нескольких тысяч прочих участников затеи. Проект был коммерческим: семьи, чье существование вызывало интерес у наибольшего количества наблюдателей, попадали в особый рейтинг и получали от спонсоров одежду и бытовую технику.

Гоша Деготь считался зубром журналистики. Его первые статьи о проекте «Соседи» взхлеб читала вся Москва. Гоша стал подтянут, красиво одевался, бросил пить и сквернословить. Еще бы, ведь за ним круглосуточно наблюдали (надо сказать, что отказ от ругани дался ему с трудом – журналисты все страшные матерщинники). Гоше завидовали. Спустя год проект разросся и стал бешено популярным. В «Соседи» записывались десятками тысяч – в основном нижние этажи, бледные слои населения. Число преступлений на бытовой почве резко сократилось. Органы правопорядка торжествовали. За первые три года в проект вошли две трети населения гиперполиса. Гоша Деготь издал книгу «Я ваш сосед», затем еще одну, обе стали бестселлерами. Однако на исходе третьего года со звездой журналистики что-то произошло. Поведение звезды изменилось. Когда-то ухоженный импозантный мужчина, само обаяние и остроумие, он перестал следить за собой, не причесывался и избегал появляться в собственном доме – проводил время или на работе, или

в баре за стаканом алкоголя.

В то время в рейтинге «Соседей» первое место стабильно занимала семья Петуховых: агрессивный папа Петухов, истеричная мама Петухова, бабушка-алкоголичка и три взрослые дочери, все нимфоманки. Женихи дочерей непрерывно менялись, букмекерские конторы принимали ставки на срок сожительства с тем или иным молодым человеком. Никто из семьи давно нигде не работал и вообще не покидал обширной квартиры – входную дверь открывали, только чтобы принять от спонсоров очередную кофеварку. Однажды, спустя неделю после грандиозного банкета, посвященного пятой годовщине проекта, папа Петухов – к тому моменту миллионер в рублях, долларах и юанях, – дождавшись прайм-тайма, забаррикадировал окна и двери, взял топор и с криками: «Я не Петухов, я – Раскольников!» – зарубил насмерть и жену, и бабушку, и трех дочерей. Казнь смотрела рекордная аудитория в восемнадцать миллионов. Пульт оперативного дежурного по городу сгорел от пяти миллионов одновременных входящих звонков.

По личному приказу тогдашнего премьер-министра проект «Соседи» был закрыт.

Следующий месяц вошел в новейшую историю страны как «кровавый июль». Около тысячи человек, бывшие участники проекта, главным образом люди преклонного возраста, покончили с собой, более пяти тысяч объявили голодовку, десятки тысяч вышли на улицы. Премьер лишился кресла.

Проект возобновили. Интеллектуалы с семидесятых и толстосумы с восьмидесятых этажей презирали «Соседей». Само слово стало бранным, за невинное когда-то обращение «сосед» можно было получить по физиономии. Но семью Петуховых сменила в топ-сто другая, столь же достойная, семья.

Гоша Деготь, давно вышедший из проекта, весь последний год писал книгу «Нет, я не ваш сосед!!!», но вдохновение покинуло мэтра, а издатели не проявляли интереса, поскольку всерьез связываться с «Соседями» никто не хотел. Система, где граждане сами с наслаждением подглядывают друг за другом, была выгодна всем. Одно время поговаривали, будто создатель «Соседей» – глава акционерной компании «Двоюродный брат» миллиардер Голованов – вот-вот получит государственную премию.

Савелий не любил тех, кто жалеет себя. А Гоша Деготь – когда-то отличный малый – теперь только и делал, что вздыхал и заглядывал всем в глаза, ища сочувствия. Его карьера была погублена. Едва он отважился опубликовать очередной материал – хотя бы невинный репортаж с выставки декоративных собачек, – как интеллектуалы заваливали редакцию письмами с требованиями вышвырнуть «этого соседа» вон. Телевизионщику Маркину, ведущему программы «Кумиры прошлого», Гоша едва не сломал шею в ответ на предложение поучаствовать.

Дело осложнялось тем, что Савелий был товарищем Гоши

Дегтя.

– Господа! – провозгласил старик, грубо откашлявшись. – Прежде чем начнем, я сделаю сообщение. Нашего полку прибыло. В журнале новый сотрудник. Знакомьтесь. Филипп.

Мальчишка откинул со лба оранжевую прядь, встал и кивнул. Юный, гладкий, загорелый, пахнущий ультрамодной туалетной водой «Солнце страсти». Волосы до плеч, удлиненное лицо со слабыми, но все же заметными признаками вырождения, фиолетовая рубашка с интерактивными аппликациями – эдакий индустриальный херувим.

– Четвертый курс университета, – продолжил шеф, – отличник и прочее. Взят на испытательный срок. Кликуха его будет Филиппок. Ты не против, о прекраснейший?

Новичок покраснел и опустил глаза.

– Чудненько, – провозгласил Пушков-Рыльцев и поморщился (видимо, тоже унюхал тяжелый аромат, специально рассчитанный на семнадцатилетних девочек, обожающих шоколадки и песенки в исполнении томных блондинов). – Итак, сначала о главном. – Старик вздохнул и задрал подбородок. – Камрады! Завтра у нас большой день. Юбилей! Нам тридцать лет! А через две недели мы должны сдать праздничный номер. И это, – шеф обвел паству тяжелым взглядом, – будет сумасшедший номер. Бешеный. Не имеющий, черт побери, аналогов. Насчет полиграфии я уже договорил-

ся, у нас будет обложка с трехмерной графикой и каждая страница – с отдельным запахом... Но про всю эту ерунду – потом. В данный момент меня волнует содержание. Сейчас каждый из вас встанет и выскажет гениальную идею. Другие не принимаются. Только гениальные. Начнем с дам-с. Валентина, прошу.

Валентина переглянулась с остальными и тихо произнесла:

– Пусть скажет Варя.

– Да, лучше я. – Варвара встала и прижала руки к груди. – Идея есть. Одна на всех. Мы вместе думали несколько дней. Идея такова. Михаил Евграфович! Весь юбилейный номер будет посвящен вам.

Коллектив энергично зааплодировал, причем громче всех хлопали Пружинов и новичок. Но Пушкин-Рыльцев, сначала изумленно вскинувший мохнатые брови, одним мановением ладони установил тишину.

– Мне? – с отвращением переспросил он. – Что за бред? То есть я вас понимаю, ребятки, спасибо и так далее, но это невозможно. Варя, сядь. Следующий!

– Это не я придумала, – проигнорировав распоряжение, звенящим голосом произнесла Варвара. – Это общее решение. Каждый из нас напишет про вас текст. Далее – фоторепортаж о вашем кабинете, о вашей квартире...

– Общее решение? – перебил старик. – Вы все заодно, значит?

Коллектив расцвел улыбками. Старик выкатился из-за стола, подрулил к стене и резко развернул кресло. Сделался хмур.

– В задницу общее решение. Этого не будет.

– Но почему? – воскликнула Варвара.

– Потому что, дети мои, журналюга не может писать о самом себе. Это неэтично. Я не могу допустить, чтобы мой собственный журнал публиковал обо мне статьи.

Пружинов поправил шикарный галстук.

– Мы решили, что сейчас – особый случай.

– В задницу такой случай.

Варвара села, шумно двинув стул.

– Мы настаиваем, – решительно заявила Валентина и посмотрела на Филиппка.

Тот энергично кивнул.

«Тебя пока никто не спрашивает», – раздраженно подумал Савелий.

Тем временем старик грустно вздохнул и произнес:

– Значит, бунт на корабле? Послушайте меня, мальчики и девочки. Для широкой публики я уже давно не существую. Каждый из вас мог заметить, что я подписываю псевдонимом даже колонку редактора. Знаете, что будет, если выйдет номер, целиком посвященный мне, грешному?

Над столом воцарилось молчание. Савелий понял, что у каждого есть свой вариант ответа и каждый решил оставить его при себе.

– Будет вот что, – желчно продолжил Пушкив-Рыльцев. – Люди удивятся и скажут: «Надо же! Оказывается, этот старый пердун еще жив!»

Юный стажер, не привыкший, разумеется, к манерам шефа, не выдержал и рассмеялся.

– Правильно, Филиппок! – воскликнул старик. – Это смешно! Я стар, я инвалид, я пукаю мхом и никому не интересен. Мне не нужна слава и портрет на обложке. Поэтому вашу общую идею я отмечаю как неконструктивную. Материал о столетнем маразматике не укрепит наши позиции на рынке качественной прессы. Давайте что-то другое.

Сотрудники безмолвствовали.

Заговор был устроен еще неделю назад. Идейными вдохновительницами выступили редакционные дамы. Уговорились твердо стоять на своем и убедить патриарха любыми путями. Но сейчас все рухнуло: патриарх, как всегда, в две минуты подавил всех силой авторитета.

Савелий подождал несколько мгновений и заявил:

– У нас нет других идей. Мы хотим написать о вас, и только о вас. Потому что вы, Михаил Евграфович, и есть настоящий самый-самый. Уступите нам. Позвольте сделать то, что мы задумали.

– Нет, – ответил старик. – Еще одно слово на эту тему, и все присутствующие, кроме юного дарования, будут немедленно уволены.

Тишина стала гулкой, почти невыносимой. Потом Варва-

ра – девушка дерзкая – швырнула на стол карандаш, достала из сумочки зеркало и демонстративно занялась рассмотрением собственных губ.

– Раз других идей нет, – спокойно продолжил Пушкин-Рыльцев, снова подъезжая к столу, – слушайте мою идею. Мы найдем героев предыдущих юбилейных номеров, и не только юбилейных – всех наших лучших, ударных номеров, – и напишем о том, как сложилась их жизнь спустя десять или двадцать лет.

– Отлично! – тут же воскликнул Пружинин.

Присутствующие немедленно прожгли его взглядами.

– Кто еще согласен? – спросил шеф. – Ну? Я жду.

– Все, – вздохнул Савелий. – Все согласны.

– Тогда приступим к распределению задач. Я просмотрел вчера весь архив. Кое-что нашел. Первое: был когда-то такой юноша, Гарри Годунов, он написал роман и прогремел. Наш журнал писал о нем подробно. Потом гений объявил о начале работы над новымopusом и исчез.

– Не исчез, – поправил Савелий. – Переехал на нижние этажи. Стал употреблять мякоть стебля... и погубил себя. Он был моим товарищем. Это я писал о нем.

Старик кивнул:

– Найди его и узнай, что с ним.

– Я и так знаю. Он деградировал.

Пушкин-Рыльцев пошевелил остатками бровей.

– Это не ответ. Что значит «деградировал»? До какой сте-

пени? Может, он специально деградировал, чтобы описать свои ощущения. Может, именно сегодня он поставил точку в книге, которую писал все эти годы, и сейчас, всеми забытый, прикидывает, как ему информировать человечество о своем новом великом творении. Разыщи его.

Савелий кивнул и посмотрел на подругу. Варвара показала ему кончик языка.

– Дальше, – грянул Пушкив-Рыльцев. – Был бизнесмен, придумал продавать горячие чипсы. Мы о нем писали. Разбогател неслыханно...

– Это был мой герой, – подал голос Гоша Деготь. – Отдайте мне. Только он скучноват для юбилейного номера.

– Вообще-то, – сказал шеф, – для тебя, Деготь, у меня особое задание. Я хотел, чтобы ты пошел к Евгению Голованову, главе корпорации «Двоюродный брат» и создателю проекта «Соседи»...

Гоша Деготь побелел и задрожал. Пушкив-Рыльцев улыбнулся.

– Ладно-ладно. Я пошутил. В «Двоюродный брат» пойдет Варвара. Разведка донесла, господин Голованов любит сексуальных брюнеток.

Варвара покраснела.

– Только тебе, маманя, – невозмутимо продолжил старик, – придется сделать чудо. Потому что Голованов, хоть и свинья тщеславная, меня ненавидит – и уговорить его будет нелегко.

– Мне что же, – осведомилась Варвара, – заплатить за интервью натурой?

– Обсуди это с женихом, – хмыкнул Пушкив-Рыльцев. – Но Голованов в юбилейном номере мне очень нужен... Следующий кандидат – некто Глыбов, по прозвищу Продавец Солнца. Создал сеть соляриев для малоимущих. Мы писали о нем десять лет назад, ему тогда было только двадцать девять.

– Я возьму, – вызвался Савелий. – С бизнесменами у меня хорошо получается.

Старик благосклонно кивнул, поморщился от резкого приступа некой стариковской хвори, перевел дух и продолжил:

– Наконец, главное. Когда все вы еще ходили в детский сад, в первом номере своего журнала я делал материал про доктора Смирнова. Это великий человек, чтоб вы знали. С ним я поработаю сам. Только мне нужны его координаты. Чтоб через час адрес и телефон лежали у меня на столе. Пока все.

– А мне что? – спросил Пружинов.

Пушков-Рыльцев пожевал губами.

– Тебе – специальное задание редакции. Будешь готовить банкет. Найди хороший кабак, где-нибудь на девяносто пятом уровне. Договорись, заплати, согласуй меню. Скажи там, чтоб не расслаблялись. Будет гулять журнал «Самый-Самый», и мы не потерпим на нашем торжестве конья-

ка моложе пятидесяти лет. – Шеф-редактор набрал в грудь воздуха. – Чтоб завтра все были при параде! Мальчики при бабочках, девочки при декольте.

– Спереди или сзади? – поинтересовалась Валентина.

– Глупый вопрос. И там, и там! Минимум одежды – максимум надежды! Что, Филиппок? Я прав?

– Да, – отозвался новичок.

– Отлично. Напоследок давайте пробежимся по новостям. Огласите сводку. Сенсации, скандалы, небо упало на землю, китайцы ушли из Сибири с извинениями – есть что-нибудь?

– Сводка скучная, – подала голос Валентина. – Я кое-что нашла, но...

– Говори.

Валентина раскрыла папку из настоящей бумаги (в шикар­ных редакциях – а редакция журнала «Самый-Самый» считалась в Москве самой шикарной – не было принято использовать пластик), тоненько прокашлялась и начала:

– Регулярный авиарейс «Чикаго – Москва» отменен по требованию американской стороны. По новым, только что вступившим в силу стандартам каждый аэропорт, где принимаются самолеты из США, должен быть оборудован специальными дверями и проходами шириной не менее семи футов, чтобы граждане США не застревали при движении. В очередной раз подчеркивается, что в случае застревания Со­единенные Штаты готовы послать для спасения своего граж­данина авианосец. У американской стороны есть претензии

и по туалетным помещениям: прочность и пропускная способность сантехники должна быть увеличена.

– Интересно, – хмыкнул старик. – Я это обдумаю. Дальше. Валентина опять прокашлялась.

– В топ-сто проекта «Соседи» взлет недели...

– В задницу «Соседей», – перебил Пушкив-Рыльцев и повернулся к Гоше Дегтю: – Правда, Гоша?

Деготь кивнул.

«Зря он так», – подумал Савелий о шеф-редакторе.

– Дальше, – потребовал босс.

– В клубе «Сома» представлен новый проект: журнал «Форбс» для младшего школьного возраста.

– Интересно. Пусть туда ходит Филиппок. Материал сделать в критическом ключе. Максимум сто строк. Дальше.

– В третий раз за год осквернена могила Иосифа Сталина, органы следствия подозревают изъятие тканей с целью клонирования. Как известно, на сегодняшний день на учет поставлено семьдесят два кустарных клона Сталина – все они могут произносить только три слова: «Братья и сестры»...

– Старый анекдот, – с отвращением поморщился шеф-редактор. – Вдобавок – вранье. Я беседовал с одним из клонов Сталина три часа. Умнейшее существо. Только курит много. Дальше.

– Неделя до премьеры нового фильма «Страсть и гнев», в главной роли Анжелина Лоллобриджида, беспрецедентный актерский состав, задействованы модели седьмого поколе-

ния. Обещаны боевые сцены с участием моделей Керка Дугласа, Джеки Чана и Михаила Пореченкова, в эпизодах модели Митхуна Чакроборти, Марлен Дитрих, Энтони Хопкинса и Георгия Вицина.

– В задницу такие фильмы. Что есть из сибирского корпункта?

– От китайцев – только официальные сводки. Рекордный урожай зерновых, введен в действие новый завод по производству...

– В задницу. Дальше.

Все знали, что Пушкив-Рыльцев не любит китайцев. И даже ходили слухи, что владелец журнала «Самый-Самый» воевал в Сибири. Поговаривали, будто именно китайская пуля, попав в позвоночник, лишила подвижности нижнюю часть тела шеф-редактора.

Валентина закрыла папку.

– Это все.

– Негусто, – проскрипел старик. – Ладно. Теперь, – он сипло вздохнул, – все встают, выходят отсюда и начинают действовать. Герц!

Савелий вздрогнул.

– Останься.

Пушков-Рыльцев терпеливо подождал, пока последний выходящий – новичок Филиппок – закроет двустворчатую тяжелую дверь. Со спины у стажера оказалась немного бабская фигура – вялые плечи против тяжелой задницы.

– Что у тебя за дела с Дегтем?

Савелий выпрямил спину.

– Он мой товарищ. Вот и все дела.

– Держись от него подальше. Он пьет.

– Это его дело, – спокойно отозвался Савелий.

– И мое тоже. И твое. – Старик подождал возражений, не получил их и объявил: – Кое-что меняется. Я передумал. Тебе придется сходить к доктору Смирнову. Это мой старинный приятель, я позвоню ему и договорюсь.

Герц кивнул:

– Сходить – это легко. Но тогда получится, весь юбилейный номер будет написан одним только мною.

Старик удивился:

– А что тут такого? Я начинал журнал в одиночку. Тебе будет полезно. Покрутись, побегай. Пожертвуй этим, как его... персональным психологическим комфортом.

С какой стати чем-то жертвовать, подумал Савелий.

– Это будет, – продолжал старик, – твой, хе-хе, дембельский аккорд. Знаешь, что такое «дембельский аккорд»?

– Нет.

– Ну и ладно. А вечером, ровно в девятнадцать тридцать, будь здесь. В редакции. Надо поговорить. Отмени все дела. Не опаздывай. – Пушкив-Рыльцев игриво подмигнул (эта игривость была ужасна, так мог бы ухмыляться тираннозавр) и добавил: – А то испортишь себе жизнь на много лет вперед.

Покинув конференц-зал, озадаченный Савелий нашел

коллег в дальнем помещении редакции, приспособленном для перекуров, чаепитий и уединенных посиделок. Как обычно, по окончании оперативного совещания сотрудникам требовалось время, чтобы прийти в себя. Столетний шеф-редактор распространял вокруг себя слишком мощные энергетические волны.

Впрочем, к моменту прихода Герца монстры журналистики, вполне расслабленные, развлекались тем, что допрашивали новичка.

– ...Он мне говорит: закончи университет! – рассказывал румяный Филиппок. – Я говорю: зачем? Я и так все знаю. И уже приглашен работать в солидное место. Мне, говорю, надоело учиться. Потом доучусь. Года через три или четыре. А он: нет, ты должен получить диплом. Я ему: папа, я никому ничего не должен. А он обижается...

– Но ты действительно никому ничего не должен. – Варвара блеснула глазами.

– Естественно! Но папа... Ему восемьдесят лет, он человек из прошлого. Я всю жизнь от него слышу: ты должен это, ты должен то... Я тебя растил, я тебя кормил... Я ему говорю: папа, ты не обязан был меня кормить, меня бы в любом случае прокормило государство...

«Приятный парень», – подумал Савелий, а вслух произнес:

– Тяжело тебе с папой.

– Не то слово! – воскликнул мальчишка. – Однажды он

посмотрел один из моих учебников. «Основы теории абсолютного процветания». Заплакал, представляете?! Пытался порвать книгу. Думал, она – бумажная.

– А на каком этаже ты живешь? – спросил кто-то с дальнего конца стола.

– Ну, я родился на шестьдесят первом. Сейчас снимаю на пятьдесят седьмом, на двоих с подругой.

Савелий и Варвара переглянулись. Вокруг раздались вежливые вздохи.

– Хороший этаж, – похвалила Варвара. – Скромно и со вкусом. А чем занимается твоя... э-э... девушка?

– Пока ничем. Дома сидит. У нее родители – «соседи», она выросла под объективами. А квартира, где мы сейчас живем, не подключена. И теперь у нее депрессия. Все время на меня рычит, ругается... Жалуется, что я ей солнце загораживаю... Говорит, без «соседей» невыносимо. Ей кажется, что она никому не нужна, всеми брошена и так далее. Я объясняю, что «соседи» – игрушка для бледных, а она обижается.

– Сходи к участковому психотерапевту.

– Ходил. Врач сказал, что это зависимость. Отвыкание займет несколько месяцев, потом станет легче. В крайнем случае посоветовал подключиться... Сказал, что сам – «сосед» с большим стажем.

– Все психотерапевты – «соседи» с большим стажем, – тихо заметил Гоша Деготь.

– Отвези свою девушку отдохнуть, – посоветовал кто-то. –

В Европу.

Филиппок покачал головой:

– Там еще хуже. Я два раза ездил. Больше ни ногой. Скучно, грязно, все голодные, все бледные. Или работают с утра до ночи, или попрошайничают. По пять раз в день умоляют продать немного мякоти стебля. У них это называется «русская трава». Или «кремлевская». Дурацкие вопросы задают. Думают, мы тут, в Москве, сами растим эту траву для собственного удовольствия. Завидуют страшно... Нет, я больше не поеду. И подруга не поедет.

Над столом опять пронесся вздох.

– Извини, Филипп, – мягко прервала его Варвара. – Ты хороший мальчик, но тебе не следует употреблять слово «подруга». А тем более – «друг» или «дружба»... На верхних этажах так не принято.

Студент покраснел, улыбнулся и потрянул головой.

– Понял. Прошу прощения. Нельзя ли мне еще воды? Обожаю «экстра-премиум».

– Ее нам поставляет рекламодатель, – со значением произнес Пружинов. – Теперь, юноша, вы будете пить ее каждый день.

Филиппок восторженно рассмеялся.

Мысленно планируя день, Герц вышел в общий зал – к этому времени уже заполненный чернорабочими журнального дела: секретаршами, верстальщиками, координаторами

фотосъемок и самими фотографами, главным образом переутомленными, но разбитными юношами в богемных свитерах, – и прошелся из угла в угол. Его аккуратно обходили, боясь задеть и потревожить. Молодежь давно считала его мэтром и обращалась по имени-отчеству, с легким поклоном, что, кстати, немало помогло Савелию в период покорения сердца своенравной и насмешливой девушки Варвары.

«Неплохо было бы, – подумал он, – отловить сейчас своенравную и прижать где-нибудь в углу, для забавы и вящей эмоционально-гормональной подпитки». Но Варвара, окруженная помощниками, уже была сама не своя – настоящая деловая женщина. Герц только махнул ей рукой на прощание, а сбоку референтка с личиком старательной дуры (впрочем, вполне приятная) уже протягивала ему листок с адресом места первой встречи – интервью подготовлено, с клиентом созвонились и договорились, очертили круг вопросов, которые желательно затронуть, а также вопросов, которые затрагивать нежелательно. Осталось поехать и сделать дело.

3

В детстве Савелий играл в сибирских партизан.

Все мальчишки играли в сибирских партизан. Сибирские партизаны были в моде. Точнее, не сами партизаны, а игры в сибирских партизан. Самих партизан мало кто видел даже в Сибири. Не говоря уже о Москве. Но Савелий играл.

Он воображал себя неутомимым, жующим вяленую медвежатину. Он скрывался в тайге, он возглавлял маленький надежный отряд, он наводил ужас на жадных, суетливых, одуревших от опиума китайцев, считающих, что земля, куда их временно пустили пожить, принадлежит им.

Правда, отец – старый гуманитарий – иногда пытался объяснить Савелию, что двести миллионов китайцев живут в Сибири не бесплатно, что они ежегодно платят огромные деньги и именно эти китайские деньги являются основой невиданного в мировой истории благосостояния российского народа. А главное, повторял отец, что до прихода китайцев Восточная Сибирь была диким полем, а теперь там – цветущие сады, заводы и фабрики. Где русский человек не сподобился вырастить картофельный клубень, китаец теперь растит апельсины.

Савелий намазывал китайское масло на китайский хлеб, его возили в школу на китайском автомобиле, он сидел за китайской партой и учил науки по учебникам, отпечатанным на китайской бумаге.

Китайцы умели делать все. Они работали с утра до ночи и еще аккуратно платили за то, что им позволили работать на чужой территории. Поэтому никто не любил китайцев. И сибирские партизаны были очень популярны.

В самой же Китайской Народной Республике, несмотря на ее никем не оспариваемое лидерство в мировой экономике, не все было гладко. Полвека назад, в начале пятидесятых,

наконец произошло накликаемое учеными таяние полярных льдов, то самое ожидаемое всеми глобальное потепление, которым пугали детей еще в XX веке; Китай потерял почти двадцать процентов своей территории. Ушли под воду все стратегически важные порты, включая Гонконг, Шанхай, Циндао, Далянь, Тяньцзинь, Ляньюньган, Фучжоу, Шантоу, Нинбо и Сямэнь. Правительство Поднебесной развернулось лицом в сторону северного соседа. Заговорили о великой дружбе, восходящей ко временам Сталина и Мао.

Северный сосед переживал странные времена. К началу последней трети XXI века население России сократилось до сорока миллионов. Это сильно уязвляло национальную гордость граждан – но не до такой степени, чтобы граждане стали активнее размножаться. Гордость гордостью, а детей растить – дело хлопотное. Может быть, русские люди плохо размножались из вредности, в пик многодетному исламскому Кавказу или тому же многодетному конфуцианскому Китаю. Или оттого, что русские женщины вынуждены были не только рожать, но и работать наравне с мужчинами. Так или иначе, в какой-то момент Москва вместила всех граждан России. Миграционные процессы стали необратимо центростремительными. Все, кто хотел (а хотел почти каждый), перебрались в столицу и осели.

Гигантские пространства обезлюдели, потом пришли в запустение. Идея сдать свободные территории в аренду перестала казаться кошунственной.

Кто-то возмущался. Кто-то ушел в партизаны. Потом все успокоилось само собой. И Савелий рос, имея твердое понимание мирового устройства: в Москве – деньги, в Сибири – китайцы, а в Уральских горах – партизаны.

Впрочем, школьные учителя разъяснили юному романтику, что сибирская партизанщина давно ликвидирована. Возможно, бродят по тайге два или три десятка последних непримиримых идеалистов – но и только. Еще позже, уже в университете, сведущие приятели намекнули Савелию, что антикитайское сопротивление кишело провокаторами и вообще с самого начала было организовано спецслужбами, чтобы напугать граждан, чтобы общественное мнение смирилось с законом о всеобщей оцифровке.

Идеолог сибирского сопротивления, генерал Агафангел Рецкий, умер в изгнании, в Новой Зеландии, когда Савелию исполнилось шесть лет. Но книгу генерала «Терра нострум» можно было достать и прочесть в ней, что русский человек по своей природе есть хозяин и работодатель, а никак не раб и не работник, что он владелец, но не пользователь, и подсознательно стремится владеть собственностью, даже если не умеет ею владеть. «Уметь можно научиться. Любой навык, ремесло или профессию можно освоить, и в этом нет никакой доблести, – утверждал Рецкий. – Доблесть в том, чтобы бескорыстно обладать, ничего не меняя, не прикасаясь и ни в коем случае не подпуская чужаков. Важно оторвать кусок. Можешь ты его проглотить или нет – не имеет значения».

Согласно учению бесноватого Агафангела, русская земля заповедана навеки. Дикие сибирские территории должны пребывать в собственности русских и оставаться дикими, в том же самом виде, в каком обнаружил их покоритель Сибири Ермак Тимофеевич.

По рассказам стариков, последователей опального генерала когда-то было достаточно. Не всем понравился переход через Амур двухсот миллионов подданных Поднебесной.

Савелий, однако, не застал бурных дискуссий вокруг Сибирско-Китайской Свободной Экономической Зоны. Он был младенцем, когда дискуссии прекратились. Выгоды от сотрудничества с Пекином оказались слишком очевидны: граждане России поголовно превратились в счастливых. Двести миллионов китайцев, компактно заселившись в Забайкалье и Якутии, учредили столицу в легендарном порту Ванино и в несколько лет доверху наполнили российскую казну. Воцарилось благоденствие.

Русские не работали. Работали только китайцы. На каждого русского приходилось по четыре трудолюбивых китайца. Для получения денег гражданину Российской Федерации требовалось одно: пройти оцифровку. Разрешить вживить в собственное тело микрочип. На тех, кто отказывался и кричал о тотальном полицейском контроле, смотрели как на дураков. Один укольчик – и ты обеспечен до конца своих дней! Раз в год твоя доля поступает на банковский депозит, передавать ее кому-либо нельзя, можно только тратить.

Выдача любых ссуд и займов преследовалась по закону. Ссуды, кредиты и прочие фокусы времен дикого капитализма были запрещены Конституцией еще в начале XXI века, после окончания великого кризиса десятых годов.

Понемногу наступали времена невиданной роскоши, и детство Савелия было упоительно.

Процветать было здорово. Замечательно, великолепно было просыпаться по утрам и процветать до позднего вечера – и так год за годом. Золотой век наступил невзначай, легко и изящно, – его никто не приближал, все устроилось само собой. К черту нефть, газ, древесину, прочее сырье, продажей которого когда-то пробавлялась страна. К черту русские мозги, русских изобретателей, балерин, писателей, манекенщиц, программистов, хоккеистов и невест. Русские территории – вот главный капитал нации. Квадратные километры, просторные равнины, не знающие землетрясений, цунами и торнадо. Прочные горы, влажные пространства – этого было в колоссальном избытке, и когда пятая часть цивилизованного мира ушла под воду, выяснилось, что Россия едва ли не единственная территория планеты, где можно жить, не опасаясь буйства стихий.

Однако природа приготовила здешним обитателям особенный, фантастический, уникальный сюрприз.

В один прекрасный день мальчик Савелий проснулся рано утром от грохота: за окном по проспекту шла окутанная сизыми угарными облаками танковая колонна. Мальчик не

смог рассмотреть ее как следует. Меж домом и дорогой, на широкой полосе газона, из земли выходил огромный лоснящийся столб черно-зеленого цвета, покрытый чем-то, похожим на чешую. Он тянулся прямо в небо, Савелий не смог увидеть его верхушку.

То время он помнил смутно. Рыдающую мать, панику, короткий период военной диктатуры, разговоры о конце света, многочисленные самоубийства, забитые машинами улицы. Люди бежали из Москвы на периферию, чтобы через несколько недель вернуться обратно. На периферии невозможно было жить, там отсутствовали супермаркеты, не лилась горячая вода и не включалось электричество. Там не было ничего, кроме свистящей ветрами пустоты. А Москва, хоть и превратилась в пародию на лучший город Земли, по-прежнему стояла.

Трава росла повсюду. Средний стебель достигал высоты в триста тридцать метров.

Летом 2065 года трава, появившись ниоткуда за двое суток, превратила огромный город в декорацию сюрреалистического фильма. Она пришла и больше не уходила.

Но жизнь вошла в привычную колею. Большая часть общества укрепились в мысли, что граждане Москвы имеют дело с инопланетным нашествием, что споры травы занесены из космоса, что разумна либо сама трава, либо те, кто ее насаждает. Иначе как объяснить тот факт, что ни один из десятков тысяч стеблей никогда не повредил человеческой ин-

фраструктуры – ни дорог, ни тротуаров, ни зданий? Трава не оборвала ни единого провода электропередач, не коснулась ни одной проложенной под землей коммуникации, ни канализационных труб, ни теплоцентралей. Трава росла только на свободном месте, и точка. Стебель мог вырасти на пустыре, в парке, в сквере, на крошечном газоне перед жилым домом. Стебель мог вырасти в метре от детской площадки – но никогда на самой детской площадке.

Сорок миллионов человек проснулись и увидели, что они больше не хозяева своей земли. Им оставили все их железо, весь камень, весь асфальт, всю пластмассу – отобрали только почву и солнце.

Победить траву было нельзя. На месте уничтоженного стебля вырастал новый, точно в течение пятидесяти часов. Повалить отдельное растение мог любой желающий. В первые месяцы этим занимались сотни тысяч профессионалов и добровольцев. Разбей топором чешуйчатую кору – под ней изумрудная мякоть. Трое рабочих за два часа – если с перекурами – могли срубить даже самый крепкий взрослый стебель, но спустя несколько часов на его месте появлялся новый, такой же. Скорость роста потрясала. Многие с непривычки падали в обморок, когда видели, как из земли лезет к солнцу черно-зеленое острие – это напоминало древние мифы о гидре, которой нельзя рубить голову, иначе на месте одной отрубленной вырастали две новых. И почему, кстати, то фантастическое чудовище называли гидрой, если гидра в пе-

реводе с греческого значит «вода»? Может, та первая гидра и была стеблем травы, пожирающей воду и солнечный свет?

Около сотни экстренно созданных специализированных научных центров занимались проблемой искоренения заразы. Все выделенные средства – огромные – были освоены до последней копейки, но без практического результата. Наука не смогла объяснить, почему стебли появились именно в Москве, а не в калмыцкой, допустим, степи. Трава не принадлежала ни к одному известному виду или семейству растительного мира. Собственно, она вообще не являлась травой – скорее, это была колоссальная грибница, где все зеленые лезвия связывались единой корневой системой и происходили, вероятнее всего, от одного-единственного семени, которое было либо занесено из космоса, либо подброшено геополитическими врагами России как биологическое оружие, либо лежало в земле миллионы лет, чтобы однажды ожить и прорасти по загадочным причинам.

Корневая система уходила на многие километры вниз. В гиперполисе изменились климат, температурный режим и состав атмосферы. Подобно любому растению, гигантская трава испаряла девяносто девять процентов взятой из грунта влаги. Столица России обратилась в болото, звенящее кровососущими насекомыми. Ветер перестал продувать пространства меж зданиями, улицы превратились в ущелья, где в самые солнечные и свежие дни царил влажный полумрак. Зато над землей, на высоте четверти километра, повисло

огромное облако чистейшего кислорода.

Много надежд было связано с наступлением первой зимы. Эксперты предполагали, что трава теплолюбива и не выдержит морозов. Правительство собиралось приурочить к февральским холодам тотальную вырубку. Но загадочные растения никак не отреагировали на отрицательные температуры, и кампания по зимнему повалу закончилась крахом. Новые побеги появились на месте уничтоженных как ни в чем не бывало, набирая рост и массу с одной и той же скоростью: один метр в минуту, шестьдесят метров в час, триста метров за двое суток.

Был создан проект «Плита». Стебель срезали заподлицо с почвой, разрушали корневище, вынимали грунт на глубину в пятьдесят метров, устанавливали заслон: бутерброд из титановых плит, меж ними – прочный железобетон китайского производства. Спустя двенадцать часов веселый зеленый побег пробивал заслон насквозь и за двое суток достигал своей обычной высоты.

Был создан проект «Дровосек». Специальный робот, находясь в точке роста стебля, срубал побег, едва тот вырастал хотя бы на метр – тогда растение пускало боковой отросток и выходило из земли в нескольких метрах рядом с глупым механизмом.

Были другие, столь же простые и якобы эффективные проекты и способы борьбы – физические, химические, – все они потерпели крах.

За следующие десять лет в городе было снесено три четверти малоэтажных зданий – на их месте возвели стоэтажные небоскребы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь стебли, иногда достигали пятидесятих этажей и весьма часто проникали на шестидесятые этажи. На семидесятых было очень терпимо, на восьмидесятых люди загорали, на девяностых – наслаждались, как если бы травы вообще не существовало.

А на сотых этажах жили китайцы. Все работники Сибирско-Китайской Свободной Экономической Зоны имели двойное гражданство и, как граждане России, получили право свободно покупать московскую недвижимость. И скупили – самую лучшую.

Через год после того, как вся Москва заросла травой высотой с Останкинскую телебашню, мякоть невиданного растения стали употреблять в пищу.

Через полтора года все работы по искоренению были остановлены, результаты засекречены, пожирание мякоти – запрещено под страхом уголовного наказания.

Через пять лет подходить к самому растению уже считалось дурным тоном, дотронуться значило оскорбить общественную мораль. Даже говорить о траве в публичных местах избегали. Но если о первых случаях травоядения с возмущением писали все газеты, то спустя полдесятилетия пожирание мякоти уже считалось тяжелой стыдной болезнью, чем-

то сродни сифилису или наркомании.

* * *

Неизвестно, кто первый вкусил от стебля. Однако Савелий познакомился с оригинальным бранным словом «травоед» еще в начальной школе, через три года после того, как трава атаковала Москву. Новое модное ругательство примерно соответствовало старинному и универсальному эпитету «козел» (ведь козлы тоже травоядные) – или даже превосходило по тяжести нанесенного оскорбления. За «травоеда» можно было легко получить в морду. Савелий несколько раз получал и сам давал. Эпоха абсолютного процветания не отменила честных мальчишеских драк.

Четырьмя годами позже родители накопили наконец нужную сумму и перебрались в современную башню, на сорок девятый этаж. К тому времени социальное расслоение шло полным ходом: жильцы средних и верхних уровней пользовались отдельными входами и отдельными лифтами, где самую нижнюю кнопку украшала цифра «25».

В тот же период своей жизни Савелий увидел первого настоящего травоеда.

Однажды лучший друг Гарри Годунов предложил для расширения кругозора прокатиться на окраину города, в Восточное Крюково – густо заросшее стеблями скопище лужковских домов между Третьей и Четвертой кольцевыми до-

рогами, настоящее гетто а-ля «кризисные десятилетия». Савелий, благоразумный бесконфликтный паренек, не слишком рвался в сомнительный вояж, но не хотел выглядеть трусом в глазах товарища, известного хулигана и философа.

Они долго ехали на метро – то под землей, то над нею. Добравшись, прогулялись по сырым, дурно асфальтированным дорожкам, засыпанным мусором, удивились тишине и безлюдью. Савелий воображал агрессивную шпану, проституток, сверкающие огнями двери притонов и шалманов, – а увидел унылые пустые улицы. Пахло мочой, на дверях магазинов висели внушительные замки. Редкие прохожие, завидев модно одетых четырнадцатилетних путешественников, широко улыбались и приветственно махали руками, но после улыбок и доброжелательных жестов почему-то спешили перейти на другую сторону улицы либо свернуть в подворотню. Ни с одним из аборигенов не удалось сблизиться менее чем на тридцать шагов. Никто не задира л двоих отважных героев, не провоцировал, не пытался отобрать деньги. В конце концов Годунов – всем известный авантюрист – осмелел и предложил купить бутылку вина, чтоб демонстративно распить в публичном месте. Стали искать торговую точку, заблудились и в одном из дворов почти нос к носу столкнулись с тощим, совершенно дикого вида человеком. Не успели испугаться, как лицо незнакомца, очень бледное, даже серое, перекосилось в радостно-изумленной гримасе: последовали улыбки, подмигивания и демонстрация большого пальца, но

одновременно странный дядька стал ловко пятиться назад, устанавливая дистанцию, неудобную для разговора.

Он выглядел так, словно выиграл в лотерею миллион. Слегка пританцовывал. Глаза блестели. Он что-то напевал себе под нос и поминутно закидывал голову, смотрел в небо и жмурился. Он был грязен, небрит и нечесан, босые желтые ступни – в ветхих засаленных тапочках.

– Эй, – громко позвал смелый Годунов. – Как дела?

– Отлично, бя! – воскликнул незнакомец, улыбаясь и дергая головой в такт музыке, которую никто, кроме него, не слышал. – Просто отлично, бя.

– А где тут ближайший магазин?

Не переставая пятиться, дядька пожал плечами и состроил комическую гримасу. Годунов сделал несколько решительных шагов вперед, однако абориген, счастливо захихикав, повернулся к ним спиной и пошел прочь, не спеша, не оглядываясь и выражая спиной полное равнодушие к своим несостоявшимся собеседникам.

– Наркоман, – предположил Савелий.

– Нет, – ответил Годунов. – Это травоед. Они тут все травоеды. Мне рассказывали – я не верил. Но теперь сам убедился. Говорят, их сейчас чуть не пол-Москвы.

– Ладно врать. Я такого оригинального типа впервые вижу.

– А это не обычный, – объяснил Годунов. – Это – конченный. Я тоже в первый раз вижу конченного травоеда. Который

жрет только траву. И больше ничего. Мне про таких взрослые пацаны говорили. Конченого травоеда ничего не интересуется, и ему никто не нужен. Поэтому тут так пусто. Они все по домам сидят...

– И что делают? – спросил Савелий, ощущая неуют и оглядываясь.

– Ничего, – сказал Годунов. – Зачем им что-то делать? Им и так хорошо.

– Это и есть наркомания.

– Нет, – авторитетно ответил Годунов. – Наркотики наносят здоровью вред. От наркотиков умирают. Передозировка, ломка и прочие ужасы. А мякоть стебля безвредна. Это доказано учеными. У меня есть приятель, он стащил у своего отца секретный доклад и снял копию. Мне давал почитать, на одну ночь. Никакого вреда, понимаешь? Десяти граммов сырой мякоти стебля достаточно, чтобы человек получил суточную дозу энергии. В мякоти есть все. Растительный белок, витамины и углеводы. Это как питаться хлебом, орехами и оливковым маслом, только в концентрированном виде. Проглотил чайную ложечку – и весь день сыт. Плюс сильное ощущение эйфории. Радость в чистом виде, понял?

– Понял, – мрачно ответил Савелий (ему хотелось домой). – Я же говорю, наркотик.

– Говорят тебе, это не наркотик, – возразил Годунов, горячась. – Даже самые мягкие наркотики разрушают нервную систему. Принимаешь наркотик – тебе хорошо. Перестаешь

принимать – тебе плохо. При систематическом приеме наркотика организм перестает вырабатывать естественный гормон удовольствия, эндорфин...

Они стояли на углу. Справа был двор, некогда облагороженный газоном. Сейчас этот газон превратился в пыльную плешь, из центра ее тянулся вверх мощный стебель: тридцать метров длины, четыре метра ширины, глянцевая черно-зеленая поверхность в мелких чешуйках, а высота – отсюда и до облаков. В полутора метрах от земли тело стебля украшали шрамы. Они немного отличались по цвету – по краям коричневые, в центре изумрудные. Слева тянулась темная пустая улица: то одна, то другая одинокая фигура перейдет дорогу (в любом месте; машины тоже отсутствовали) – и опять возвращается странное ощущение нереальности происходящего.

– ...А мякоть стебля, – продолжал Годунов, – действует на человека иначе. Как – никто не знает. Ученые теряются в догадках. Это самая настоящая таблетка счастья, понимаешь? Съел ложечку мякоти – и ты сыт, доволен, весел, тебе хорошо, и все это – без последствий.

– Так не бывает. – Савелий покачал головой. – Ты, Годунов, конечно, умный, рассказы пишешь и вообще... но я тоже кое-что знаю. В природе все уравновешено. За удовольствия надо платить. Тем более – за эйфорию. Всякое животное устроено так, что ему нужны не только удовольствия, но и стресс. Страх, гнев и так далее. Если человек будет только

наслаждаться и не будет страдать – он перестанет совершенствоваться и исчезнет с лица земли.

– Ага. – Годунов потер сломанный нос. – Ты, брат, это все сказал бы дураку, которого мы встретили. Догнал бы его, поймал за рукав и поговорил про страдания. Только ему сначала надо грязь из ушей вытащить.

Они еще раз огляделись и зашагали в направлении ближайшего метро.

– Такую опасную дрянь, – задумчиво произнес Савелий, – надо запретить под страхом смерти.

Годунов кивнул:

– Уже запретили. Десять лет тюрьмы за хранение одного грамма субстанции. Но они все равно жрут. Видел на стебле отметины? Ночью выходят, топором кожу разрубят – и набирают. Государство с этим мирится. Иначе придется забить до отказа все тюрьмы и еще новые построить. Пойми – травояды безвредны. Они не совершают преступлений. В этом их коренное отличие от наркоманов. Наркоман может убить за дозу. А травоядному достаточно дожидаться темноты. Травоядный не проявляет недовольства, его даже не надо кормить. Он сидит дома, смотрит телевизор и спит. Или трахается. Говорят, мякоть – это афродизиак.

– Тогда надо опутать каждый стебель колючей проволокой и поставить солдат с пулеметами!

– В первые годы так и делали. Потом перестали. Угадай почему?

Савелий подумал и предположил:

– Солдаты сами жрали мякоть.

– Ха! – воскликнул Годунов. – Ты небезнадежен. Слушай, давай приедем сюда ночью. И вырежем себе немного.

– Еще чего.

– Боишься.

– Нет. Просто мне это не нужно.

– Боишься, – усмехнулся Годунов. – Ладно. Это была шутка. Но я все равно попробую.

– Зачем?

– Что значит «зачем»? Мне интересно. Я должен знать, что это такое.

Савелий иронично осведомился, не желает ли его друг попробовать на вкус человеческие экскременты, и они, кое-как отыскав вход в метро, поехали по домам, споря и переругиваясь так, как могут спорить и переругиваться только полные единомышленники.

Они дружили с шести лет. В их тандеме Годунов верховодил, генерировал идеи. Савелий был ведомым: критиковал, отбраковывал неудачные предложения, пожимал плечами. Гарри лез вперед – Савелий страховал. Гарри был революционер – Савелий дипломат, оппортунист и соглашатель. Гарри был упрям – Савелий осторожен. Даже в самые сопливые годы, во времена игр в сибирских партизан, Гарри Годунов сражался только за китайцев; если его брали в плен, он неизменно кончал с собой, проглатывая зашитую в угол

воротника ампулу с ядом, а когда приятели кричали, что так не бывает, он спорил до хрипоты и приносил из дома ветхое, столетней давности, бумажные книги, где действительно черным по белому было написано насчет ампулы в уголке воротника.

Взрослея, Гарри постепенно менялся, и не в лучшую сторону. К моменту окончания школы их крепчайшая детская дружба уже выглядела необязательным приятельством. Они не поссорились, просто взаимно охладели. Годунов отдалился от всех, стал нервным, нетерпимым, отвратительно насмешливым. Мог устроить скандал в самой теплой и интимной компании. Полюбил выпить и заимел обыкновение приставать к чужим девчонкам. Иногда говорил Савелию, что пишет роман, который сведет с ума весь мир. На что Савелий резонно замечал, что роман молодого писателя Гарри Годунова прежде всего сведет с ума самого Гарри Годунова. В ответ обычно неслись ругань и саркастические афоризмы.

Через год восемнадцатилетний Савелий стал студентом. И одновременно получил доступ к персональному депозиту. К своей личной доле от миллиардов, ежегодно перечисляемых китайцами за право жить и работать на российской территории.

Оцифровку он прошел заблаговременно. Добрый дядя в белом халате посреди сверкающего никелем кабинета ввел ему под кожу микрочип, невидимый простым глазом. Теперь Савелий мог зайти в любой магазин и взять все, что хотел:

сумма списывалась с депозита на выходе из магазина, не доставляя владельцу микрочипа никаких хлопот.

Размер депозита был изрядный, но подавляющее большинство граждан предпочитало экономить. Купить себе вертолет на китайские деньги было нельзя. И квартиру на семидесятом уровне – тоже. Но осесть в статусе мирного рантье где-нибудь на пятьдесят пятом, вкусно кушать, покупать недорогую прочную одежду и посещать кинотеатр – вполне. При известной сноровке китайский депозит позволял полноценно жить, не утруждая себя хождением на службу.

Молодежь отчаянно экономила на самом необходимом, чтобы однажды потратиться на нечто пафосное. Допустим, на винтажное авто с бензиновым мотором. Девушки обычно проходили через бурное увлечение пластической хирургией (во времена юности Савелия как раз входил в моду вспененный силикон), но к двадцати пяти годам охладевали. Наиболее рассудительные, правильно воспитанные, жадные до жизни получали профессию, заработок и со временем выбирались на семидесятые и восьмидесятые этажи.

Но правильных и рассудительных было мало.

На одной из студенческих вечеринок Савелий Герц (в тот год он тоже приобрел старинный мощный «шевроле», ездивший с трудом, но быстро; девчонкам нравилось) впервые попробовал мякоть стебля. Когда хозяин квартиры – точнее, сын хозяев – с азартным восклицанием бросил на стол целлофановый пакет, наполненный зеленовато-бурым желе, ком-

пания притихла, затем раздались вздохи, требования немедленно убрать эту гадость и фразы: «Без меня!» Пакет был удален, но спустя два часа хмельной Савелий увидел, что запретная субстанция переходит из рук в руки. К тому времени коллектив собутыльников поредел, свечи погасли, наиболее стойкие играли на понижение (после вина взялись за пиво), дамы либо спаслись бегством, либо уединились со счастливыми в дальних комнатах.

– Дайте и мне, что ли, – попросил Савелий.

– Не дадим, – ответили ему. – Ты пьяный, а мякоть нельзя мешать с алкоголем. Плохо будет. Тошнота и все прочее. Травоеды вообще не пьют.

– Я не травоед, – возразил Савелий.

– Тогда тем более не лезь, – сказали ему.

Под утро, когда уснули все, включая самых стойких джентльменов, Савелий кое-как очнулся для посещения уборной и обнаружил почти пустой пакет на полу. После некоторых колебаний студент запустил внутрь палец, понюхал, рассмотрел, лизнул. Ничего не понял. Мякоть не имела вкуса и запаха. Отважный неофит покосился на храпящих товарищей, отнес пакет к столу, вывернул наизнанку и наскреб почти полную чайную ложку. Съел. В голове шумело, но Савелий не пил пива после вина, да и вина употребил не более двух стаканов. Он был в порядке, голова работала. Савелий сел на подоконник, коснулся лбом стекла и стал ждать.

За окном в мутном полумраке покачивались стебли, меж

ними угадывался соседний дом; горели два-три окна. Даже в самые глухие предутренние часы во всяком доме горят несколько окон, подумал он. Что делают люди за этими окнами, почему не спят? Что мешает им предаваться естественным радостям, из которых сон – самая простая, дешевая и доступная?

Он стал размышлять, почему не спят те, кто мог бы спать. Потом надоело. Вдруг появилось удивительно отчетливое понимание полной бесперспективности самого процесса размышления. Захотелось воды.

«Похмелье, – понял он. – Значит, вчера я все-таки перебрал. Как звали ту маленькую нахальную, которая пыталась обидеть меня, хохоча и называя “бледным”? Разве я бледный? У меня прекрасный цвет лица».

Нашарил полупустую бутылку с водой, выпил до дна, запрокинул голову, потряс над открытым ртом, поймал языком последние капли. Испытал оригинальное легкое удовольствие. Возможно, мякоть начинала действовать. Ощутил бодрость и одновременно сильную лень, причем оба чувства составляли единое целое. Не хотелось шевелиться и напрягать мозги. Хотелось принять вертикальное положение, замереть и прислушаться к себе. Внутри происходило интересное: стучало сердце, сдвигались и раздвигались легкие, желудок и кишечник тоже слали сигналы – впрочем, ненастойчиво. Савелий соскочил с подоконника, прошелся по комнате. Процесс ходьбы развеселил. Это напоминало ат-

тракцион. Очень смешно, странно, немного глупо. Несколько раз пройдясь от стены к стене, устал, но едва замер неподвижно, как все вокруг – стены, воздух, сама действительность – наполнило его энергией. Что-то приятное текло через тело, сверху вниз, а другой такой же ток бежал в противоположном направлении, от ступней к макушке.

Он то ходил, то застывал. Несколько раз пил воду. Времени не замечал. Потом лег и заснул, глубоко и без сновидений.

Новый опыт ему скорее не понравился. Действительно, весь следующий день он совсем не хотел есть и чувствовал бодрость. Зато плохо соображал. Решил даже прогулять лекции. Бодрость существовала сама по себе, ее нельзя было куда-либо применить. Оставаясь неподвижным, он наслаждался, но едва решал дойти хотя бы до ванной комнаты, чтобы умыться лицо, – все вокруг немедленно превращалось в абсурдный мультфильм. Отец, рано вернувшийся с работы, спросил его о чем-то – Савелий только подмигнул и улыбнулся: мол, все в порядке, и я в порядке, и ты тоже в порядке. Потом повернулся и ушел к себе.

Только на вторые сутки все прекратилось. Было смутное желание проглотить еще одну порцию, побольше и в более комфортных условиях – не в чужом доме, меж пустых бутылок, а в собственной комнате, в тишине и уединении, чтобы разобраться в ощущениях. Но Савелий отбросил эту мысль. Мякоть показалась ему чем-то вроде марихуаны. Но если марихуана всего лишь расслабляла нервы, то мякоть стебля

действовала по-другому: она изменяла саму личность, намекала на возможность особенной жизни – такой, где нет нужды, проблем, голода, суеты, а есть только безмолвная радостная неподвижность.

«Так или иначе, это не мое», – решил Савелий.

К двадцати годам он все про себя знал. И про других тоже. Все просто: человек рожден, чтобы наслаждаться жизнью во всех бесчисленных проявлениях. И задача человека – развивать себя так, чтобы уметь ощутить максимальную ее полноту. Перед тобой и жизнью – дверь, учили Савелия. Слабый способен едва приоткрыть ее, чтобы получить простейшие блага и ощущения. Сильный и образованный распахнет дверь на всю ширину и обретет все многообразие жизни.

Экзамен по основам теории абсолютного процветания Савелий сдал на отлично.

Потом он увидел друга детских забав Гарри Годунова по телевизору. В двадцать два года Гарри Годунов опубликовал роман и прославился. Не менее трех дней о новом гении говорила вся Москва. Потом его вытеснили из эфира другие герои. В тот год и в тот месяц началась активная колонизация Луны. Отважные космонавты выглядели гораздо фотогеничнее и живописнее тощего и мрачного молодого писателя, и о писателе все забыли.

Но Савелий не забыл. Ни про Гарри Годунова, ни про мякоть стебля.

Мультимиллионеру Петру Глыбову, известному под прозвищем Продавец Солнца, было тридцать девять лет. Журналисту Савелию Герцу – пятьдесят два. Взрослый мужчина шел брать интервью у сопляка-высочки. Поднимаясь на девяносто первый этаж в шикарном, отделанном в стиле «псевдо-нео-хай-тек» лифте, журналист воображал себе снисходительные ухмылки, пренебрежительные взгляды и прочие нуворишеские фокусы. «Впрочем, – размышлял Савелий, – это можно как-то повернуть, построить материал на ноте тонкого презрения, подпустить интеллигентной издевки».

Все кнопки огромного VIP-лифта, начиная с девяносто девятой, вместо привычных цифр снабжены были иероглифами и надписями на кириллице: «Только для китайцев». Висящая рядом дацзыбао лаконично напоминала про уголовную ответственность за незаконное вторжение на частную территорию.

Бесшумно ступающий, как бы бесплотный камердинер – босой, однако в полотняной пиджачной паре – проводил Савелия в обширный гулкий зал. Миллионер Глыбов, совершенно голый, занимался спортом: прыгал на батуте. За стеклянными стенами переливалась в знойном мареве умопомрачительная панорама: белые и серые здания, пирамиды, конусы и параллелепипеды, меж ними, густо, зеленые острия

стеблей. Супергород, техногенное чудо. Уникальное свидетельство могущества человеческого гения, однажды за пятьдесят часов побежденного примитивными растениями.

Еще выше – голубое небо, застегнутое на желтую пуговицу.

Савелий вздохнул.

У дальней стены миллионерской резиденции, возле полыхающего камина, в шезлонгах возлежали, лениво кидаясь друг в друга конфетными обертками, голографические модели Бриджит Бардо и Эмми Уайнхаус – обе полуголые.

– Здорово, журналист! – взмывая к потолку, зычно провозгласил Глыбов. – Присоединяйся!

– Спасибо, – вежливо отозвался Савелий. – Боюсь, шею сломаю.

– А ты не бойся. – Миллионер сделал сальто. – Сломаешь – куплю тебе другую!

– Вы очень любезны.

– Давай свои вопросы, – велел Продавец Солнца. – Только быстро. И сделай два шага в сторону. Ты загораживаешь мне солнце.

Савелий торопливо повиновался и щелчком пальцев включил имплантированный в ладонь диктофон.

– Господин Глыбов, – с нажимом произнес он, – я представляю серьезный аналитический журнал. Нас читают влиятельные люди. Я собираюсь поднять в разговоре важные темы, и мне бы хотелось...

– Я понял, – небрежно ответил миллионер и соскочил на пол. Приблизился, протянул мускулистую руку: крупный, разящий потом семя, излучающий неприятное, избыточное здоровье. – Я понял, – повторил он. – Извини. Я забыл, что в наше время существуют серьезные журналы. Вчера ко мне приходил один дурак, тоже из какого-то журнала. Спрашивал, сколько оргазмов я имею в неделю и кто делает мне маникюр...

– Ваши оргазмы, – вежливо ответил Савелий, – наш журнал не интересуют.

– Ага, – кивнул миллионер. – А чьи оргазмы интересуют ваш журнал?

– Лично меня интересуют только мои собственные оргазмы.

Глыбов расхохотался, продемонстрировав великолепные зубы, покрытые ярко-красным лаком.

– Ладно. Выпить хочешь? Пожрать? Чаю, кофе, сигару, кальян? Будь как дома.

– Если можно, воды.

– Воды? – Миллионер жестом отпустил камердинера. – Много пьешь? Это правильно. Пойдем, я сам тебе налью.

Прошли в глубину зала, к огромным креслам, к стойке с напитками. Глыбов всмотрелся в лицо Савелия и вдруг спросил:

– Ты ходишь в мои солярии?

– Нет.

– Почему?

– В моем кругу, – сухо объяснил Савелий, – принято считать, что ваши солярии предназначены для бледных.

– А ты, значит, не бледный, – ухмыльнулся Глыбов.

– Бог миловал.

– Молодец. Присядь.

Журналист кивнул. Черт бы побрал этих нуворишей. Хоть бы халат накинул.

– Господин Глыбов, – начал он. – Мы пишем о людях, добившихся... э-э... успеха. Журнал называется «Самый-Самый». Понятно, что сегодня, в первые годы ХХІІ века, когда средняя продолжительность жизни составляет девяносто семь лет, само понятие успеха выглядит анахронизмом. За семьдесят лет активной жизни каждый из нас имеет возможность успеть везде и всюду. Лично я, например, чемпион Москвы по трехмерному бильярду и кандидат философских наук. В обществе, где никто никому ничего не должен, успех гарантирован каждому...

– Понятно, – перебил миллионер и наконец завернулся в халат. – То есть я в мои сорок – зеленый пацан, и при этом – хозяин большого дела. Такова тема интервью.

– Угадали.

– С чего начнем?

– С биографии.

Глыбов сел, мощными глотками осушил свой стакан и вздохнул.

– Биография моя скучная. Ничего особенного. Родился на окраине. Среди бледных. На девятом этаже. У нас в Балашихе трава растет густо. Сплошной полумрак. Я годами не видел солнца. Первый солярий – дешевую китайскую кабину – купил в восемнадцать. Сейчас у меня двадцать тысяч кабин. Любой, даже самый бледный человек может позагорать в моей кабине, потому что это дешево...

– Я знаю, – небрежно произнес Савелий. – Читал рекламные проспекты. А почему восемнадцатилетний Петр Глыбов решил посвятить жизнь именно соляриям?

Миллионер пожал плечами:

– Покойный отец часто рассказывал про старые времена. Когда каждый имел бесплатно столько солнечного света, сколько захочет. Я слушал его и думал: почему раньше было так, а сейчас иначе? В школе меня учили, что настоящее всегда лучше прошлого. Прошлое – это дикость, голод и беззаконие. Но я смотрел за окно и видел, что все не так. У моей страны солнечное прошлое и серое настоящее. Мне говорили, что прогресс – это хорошо. А я не понимал, что это за прогресс такой, если сегодня я вынужден платить за то, что вчера доставалось даром? Я догадался, что цивилизация устроена по простому принципу: никто никогда ничего не может получать бесплатно. В этой системе лучше быть тем, кому платят, чем тем, кто платит. Недостаток солнечного света приводит к дефициту в организме витамина D. Мне платят за этот витамин. Вот и все.

– Что же, – Савелий кивнул, – коротко и ясно. А продавать свои услуги бледным гражданам – ваш принцип?

– Мой принцип – давать людям то, в чем они нуждаются.

Савелий вдруг понял, что сидящий перед ним молодой, атлетически сложенный, дочерна загорелый человек очень некрасив. А был, вероятно, даже уродлив – до тех пор, пока пластический хирург не переделал ему нос и губы.

«Ага, – подумал опытный журналист Герц, – тут мы имеем скрытый комплекс. Перед нами сублимант. Отсюда страсть к богатству, мускулы и прочее. Бесплатно, видать, ему девчонки не давали. А умные фразы насчет прогресса подобраны и выучены задним числом».

– Вы, – продолжил разговор Савелий, – очень популярны среди бледных слоев населения.

Миллионер отмахнулся:

– Мне наплевать. Я не искал популярности. Все, чего я хотел, – это переехать с двенадцатого этажа на девяностый. Чтоб наслаждаться солнцем.

Журналист помедлил. Дальше предполагался блок основных вопросов. За некоторые из них можно и в морду получить. Вон какие у этого малого кулачищи...

– Ходят слухи, – начал он, – что ваша империя – гигантская финансовая пирамида. Что вы вынуждены непрерывно расширяться, ставить новые и новые кабины. Говорят, что вы в долгах и ваши прибыли не покрывают издержек...

– Я никому ничего не должен, – спокойно ответил Глыбов.

Савелий проделал амортизирующий жест.

– Разумеется. Никто никому ничего не должен. Но я слышал, что вам помогают, как говорится, по дружбе...

– Эти слухи распускают завистники, – небрежно отмахнулся Продавец Солнца. – Вообще-то, любезный, мне полагается оскорбиться. Если вы опубликуете предыдущую реплику, я немедленно подам на ваш журнал в суд. Что значит «по дружбе»? Дружба – удел гангстеров и бледных.

«Можно дать как заголовок», – тут же прикинул Савелий.

– Даже дети знают, – продолжал Глыбов, – что кредиты запрещены – таков залог устойчивости национальной экономики. Официально заявляю: вся моя финансовая отчетность прозрачна и опубликована. Иначе, кстати, я бы не стал генеральным спонсором проекта «Соседи».

– А правда, что все спонсоры проекта «Соседи» сами обязаны войти в проект?

– Правда.

– То есть вы, Петр Глыбов, – участник проекта?

– Угадали.

– И здесь, – Савелий осмотрелся, – везде объективы? За нашей беседой наблюдают?

Миллионер кивнул и хмыкнул:

– У меня тут сто пятьдесят камер. Но вы не волнуйтесь. Обычные разговоры не интересуют «Соседей». Подумаешь, журналист пришел поговорить с бизнесменом. Вот если бы мы с вами поговорили, потом напились, потом подрались, а

потом помирились, а в знак примирения вызвали баб, напились с бабами и повторно подрались, уже из-за баб, – тогда могли бы попасть в топ-сто. А если бы, допустим, бабы тоже подрались, из-за нас, и стали душить друг дружку колготками – тогда нам обеспечено местечко в топ-пятьдесят...

– Забавно, – задумчиво произнес Савелий. – Обычно люди с вашим уровнем жизни не любят «Соседей».

– Я тоже не люблю. Но чего не сделаешь в интересах дела! – Продавец Солнца захохотал, осушил еще один стакан воды марки «дабл-премиум» и вдруг застеснялся. – Между прочим, – он понизил голос, – по условиям контракта я обязан не только участвовать в проекте, но и рекламировать его.

– Исключено, – быстро ответил Савелий. – Повторяю, у нас серьезный журнал. Я не могу допустить, чтобы текст содержал элементы рекламы.

– Тогда, – весело произнес миллионер, – мы закончим интервью прямо сейчас.

Савелий вздохнул:

– Черт с вами. Рекламируйте.

– Это быстро, – великодушно сообщил Глыбов. – В проекте «Соседи» новая акция. Только в этом месяце. Любого желающего могут подключить в одностороннем режиме. В вашем доме не поставят камер, но вы сможете наблюдать за теми, у кого они есть. Вас не видят – зато вы видите всех... Плюс архив: топ-тысяча за прошлый год. Вы смотрите самое интересное. Чужие спальни. Женские раздевалки. Тюрь-

мы...

– Тюрьмы тоже подключены?

– У тюрем огромные рейтинги. В прошлом году арестанты центральной тюрьмы опустили известного убийцу и насильника Дронова. Трансляция вошла в топ-десять. Кстати, злодея поймали исключительно благодаря «Соседям». И еще одно: моя компания бесплатно установила в центральной тюрьме двадцать пять соляриев.

– Замечательно, – отреагировал Савелий. – Но хватит о «Соседях». Вернемся к вашей персоне. Правда ли, что вы ненавидите травоедов?

– Правда, – твердо ответил Глыбов. – Поедать траву – удел животных.

«Это тоже вариант заголовка», – решил журналист.

– Вы согласны с тем, что власти не способны бороться с травоедением?

Миллионер отмахнулся:

– Я не намерен критиковать власти. Я лояльный гражданин. Власти ничего никому не должны. Критика властей неизбежно ведет к разрушению персонального психологического комфорта...

Савелий вспомнил, что хотел подпустить в интервью тонкую издевку, и перебил:

– Простите, но это банально. Звучит как цитата из школьного учебника. Вы не любите травоядных, но каждый день видите, как мякоть стебля продается на каждом углу. Как вы

с этим миритесь?

Глыбов посерьезнел. Его простое лицо не имело возраста, это мешало Герцу адекватно воспринимать собеседника. Издержки омолаживающих технологий, ничего не поделаешь.

– А кто вам сказал, – произнес миллионер, – что я с этим мирюсь? Я финансирую работы по изучению феномена стеблороста. У меня своя лаборатория.

– И есть успехи?

– Есть.

– Расскажите.

– Не имею права. Результаты засекречены в соответствии с законом. Могу сказать только то, что знают все. Трава выросла в течение двух суток. Логично допустить, что она засохнет так же быстро, – это первое. Второе: надо найти центр грибницы. Выяснить, что представлял собой зародыш. Семя. Зерно. Сейчас мы расшифровываем геном травы, потом попытаемся клонировать зародыш – в нем разгадка. Понимаете?

Савелий кивнул, наблюдая, как лицо его собеседника меняется. Напряжение в уголках губ слабеет, глаза загораются интересом.

– Однажды, – тоном ниже продолжил миллионер, – мы убьем ее. Люди проснутся и увидят, что ее больше нет.

– Но тогда ваши солярии никому не понадобятся.

– Да, – почти нежно выговорил Глыбов. – И я закрою свой бизнес.

– Но чем вы тогда займетесь?

– Черт его знает. Какая разница?

– Вы потратили на свой бизнес двадцать лет, а сейчас...

– Слушай, друг, – грубо перебил Глыбов, – ты говоришь, что я самый-самый. Весь из себя успешный и все такое. Я купил свою первую кабину в восемнадцать лет. В двадцать у меня было пять кабин. В тридцать – полторы тысячи кабин. Ты сказал, что ты чемпион и кандидат наук – а я не видел в своей жизни ничего, кроме кабин. Утром просыпался и думал: вот, у меня сто сорок две кабины и мне нужна сто сорок третья. Двадцать лет мне снятся только кабины. Стандартные кабины. Кабины для инвалидов. Детские кабины. Модель «Солнышко»... Если завтра мои кабины перестанут приносить прибыль – первое, что я сделаю, это лягу спать и просплю месяц. И только потом, когда высплюсь, подумаю, чем заняться.

– И все-таки – чем же?

Миллионер закинул руки за голову.

– Наверное, уеду. На периферию.

– Ого, – с уважением пробормотал Савелий. – Вы бывали на периферии?

– Я везде бывал. Даже на Луне. А на периферии – тем более. Арендуешь три-четыре танка, берешь охрану – и поехал. А лучше – на вертолете...

– И как впечатления?

Продавец Солнца встал, сунул руки в карманы халата и

посмотрел на Савелия как на старого врага. Теперь он не выглядел самодовольным толстосумом, но и мечтательность исчезла. Савелий почувствовал угрозу личному психологическому комфорту.

– Если ты, – Глыбов ткнул в журналиста пальцем, – хороший журналист – а судя по вопросам, так оно и есть, – то прекрасно знаешь, что такое периферия. Ты спрашиваешь меня, Петра Глыбова, каковы мои впечатления от периферии? Ты бы еще спросил, каковы мои впечатления от могилы моего папы. Какие, черт возьми, могут быть впечатления?! Я видел огромные пустые пространства. Зброшенные города. Бескрайние поля, заросшие бурьяном. Там есть все. Банды дикарей. Медведи-людоеды. Язычники, которые молятся автоматному патрону, козьему вымени или, например, Великому Резиновому Противогазу...

Савелий вспомнил, что в лесах под Нижним Новгородом действительно есть община, где молятся Великому Резиновому Противогазу (костюмированное шоу для рискованных богатых туристов, прилетающих на собственных вертолетах), – и личный комфорт был восстановлен.

Тем временем Глыбов мрачно продолжал:

– Мой дед был военным человеком, полковником. Он часто говорил, что мы просрали свою страну. Теперь мне остается только повторить его слова. Он давно умер, мой дед. И это хорошо. Вовремя умер. Иначе он увидел бы, как китайцы в холодной Сибири выращивают хлеба в десять раз боль-

ше, чем выращивали русские в самые лучшие годы на самых лучших черноземах. Мы едим китайские яблоки и китайское мясо. Мы конченная нация. У нас был шанс, мы могли все исправить, даже после того, как полмира затопило. Даже после того, как впустили китайцев! Но трава нас доконала. Теперь людям совсем ничего не нужно. Они жрут мякоть стебля и смотрят «Соседей». Вы давно бывали на нижних этажах? Там, где вечная тень? Где выходят из квартир только для того, чтобы купить воды и позагорать в моих кабинах? Где женщины не рожают детей, потому что им лениво?

Савелий молчал.

– Вчера, – Глыбов медленно прохаживался перед сидящим журналистом, – мне звонили старые приятели. Мы вместе росли. Они рассказали, как возле дома, где я родился, бандиты повалили стебель. Толпа растащила триста тонн мякоти в полчаса. Арестовано пятьдесят человек. А еще у нас там теперь новая мода. Среди самой бледной молодежи. Криминальный альпинизм. Ночью забираются по стеблю на самый верх, чтобы отрубить верхушку – в ней самая сладость...

– Я слышал, – кивнул Савелий. – За последний месяц пятеро разбились насмерть. А вы, как я понял, не забываете товарищей своей бледной юности.

Глыбов кивнул и произнес словно нехотя:

– Всех, кто захотел, я давно переселил на сороковые этажи.

– А были такие, кто не захотел?

– Да. Мать до сих пор не хочет. Говорит, ей и так хорошо.

– Понимаю.

– Нихера ты не понимаешь, – буркнул миллионер. – Там, внизу, особенно по окраинам, своя жизнь. Все бледные, все веселые. Молодежь, особенно парни, сплошь «друзья». Народ постарше – «соседи». Мякоть жрут килограммами. Самый шик – сырая субстанция, без всякой возгонки. Накидают в тарелку – и ложками... Я у мамы бываю раз в неделю. Темнота, грязь, плесень, все спят по четырнадцать часов. Продуктовые лавки заколочены досками. Канализация не работает. Потому что не нужна. Никто ничего не ест. Даже чай не пьют. Только воду. Бесплатную, государственную. Из-под крана. Вот о чем ты напиши. А то, – Глыбов покривился, – «серьезный журнал, важные темы»...

– На этажах ниже двадцать пятого, – спокойно возразил Савелий, – ничего не происходит. Вы сами сказали – люди спят по четырнадцать часов. О чем тут писать? Один мой знакомый когда-то в молодости собирался роман сочинить. «Бледные люди». Переселился на седьмой этаж – и сел сочинять.

– Сочинил?

– Нет. Я пришел к нему в гости через полгода после его переезда. Главная его забота была – раз в день ложечку мякоти проглотить. Он был довольный, счастливый, глаза блестят... Лицо цвета сырого цемента. Сальные волосы. С тех пор я его не видел.

– Вот и разыщи, – посоветовал миллионер. – И напиши о нем.

– Сначала о вас, – возразил Савелий. – Прошу прощения, но ваши слова про конченную нацию и страну, которую просрали, не попадут в текст интервью. Это чересчур. По-моему, у нас не все так плохо. Да, мы мало работаем. Да, нас осталось сорок миллионов. Да, быт травоядных граждан отвратителен. Но зато мы счастливы. Россия очень богата. Да, мы потеряли Петербург, впустили чужой народ в Сибирь, но у нас колоссальные территории на Луне...

– Болван, – грустно вздохнул Глыбов. – В Сибири текут реки. Там растут кедры, белочки по веточкам прыгают. А на твоей Луне уже десять миллионов лет – один только прах ледяной. И больше ничего. Я летаю туда каждый год. Летаю на китайском челноке. И гуляю по Океану Бурь в китайском скафандре...

– Но что здесь плохого? Они – производят, мы – пользуемся. Они нам должны, а мы никому ничего не должны.

Миллионер презрительно кивнул:

– Да. Конечно. Знаешь что? Тебе надо залезть на батут.

– Зачем? – удивился Савелий.

– Попрыгай – поймешь, – с ненавистью произнес Глыбов. – В верхней точке прыжка ты испытываешь невесомость. Зависаешь на миг и думаешь: вот оно, так называемое счастье. Ты ничего не вешишь и никому ничего не должен. Ничего не должен, даже собственным весом не обременен –

хорошо, правда?

– Я слышу в ваших словах иронию.

Глыбов выпрямился и вздохнул:

– Тебе показалось. Еще вопросы?

– Вопросов много, но...

– Да, – перебил миллионер. – На сегодня хватит. Оставайся на обед. Будут девки. Группа «Стоки Блю» в полном составе.

– Благодарю. – Савелий покачал головой. – Я не любитель.

– Я тоже. Но девки забавные. У всех троих синтетические связки и гортани. У одной под Марию Каллас, у другой под Любовь Орлову, у третьей под Кристину Агилеру. Хорошо поют. Но самое интересное начинается, когда они не поют. Две родились на шестом этаже, одна – на седьмом. Очень веселые. Дуры дурами. Мякоть жрут три раза в день. Десятую возгонку...

– Десятую?

– Ну, или одиннадцатую.

Савелий покачал головой:

– Простите, но для поднятия настроения мне не нужны девки с синтетическими гортанями.

– А мне нужны.

– Вы не производите впечатления счастливого человека.

– Угадал, – широко улыбнулся Глыбов. – Знаешь почему?

Потому что я не счастливый человек. В отличие от тебя.

– Много забот?

– Много, – скучным голосом ответил миллионер. – У меня на фирме, представь себе, люди стали пропадать. Бесследно. За полгода – трое...

– Известный феномен, – кивнул Савелий. – Эскаписты. Наш журнал писал об этом. Обрывают социальные связи, бросают семьи, переселяются на нижние этажи, заводят гарем из бледных женщин и погружаются в беспредельное травоедство.

– Это не эскаписты, – отрезал Глыбов. – Тех легко вычислить по сигналам микрочипов. А мои исчезли, как не было. Их сигналы пропали.

– Так не бывает.

– Бывает. Если выбраться за пределы Москвы. На периферию.

Савелий улыбнулся и встал.

– Человек из Москвы, – сказал он, – не способен жить за пределами Москвы. Каждого из нас на периферии ждет только голодная смерть.

Возвращаясь с интервью, он ощутил досаду. Покинул лифт на демократичном сорок пятом этаже, зашел в бар – пестрый, ярко освещенный (на средних уровнях тщательно культивировался так называемый позитив, в моде были розовые ковры и морковного цвета мебель). Взял китайского фруктового пива. Отругал себя.

«Плохая работа. Никакого контакта. Я не понравился ему,

он не понравился мне. Сорокалетний сопляк переиграл многоопытного репортера. Я не задал и половины приготовленных вопросов. Не спросил даже про личную жизнь, а ведь официальная невеста Глыбова – звезда кино, несравненная Анжелина Лоллобриджида. Продавец Солнца вел себя так, словно все про меня понял. А вот я не понял ничего, уяснил только, что он очень богат, очень устал и полностью лишен персонального психологического комфорта».

– Вы позволите?

Савелий поднял голову и увидел маленького сухопарого человечка в мерцающем костюме. Наклонив голову немного вбок, человечек улыбался с преувеличенной сердечностью. Стол справа был свободен, слева – тоже.

Савелий спросил:

– Вы продаете или проповедуете?

– Ни то, ни другое. Но если вы хотите поговорить о Боге...

– Не хочу. Впрочем, садитесь. Одно условие: я сам угадаю.

Церковь Травы?

Человечек перетек в кресло напротив – столь ловко, что на его пиджаке не образовалось ни единой складки. Впрочем, пиджак мог быть пластмассовым.

– Не угадали, – ответил он.

– Тогда – Церковь Божьего Стебля? Или Божия...

– Нет.

– Неужели мне повезло и вы из этих... Из Последователей Иоанна Стеблежуха?

Человечек перестал улыбаться и поправил:

– Иоанна Стеблееда.

– Какая разница.

– Разница есть, – значительно, даже торжественно произнес собеседник Савелия и расправил узкие плечи. – Стеблежуй – персонаж комиксов. А Иоанн Стеблеед – или, правильнее, Стеблеядящий – существовал в реальности. Отец моего духовного наставника был его апостолом. Внимал, так сказать, учению из первейших уст.

– Интересно, – сказал Савелий. – И вы, значит, собираетесь предложить мне примкнуть к числу Последователей Иоанна Стеблеядящего?

– Нет. Я представляю Храм Стебля Господнего. Последователи Иоанна Стеблееда формально входят в наш Храм, но по существу являются отдельной конфессией. Есть... э-э... некие, так сказать, теологические расхождения... Впрочем, несущественные...

Сухопарый производил впечатление хитрого, но приятно-го существа.

– Что же вы замолчали? – спросил Савелий. – Проповедуйте на здоровье. У меня есть десять минут.

– Я неважный проповедник, – печально ответил сухопарый. – Кстати, я не загораживаю вам солнце?

– Нет.

– Одно ваше слово – и я немедленно удалюсь.

– Расслабьтесь.

Человечек наклонился и посмотрел в глаза Савелию:

– Как вы относитесь к траве?

– Как к растению.

– Отлично. А к тем, кто употребляет ее, так сказать, в пищу?

– Каждый употребляет, что умеет.

– А вы молодец, – восторженным полусшепотом заявил сухопарый и устроился поудобнее. – Ведь это благодать. Нельзя порицать такое. Наш Храм не порицает употребление травы. Но порицает тех, кто порицает употребление травы. Наша вера тверда, но, так сказать, свободна. Я, например, сам не употребляю, но супруга моя, между нами, иногда, так сказать, любит...

– На каком этаже вы живете?

– Что?

Савелий ждал ответа. Сухопарый выдержал паузу и с достоинством объявил:

– Нас, последователей Храма, двести тысяч. И наш Храм, а также хранилище Великой Тетради и резиденции первослужителей расположены в башне «Процветание», на девяносто седьмом уровне. Что касается нас с супругой, то мы...

– Ладно-ладно, – разрешил Савелий. – Я не хотел вас обидеть.

– Пустяки, – вежливо ответил человечек. – Что вы знаете про Великую Тетрадь?

– Почти ничего.

Савелий тут же пожалел о сказанном, потому что Тетрадь, внешне имеющая вид миниатюрного пухлого томика, тут же была извлечена чуть ли не из рукава проповедника и аккуратно положена на стол.

– Здесь написано, – с достоинством пояснил сухопарый, – что Бог есть растение, а мир вокруг нас – результат его роста. Все мы суть листья на ветвях дерева Господня. Как сосна вырабатывает кислород, так Бог излучает любовь и благодать.

– Да. – Савелий кивнул. – А планета Земля суть ягода.

Проповедник по-девичьи всплеснул руками:

– Ни в коем случае. Считать планеты ягодами – опасная ересь. Вы, насколько я понял, находитесь, так сказать, в плену заблуждений. Надеюсь, что вы, изучив Тетрадь...

– Э нет, – перебил Савелий. – Так не пойдет. Насчет Тетради мы не договаривались.

– Вам нужно только, так сказать, прочесть – и вся ваша жизнь изменится.

– А я не хочу ничего менять, – с удовольствием заявил Савелий.

– Вы получите ответы на вопросы, которые беспокоят вашу душу!

– Мою душу ничего не беспокоит.

– Дьявол угрызает корни древа Божия. Приуготовляйтесь, ибо время близко. Ищите благодать под прямыми лучами желтой звезды.

– Аллилуйя.

Человечек бросил на журналиста нехороший взгляд. Савелий мысленно пожалел его, допил пиво и встал. Две тысячи лет уличные проповедники вынуждены решать одну и ту же проблему: обеспеченных людей вербовать выгоднее, однако их разум защищен; малоимущих – голодных и недовольных – уговорить легко, но они мало жертвуют. Кстати, этот дурак сказал, что штаб-квартира фанатиков устроена аж на девяносто седьмом этаже, в комплексе «Процветание». В одном из самых престижных зданий Москвы. Видимо, в Храм Стеблежуя заходят не только бледные граждане. Надо подбросить старику Пушкинову-Рыльцеву идею. Хорошая аналитическая статья. А лучше – цикл статей. С документальными репортажами по методике внедрения. Главное – не внедриться слишком глубоко, чтобы не повредился раскусок, как у Гоши Дегтя... Или как у Гарри Годунова.

«Странно, – подумал Савелий, – я ведь совсем забыл про Гарри. Двадцать пять лет не вспоминал, как парень с пятьдесят пятого этажа решил написать историю о парнях с пятого этажа. А сегодня вспомнил, дважды за полдня. Продавец Солнца прав: надо разыскать Годунова. Не может быть, чтобы трава прикончила такого решительного человека. Глыбов, кстати, прав и в другом: глупо думать, что внизу ничего не происходит. Не все люди способны вести растительный образ жизни. Там у них свое брожение, “друзья”, разврат, церкви божественной зелени. Сотни тем для журналиста; исследуй, предавай огласке...»

– Кто прочел Тетрадь, – поспешно заявил человечек, глядя снизу вверх, – тот спасется.

– Я уже спасен, – ответил Савелий.

Проповедник торопливо поднялся.

– Бог с вами, – тихо сказал он. – До свидания.

Савелий изучил узкую спину удаляющегося адепта Храма Стебля Божьего, его коротко стриженный ефрейторский затылок, посмотрел на книгу. Ее, разумеется, можно забрать – полистать на досуге, – но в переплет наверняка вклеен микрочип. Дотронешься хотя бы мизинцем – с личного счета пропадут деньги. Пусть несколько рублей – но все равно, будешь чувствовать себя дураком...

Савелий поколебался и вышел из заведения. Подарок оставил на столе.

День складывался неудачно. Шел к молодому богатею, чтоб услышать похвальбу и жлобские лозунги, а услышал монолог о проблемах бледных граждан. Присел в уютном баре, пытаюсь обдумать провалившееся интервью, а пришлось иметь дело с полубезумным миссионером.

Немного поколебавшись, журналист повернул к мягко подсвеченной двери ближайшего экспресс-отеля, взял одноместный звуконепроницаемый бокс, разделся, принял ванну с тоником и полчаса повалился на кровати из квазиживых водорослей, в тишине, расслабленный, в особенном мечтательно-дремотном состоянии – любимейшем своем состоя-

нии, когда вроде бы ничего не хочется, однако чего-то все-таки хочется, а чего именно – неясно, потому что хотеть вроде бы совершенно нечего.

Он не считал себя чрезмерно сытым и удовлетворенным жизнью. Он всегда чего-то хотел. То Варвару, то переехать на восемьдесят пятый этаж, то в отпуск на Луну. Вчера, например, ему весь день смутно хотелось совершить какой-то особенный возвышенный поступок или испытать некое новое оригинальное ощущение... А вечером, перед тем как отправиться под одеяло к своей женщине, он выпил горячего крепкого чаю с лимоном – и вдруг понял, что весь день хотел не особенного поступка или ощущения, а именно и всего-навсего крепкого чаю с лимоном, а потом залезть под одеяло к своей женщине.

Так или иначе, он пытался строить свою жизнь не на желаниях и мечтах о том, что будет, а на извлечении радости из того, что есть.

Но мечтать – любил. О солнце, о долгой счастливой жизни, о детях, которых родит ему Варвара. Честные, здоровые мечты скромного мужчины, реалиста и практика.

Когда он начинал мечтать, его мечты всегда вращались вокруг простейших вещей, в любом случае достижимых. Мечтать о возможном – вот занятие, достойное мужчины XXII века. Это удобно, это никак не вредит персональному психологическому комфорту.

Сейчас он понял, что страстно мечтает пообедать, и ре-

шил немедленно воплотить мечту в реальность.

О богатстве, власти и славе Савелий не мечтал. Среди его друзей и знакомых никто не унижал себя подобными непотребствами. В эпоху всеобщего процветания, когда самый последний бледный травоед имел квартиру в семь-восемь комнат с телевизорами и бесплатными коммунальными услугами, богатство считалось прихотью. Капиталисты и бизнесмены, подобные Петру Глыбову, имели репутацию оригиналов, чьи мотивы мудрено понять. Богатых было мало, их жалели, как неизлечимо больных. Всякий ребенок знал, что зарабатывание и приумножение денег сопряжено с разрушением персонального психологического комфорта. К чему богатство, если никто никому ничего не должен и каждый процветает?

То же самое касалось и власти. Тотальный полицейский контроль, перекрестный видеомониторинг чиновничьих кабинетов, прослушивание телефонных переговоров и перлюстрация переписки уничтожили коррупцию задолго до появления Савелия на свет. Быть администратором, государственным служащим – от мелкого инспектора до премьер-министра – значило круглосуточно находиться под наблюдением, отчитываться за каждую невинную реплику, сказанную собственным детям. Государством управляли хладнокровные, лишённые фантазии флегматики, тщательно контролирующие все аспекты своей жизни, начиная от

выражения лица и заканчивая тем, чтобы количество съеденного за обедом примерно соответствовало количеству извергнутого через задний проход. Администраторы заступали на должности в тридцать, в сорок пять с облегчением уходили на пенсию. Законодательную власть узурпировали ученые: законы сочинялись в специализированных институтах и годами скрупулезно обкатывались на компьютерных моделях. Внутренняя политика изжила себя; демагоги, популисты, любители произнесения публичных речей и прочие дилетанты имели неограниченный доступ к максимальной аудитории – для них выделили специальный телевизионный канал, всегда имевший, кстати, постыдно низкий рейтинг. Игра в политику давно никого не интересовала, политика издревле считалась искусством возможного – в государстве, где все возможное уже сделано, политика выродилась.

Что до любви к славе, эту известную страстишку полностью канализировал проект «Соседи». Если сверхновая мегазвезда проекта, восемнадцатилетняя Анастасия Валяева, вызывала на дом педикюрщицу, на завтра об этом писали сто пятьдесят журналов общим тиражом в десять миллионов копий, и публика была счастлива узнать подробности жизни не самой Анастасии, недавно разрешившей установить видеокамеры в собственном биде, и даже не ее педикюрщицы – но мамы педикюрщицы, личного шофера педикюрщицы или парикмахера собаки педикюрщицы.

Всякий любитель славы мог подключиться к «Соседям»,

и мужу достаточно было поколотить жену, чтобы рейтинг трансляций из его жилища резко поднялся, не говоря уже о случаях, когда жена колотит мужа.

Давний лозунг Уорхола о том, что каждый имеет право на свои пятнадцать минут славы, утратил актуальность. Теперь каждый в любой момент получал столько славы, сколько хотел. Первокласной и громогласной. Все желающие давно объелись ею; каждый Герострат давно поджег свой храм; слава обесценилась и стала развлечением для малообразованной молодежи нижних этажей. Образованная публика семидесятых уровней, буржуазия восьмидесятых и элита девяностых вычеркнули славу из списка ценностей. В конце концов, русский поэт закрыл тему задолго до Уорхола, сказав, что быть знаменитым некрасиво.

Шестнадцатилетние звезды, «соседи» и «соседки», окруженные папарацци и охотниками за автографами, в полутьме тридцатых этажей чувствовали себя королями Вселенной, но, попав на семидесятые, держались скромно, их в любой момент могли поставить на место или даже не пустить в какой-либо уважаемый клуб или ресторан. Сам Савелий иногда наблюдал подобные случаи и даже посвящал им ироничные колонки. Журнал «Самый-Самый» был уважаем читателями как раз благодаря резкой критике тщеславия обывателей.

Обществом уважались совсем простые вещи. Юмор. Здоровый образ жизни. Безвредные хобби вроде разведения ак-

вариумных рыбок. Считалось шикарным заниматься искусством, коллекционировать редкости и поддерживать планы правительства по колонизации Луны.

Правда, и на Луне китайцы опередили всех – китайская колония была в десять раз крупнее русской и американской, вместе взятых.

...На выходе из экспресс-отеля, возле огромного рекламного экрана, где пляшущие буквы предлагали байкальскую воду, Савелия дожидалась приятная девушка в бледно-лиловом.

– Извините, – пролепетала она, – вы забыли это в нашем баре.

И протянула миниатюрный томик, подарок проповедника. Священную тетрадь.

Савелий рассмеялся. Отказываться было бессмысленно, книга принадлежала ему, это наверняка зафиксировало видеонаблюдение.

Он кивнул и сунул книжечку в карман пиджака.

5

Савелий мог принять приглашение миллионера Глыбова и пообедать с героем своего интервью. Может быть, это добавило бы интересных деталей в материал. Но журналист отказался. Во-первых, неизвестно, что предложил бы миллио-

неров повар. Вдруг жирное мясо? Во-вторых, еще не хватало взрослому дяде угощаться с руки сорокалетнего выскочки, выходца с девятого этажа. В-третьих и в-главных: Савелий по возможности ел в одиночестве. Любил есть и не любил отвлекаться.

Аппетит, правда, в последние годы исчез. Но есть мнение, что на шестом десятке, когда организм и его хозяин обо всем давно договорились, насчет аппетита можно уже не переживать.

Несколькими уровнями ниже он нашел подходящий ресторан. Не слишком дорогой, но с живыми официантами. Савелий, как все люди его круга, по идейным соображениям не посещал заведения, где прислуживали андроиды. Здравомыслящие граждане Москвы считали, что место андроида – не в ресторане, а там, где не способен действовать человек. В агрессивных средах. В космосе, в морских глубинах. Андроид, даже самый дешевый, не должен отбирать у человека рабочее место. Человечество создавало андроида двести лет – и создало отнюдь не для того, чтобы превратить в лакея.

Для стимуляции приятного чувства голода Савелий на четверть часа зашел в кислородную комнату, где было плюс двенадцать по Цельсию, и там основательно надышался и продрог (человек, пришедший с холода, ест охотнее). Пока мерз и дышал, обдумал меню. От жирного, разумеется, следует отказаться. Герц вздохнул. Недавно Варвара едко প্রশা্সь насчет его фигуры. Без жирного, конечно, обед не

обед. Как без жирного, если вся жизнь вокруг напоминает мастерски сваренную тройную уху в тонкого фарфора тарелке? Перламутрово-золотистую? Или же, допустим, обжигающую густую солянку с плавающими в ней оливками и маленькой долькой лимона.

Но Варвару надо слушать и учитывать ее мнение. Савелий давно уже понял, что не найдет себе женщины лучше, чем Варвара. В сущности, и без Варвары известно, что жирная пища вредит организму мужчины XXII столетия.

Его проводили в отдельный кабинет, и он, освежившись бокалом байкальской воды, начал с нескольких кусочков копченой говядины со сладкой горчицей. Известный китайский фокус: сладкое в комбинации с острым вызывает большее слюноотделение, нежели просто острое. А за слюноотделением важно следить. Между слюноотделением и личным психологическим комфортом есть прямая связь, это проходят еще в пятом классе.

Продолжил, после небольшой, но необходимой паузы, креветочным суфле с соленым сухариком. Когда доел, за стеной, в соседнем кабинете, вдруг раздался дамский хохот – отчаянный, с повизгиваниями. Видимо, целая компания веселилась там и радовалась. Савелий решил, что именно сегодня не хочет глотать и жевать в уединении. Вызвал официанта и объявил, что намерен переместиться в общий зал. Серьезный малый ответил «разумеется» и метнулся исполнять. «Почему “разумеется”?» – подумал Савелий, останав-

ливаясь перед своим новым местом и оглядываясь. Вокруг ели. Активно и красиво. Особенно хороша была незнакомка, сидящая по диагонали, обладательница дорогостоящего галлюцинаторного макияжа: вот она платиновая блондинка, погружающая клубнику в карамельный мусс, а вот она уже томная брюнетка, пригубляющая модный в этом сезоне коктейль «Ультрамарин». «Я правильно сделал, отказавшись от кабинета, – удовлетворенно решил Герц, – сидел там, как филин на пыльном чердаке. А здесь – улыбки и благородные лица. Сигарами пахнет и духами».

Он опять вздохнул, представляя себе большую чашку янтарного говяжьего бульона с умеренно обжаренными пресными хлебцами, и приступил к малокалорийному овощному супу – его полагалось есть остывшим, для раскрытия вкусового букета, с небольшим количеством диетической обезжиренной сметаны, но сама мысль об обезжиренной сметане показалась Савелию возмутительной, идущей вразрез не только с представлениями о персональном психологическом комфорте, но и с основными жизненными принципами современного человека. Презирать травоядных – и при этом питаться вареной спаржей и брюссельской капустой, которые суть та же самая трава. Тут можно заподозрить склонность к двойным стандартам, не так ли?

Он вспомнил, что настоящие, убежденные травоеды, называемые в народе «конченными», отвечают почтенной публике верхних уровней точно таким же презрением и в от-

местку называют обычных людей «людоедами». И тут же перестал думать на эту тему, чтобы не утратить остатки аппетита.

Выбранное после некоторых колебаний в качестве основного блюда утиное крыло с белой фасолью под густым томатным соусом показалось ему приготовленным без уважения к продукту и потребителю, но все же это не было поводом расстраиваться. Через окна часто прорывались целые потоки солнечного света, полукресло с поясничной поддержкой позволяло принимать самые удобные позы – то выпрямить спину, дабы очередной кусок миновал пищевод, то откинуться для удовлетворенного выдоха, – сидящая по диагонали мадам заказала третий коктейль и уже порывалась подпереть щечку кулачком, чуть поодаль богемного вида компания в восемь рук разрушала огромного лобстера, от стен мягко накатывала музыка, возможно, специальная, возбуждающая слюноотделение... Савелий ощутил себя духовно и физически удовлетворенным и закончил трапезу хорошим куском камамбера.

Доктор Смирнов жил в Бирюлево, в старой скромной башне «Замятин», на сорок первом этаже. Савелий никогда не любил границу тридцатых и сороковых уровней – и сейчас, выбравшись из лифта, понял, что сегодня его антипатия станет еще сильнее.

В обширном мрачноватом холле было чисто, но порядок

явно наводили без особого рвения. В высохшей чаше фонтана валялись окурки, два или три еще дымились. Пахло кислым. Полицейские объективы были залеплены жвачкой. Видеопанель, закрытая прозрачным антивандальным кожухом, мерцала бездарно сделанной социальной рекламой.

«Хочешь настоящей жизни – иди работать в пожарную охрану». «Будь человеком, не ешь зеленое». «Лунная лотерея – твой шанс подняться к солнцу». И наконец, повсеместное: «Ты никому ничего не должен!»

Именно тут, на сорок первом, все почему-то особенно хорошо понимали, что никому ничего не должны.

Здесь обитала самая бестолковая публика. Поднявшиеся с двадцатых мелкие хитрованы. Богемные балбесы. Обыватели с амбициями. Здесь во множестве обретались одиночки: бессемейные мужчины, доступные женщины, брошенные детьми старики. Иные квартиры, наоборот, превратились в стихийные общежития и сквоты, облюбованные неблагополучной молодежью. Здесь орудовали педофилы, здесь скрывались от алиментов, здесь безумные изобретатели строили вечные двигатели. На тридцать девятом, сороковом и сорок первом можно было встретить и травоеда в обносках, и приличного дядю – например, прогоревшего бизнесмена, продавшего апартаменты на семьдесят пятом, чтоб избежать ареста за неуплату налогов. Здесь всем было на все наплевать, здесь жили временно. Неудачники, чья жизнь катилась вниз, задерживались на год или два, перед тем как

окончательно утонуть в болоте двадцатых – тридцатых уровней, а выходцы из низов переводили дух, чтобы продолжить восхождение на приличные шестидесятые.

Иные квартиры пустовали. Повинуясь профессионально-му инстинкту, Савелий пнул носком туфли одну из дверей. Заглянул. Комнаты пусты, гуляет сквозняк, у входа возле стены – брошенная хозяевами очень старая голографическая копия щуплого бородатого мужчины с горящим взглядом: то ли Владимира Ленина, то ли Чарли Мэнсона; как известно, в старости оба были неотличимы друг от друга.

Герц нашел нужный коридор. На повороте столкнулся с пожилым человеком, по виду – армейским вербовщиком, обладателем особенного выражения лица, в равных пропорциях сочетающего брезгливость и отеческую любовь.

Вербовщик безошибочно угадал в Савелии чужака и подмигнул:

– Тухлое местечко.

Журналист вежливо кивнул, едва не наступил на мятую пивную жестянку, и увидел наконец дверь с нужным номером.

Вопреки опасениям, доктор Смирнов оказался хорошо одетым мужчиной, пожилым, но явно сохранившим крепость в плечах и руках. Его спокойное и значительное лицо Савелий тут же легко представил себе на обложке журнала «Самый-Самый» или любого другого солидного журнала. Великолепен был огромный лоб в сетке глубоких морщин –

вертикальных даже больше, чем горизонтальных; седые подвижные брови, голубые глаза; взгляд существа, много десятилетий шагавшего от зла к добру и наконец дошагавшего.

Савелий вдруг почувствовал, что слабо улыбается. Сейчас его проводят в замечательную просторную комнату, предложат скромное, но удобное кресло, нальют чаю и простыми фразами расскажут, как устроен мир. У людей с такими морщинами и такими глазами иначе быть не может.

– Вы Савелий, – сказал доктор Смирнов. – Проходите. Хотите чаю?

– Нет. Спасибо.

Хозяин дома кивнул. Герц вошел в просторную комнату и сел в скромное, но удобное кресло.

– Как там Миша? – спросил Смирнов.

Савелий не сразу понял.

– Михаил Евграфович? Лучше всех.

Смирнов благожелательно покивал. Видимо, вспомнил что-то хорошее.

– Неужели до сих пор издает газету?

– Журнал.

– Невероятно. И что, его журнал хорош?

Герц небрежно ответил:

– Его журнал – лучший. Самый лучший.

– Даже так.

Смирнов сел напротив, утвердил на коленях большие старые кисти рук.

– Извините, – вежливо сказал Савелий. – Наверное, я загородил вам солнце.

– Ничуть.

– Хотите, я пересяду?

Смирнов улыбнулся:

– Слушайте, мне глубоко наплевать на солнце.

Грубое слово немного покорило Герца, но никак не изменило его отношения к хозяину дома: судя по голосу, жестам, манерам и выражению лица, доктор Смирнов был весьма неординарный человек из породы, про которую говорят «таких теперь не делают».

– Вы отказались от чая, – произнес хозяин. – Может быть, хотите воды?

– С удовольствием.

Старик направился в угол, служивший ему кухней. Принес большой стакан. Его вода была изумительна – гораздо лучше, чем «дабл-премиум» миллионера Глыбова. Савелий ощутил любопытство.

– Хорошая вода, – заметил Смирнов, угадав мысли гостя. – Это самоделка. Мы производим ее для себя, в лаборатории. Сами обогащаем витаминами.

– Ваша вода великолепна, – признал Савелий. – А что за лаборатория?

– Мое хобби, – спокойно объяснил хозяин. – Вам будет неинтересно.

– Что же, тогда перейдем к делу.

Доктор Смирнов улыбнулся и вздохнул:

– Собственно, я все объяснил Михаилу по телефону. Моя школа давно закрыта.

Его голос был одновременно мягкий и твердый.

– Почему «школа»? – удивился Савелий, щелчком пальцев активируя диктофон. – Мне сказали, что вы – врач.

– Доктор педагогики. И немного биолог.

– Ага.

Герц изучил морщины на лбу доктора и неожиданно решил сказать то, чего говорить не хотел.

– Видите ли... Мне поручили написать о вас статью. Вы были героем самого первого номера нашего журнала. Вынужден признаться: я не читал того номера. То есть абсолютно не готов к беседе. Это отвратительно. Хуже того: это непрофессионально. Можете выставить меня за дверь прямо сейчас.

– Чепуха, – ответил Смирнов. – Миша меня предупредил. Честно говоря, я не помню, что именно обо мне писали газеты. Все это было очень давно. Писали, да, много... Жена собирала вырезки... Но она умерла. Двадцать пять лет назад я закрыл свою школу. Десять лет назад похоронил жену. Сейчас – бездельничаю. – Он помедлил и улыбнулся. – Почти.

– И что же это была за школа?

– Школа для особенных детей. – Смирнов посмотрел за окно, где колыхался обычный дневной полумрак, потом перевел взгляд голубых глаз на журналиста и внимательно

всмотрелся. – Слушайте, если Михаилу действительно нужна статья...

– Статья действительно нужна.

– Мне придется рассказывать подробно, это займет время...

– Я готов, – сразу отреагировал Герц. – Если у вас нет времени, мы можем начать сейчас, а продолжить завтра.

Седой человек помрачнел, опустил глаза и слабо усмехнулся.

– Тридцать пять лет назад я занимался детьми. Работал учителем в школе. Как известно, один из главных принципов современной педагогики заключается в том, что каждый ребенок талантлив. Задача учителя, воспитателя – формировать личность ребенка, раскрывая его способности. Одарены – все без исключения. Масштаб дара разный, но Божья искра заронена в любую душу. Один вырастает талантливым музыкантом, другой – талантливым водопроводчиком. Один становится Эйнштейном, другой – ассенизатором. Разумеется, обществу одинаково важны как Эйнштейны, так и способные трудолюбивые ассенизаторы. Сейчас я излагаю вам, так сказать, преамбулу, чтобы вы четко поняли...

– Продолжайте, прошу вас.

– Гении и крупные таланты появляются нечасто, но постоянно, и их количество во все времена и эпохи примерно одинаково. Гении равномерно рассеяны по планете. Шекспиры, Коперники и Ломоносовы рождаются в нищей Африке так

же, как и в богатой Америке. Но если в благополучной стране опытный педагог быстро выделяет самородка из среды менее одаренных детей, то в бедной и неразвитой стране человек может прожить всю жизнь, выращивая капусту и лишь смутно мечтая о том, чтобы выразить свой дар. Или же, повинуясь внутреннему импульсу, он пытается реализоваться самостоятельно, не имея ни образования, ни условий... Бог знает сколько Шекспиров родится по всей земле и заканчивает свои дни, так и не придумав своего Гамлета. Вы понимаете меня?

– Еще бы!

Смирнов кашлянул. Было заметно, что он не испытывает удовольствия от собственного рассказа.

– ...Отдельно надо упомянуть, что общество в целом совершенно не заинтересовано в обилии Эйнштейнов и Шекспиров. Обществу безопаснее, когда их мало. Избыток гениев приведет к тому, что своей бешеной активностью они погубят цивилизацию. Гении должны пребывать в плотном кольце трезвых осторожных практиков. А если мы заговорим не об обществе, а о государстве – здесь картина еще интереснее. Большие таланты нужны государству в единичных экземплярах. Достаточно троих-четверых технарей, корифеев точных наук, чтоб изобретали ракеты и бомбы. Плюс желателен один какой-нибудь мыслитель-гуманист, на должность, образно говоря, «совести нации»... Что касается тех, кто изобретает не бомбы, а мирные телефоны и паровозы, –

эти всегда заботились о себе сами, не имея поддержки ни от государства, ни от общества. Даже в периоды правления самых мудрых администраций многие великие изобретения десятилетиями лежали под сукном. Государству не нужны Эйнштейны. Нужны солдаты, налогоплательщики и избиратели. Ну и, естественно, женщины: для воспроизводства новых солдат и налогоплательщиков. Это страшно звучит, но даже самое справедливо устроенное государство существует, опираясь на посредственностей, и чем их больше – тем государству лучше. А гении всем мешают, они – еретики, они не любят подчиняться и плодят вокруг себя сомневающихся...

– Значит, – перебил Савелий, – вы сделали школу для гениев?

– Наоборот. – Доктор Смирнов поджал губы. – Для бездарей.

– Вот как.

– Меня интересовали абсолютные, классические бездари. Их избыток тоже опасен. На протяжении многих лет своей работы я сталкивался с детьми, которые ни на что не способны. Предлагаешь книгу – ему неинтересно. Даешь музыкальный инструмент – не хочет. Подводишь к токарному станку – не то. Отправляешь ухаживать за животными – мимо. Выводишь на сцену – опять мимо. Ничего, нигде, никак. Глуп, слабоволен, бесхарактерен. Бесполезен. Безнадежен. Я стал наблюдать за такими детьми. Все они жили в неблагополучных семьях. Как правило, в неполных. Исследуя пробле-

му, я понял простую вещь: да, всякий ребенок талантлив, но при одном условии – если он зачат в любви. Он может быть рожден в сарае, он может вообще не знать родителей, это неважно... Главное – чтобы его биологический отец любил его биологическую мать. Бездарные дети – это нежеланные дети, появившиеся на свет в результате случайных половых контактов. Я ходил по семьям, собирал статистику, расспрашивал, составлял досье... Я знаю случаи, когда у опустившихся родителей, деклассированных наркоманов и алкоголиков, рождались прекрасные талантливые дети только потому, что родители искренне любили друг друга... Я создал школу-интернат. На свои деньги. Вместе с друзьями – они тоже вложили сбережения. Миша, кстати, активно поучаствовал, и финансово, и вообще... Я собрал не просто трудных детей. Я собрал детей, про которых точно знал, что это случайные дети, зачатые по глупости. Дети, которых не хотели ни мама, ни папа. Это были духовно и интеллектуально бедные существа. Балласт. Они даже воровать не умели, потому что для воровства нужны сноровка и отвага. Я стал искать в каждом Божью искру...

– Зачем?

Доктор смешался и посмотрел на Савелия с удивлением.

– Мне казалось, – вежливо произнес он, – что это мое призвание.

Герц мысленно отругал себя за бестактность. Смирнов посмотрел на журналиста, как смотрел, наверное, на самого

бездарного ученика своей школы, и ровным голосом продолжил:

– ...Ребенок, рожденный в любви, гарантированно получает Божью искру. Даже если любовь – на одну ночь. Даже если на десять минут... В общем, я купил большой дом в Подмосковье. Тридцать лет назад, если помните, еще существовало такое странное место, как Подмосковье. – Смирнов печально улыбнулся. – Дети жили одним коллективом. Мы сами обеспечивали себя всем необходимым. Носили воду из колодца. Отапливали газом...

– Газом? – спросил Савелий. – Где же вы взяли газ? Он давно кончился.

– Тогда еще можно было купить газ. Если газа не хватало, мы топили дровами и углем. Как в XX веке. Вся идея была в том, чтобы жить не в башне, не в муравейнике на жуткой высоте – а уединенно, изолированно. У нас были трактор и грузовик, у нас были куры и даже кролики, мы выращивали картошку и морковь. Маленькая колония в пустоте, в двадцати километрах от ближайшего зеленого стебля. Я едва добился, чтобы нам провели электричество. Это стоило кошмарных денег, но все равно через год нас отключили и предложили перебраться в башню. «Не занимайтесь ерундой, – говорили мне, – живите как все, мы даем вам замечательное помещение с горячей водой и центральным кондиционированием». Я не согласился. Для чистоты эксперимента было важно, чтобы дети контактировали только с педагогами или

с себе подобными. С каждого родителя была взята расписка. Впрочем, – Смирнов повторил свою улыбку, – родителям было, что называется, все равно. Нелюбимые дети – они и есть нелюбимые. Учителей было четверо. Мы с женой и еще одна семейная пара. Мы возились с этими детьми в сто раз больше, чем со своими собственными... У вас есть дети?

– Нет, – ответил Савелий и сразу почувствовал стыд. Нельзя отрицательно ответить на такой вопрос и не ощутить стыда.

– Почему?

– Сейчас, – отшутился Герц, – я как раз над этим работаю. Смирнов покачал головой.

– Умоляю вас, продолжайте, – попросил Герц. – Что было дальше?

– Я не верил в свою теорию. Я создал школу не для того, чтобы доказать теорию, а чтобы опровергнуть ее. Мои дети были абсолютно безнадежны. Не какие-нибудь инвалиды с задержкой умственного развития – нет, совершенно здоровые, нормальные мальчики и девочки, от шести до двенадцати лет... Все как один – абсолютно бездарные. Нелюбопытные, глупые, неловкие существа. Я был молод и полон сил. Был вместе с ними с семи утра и до десяти вечера. Придумывал на ходу, даже перечитал наивные труды Макаренко. Я учил их, что мир прекрасен и они в этом мире тоже прекрасны. Я исследовал душу каждого. Иногда плакал от бессилия. Мне казалось, глупо искать Божий дар там, где в ос-

нову положена не любовь, а случайность, прихоть или блуд. Это был поиск добра в зле...

– Черт возьми! – воскликнул Герц. – Финал вашей повести должен быть либо страшен, либо великолепен.

– Я работал восемь лет. Но потом...

В кармане у Смирнова затрещал телефон, и он вздрогнул. Выслушал абонента, глухо произнес: «Сейчас буду», – и с изменившимся лицом встал:

– Мне очень жаль. Мы должны прерваться.

– Одну минуту! – вскричал Савелий. – Скажите, что было дальше? Вам удалось? Удалось?

Смирнов развел руками:

– И да, и нет. Я не рассказал и половины того, что вам следует знать. Если, конечно, вы намерены сделать хорошую статью...

– С ума сойти! Это будет мой лучший материал. А чем вы занимаетесь сейчас?

– Я всегда занимался детьми. И до сих пор занимаюсь.

– Бездарными?

Доктор Смирнов сделался очень мрачным и сказал:

– Пока не знаю. Может быть, наоборот: они слишком одарены. Впрочем, это неважно. Передавайте Мише поклон... И позвоните завтра. Я расскажу свою историю до конца.

Было семь вечера, когда Савелий обогнул башню «Замятин» по спиральной эстакаде и на высоте тридцатых уров-

ней выскочил на горб скоростной юго-западной магистрали. Сразу набрал максимальную разрешенную скорость: во-первых, любил прокатиться с ветерком, а во-вторых, спешил на встречу с шефом. Старик Пушкив-Рыльцев не любит тех, кто опаздывает.

Старик был человеком строгих правил, он презирал су-сальное благополучие российской столицы и вообще плохо вписывался в современную расслабленную жизнь. Впрочем, его подчиненным, в том числе Савелию, это не мешало. Сотрудники журнала «Самый-Самый», как и остальные обитатели гиперполиса, с детства знали, что нельзя обитать в Москве и не наслаждаться Москвою.

Прошло полвека с тех пор, как утонули многие центры цивилизации. Океаны поглотили Нью-Йорк, Лондон, Токио, Лос-Анджелес и Рио-де-Жанейро. Уцелевшие материковые столицы восточной Евразии – Москва, Дели, Пекин – вошли в большую силу и стали глобальными финансово-экономическими центрами.

Теперь Москва продавала и покупала все и всех.

Кто жил в Москве, того мало интересовал остальной мир: и Европа, превратившаяся в огромный обветшавший музей, где под сенью великих монументов бродили толпы выходцев из Африки, вымогая у растерянных правительств пособия и субсидии; и сама вконец одичавшая Африка; и Ближний Восток, где шейхи и эмиры потрясали друг перед другом кустарными атомными бомбами.

Москва стала возмутительно богата. Москва обеспечивала умопомрачительный комфорт и первоклассный сервис. Москва опоясалась дорогами из ультрасовременного резиноасфальта. Москва предлагала все мыслимые и немыслимые развлечения, начиная от гонок на оленьих упряжках и заканчивая полетами в стратосферу. Москва хотела радоваться жизни.

Здесь люди пресытились бесконечными войнами, кризисами и прочими глобальными потрясениями. Здесь погубили одного за другим величайших диктаторов, своих и чужих тиранов: Наполеона, Гитлера, Сталина. Здесь проводили над своими гражданами такие эксперименты, которые в других местах боялись проводить над чужими гражданами. Здесь научились подыхать от голода и одновременно летать в космос. Здесь главной книгой считалась не Библия, а история о том, как студент убил топором старуху. Здесь из поколения в поколение генетически накапливалась усталость от исполнения добровольно взятой на себя миссии народа-богоносца.

Однажды народ-богоносец понял, что он давным-давно доказал и себе, и человечеству свою уникальную силу; пора отдохнуть.

Тогда здесь решили послать человечество к черту, сдать в аренду Сибирь и уйти в отпуск.

В 19:22 Савелий поставил машину в гараж и поспешил к лифтам. Шеф и хозяин журнала «Самый-Самый» жил в том же здании, где располагалась редакция, но восьмью этажами выше. Журнал был главным делом жизни старика – по крайней мере в последние четверть века, – и старик, подобно легендарным трудоголикам XX столетия, не отделял личное пространство от рабочего. Специальный подъемник связывал его спальню с офисом, и часто в разгар дня сотрудники не догадывались, где находится их босс – то ли решил прикорнуть в послеобеденный час, то ли сей момент заорет во всю мощь синтетической глотки, чтобы вызвать на ковер нерадивого верстальщика или корректора.

В 19:35 Савелий стоял перед дверью, и она не замедлила открыться, поскольку дверь была умная и знакомых впускала беспрепятственно. Однако Пушкив-Рыльцев исповедовал старинные законы гостеприимства и предпочитал лично встречать визитеров. Даже если ради этого ему приходилось пересекать на своей коляске из конца в конец всю фешенебельную пятисотметровую квартиру.

– Проходи, – нелюбезно проскрипел он.

Седой, тощий, в ветхом бархатном халате, грудь засыпана сигаретным пеплом, – старик лихо развернулся и покатил в святая святых: в огромный кабинет, где пахло старым дере-

вом и от сквозняка развевались всегда опущенные шторы, где в герметичных шкафах хранились уникальные коллекции бумажных книг и под бронированным стеклом особых, на заказ изготовленных витрин сурово отсвечивали раритетные револьверы, кинжалы, сабли, мятые снарядные гильзы, каменные топоры, какие-то бляхи, кокарды и прочие милитаристские редкости и древности.

Пушков-Рыльцев был не один. У журнального столика, сервированного для кратковременного мужского междусобойчика – бутылка, рюмки, банка маслин, – сидел крепкий большеносый человек, не молодой и не старый, не красивый и не уродливый, одетый невыносимо скромно, в выцветшую и обвисшую, мышинового цвета пиджачную пару – примитивный костюм резко контрастировал с осанкой. При появлении Савелия незнакомец непринужденно сменил одну полную достоинства позу на другую, полную еще большего достоинства. Савелий посмотрел на него, потом на шеф-редактора и ощутил странное чувство. Удивительно было видеть одновременно сразу двух взрослых мужчин, не имеющих на себе перстней, браслетов, цепочек, игривых татуировок, цветного лака на ногтях и зубах и прочих штук, которыми люди привыкли поднимать друг другу настроение во времена дефицита солнечного света.

– Познакомься, – велел Савелию шеф. – Это мой брат.

– Муса. – Большеносый приподнялся и протянул руку, далеко отставив локоть и одновременно сыграв плечом – слов-

но хотел ударить Савелия по печени.

Что-то не похож он на брата, подумал Савелий и пожал сильную ладонь.

– Не похож? – улыбнулся шеф, продемонстрировав стариковский талант к чтению мыслей.

– Нет, – честно признался Савелий.

– Тем не менее, мы братья, – пьяновато заявил Пушкиков-Рыльцев, перевел взгляд на большеносого и ткнул в Савелия пальцем: – А это мой лучший сотрудник. Золотое перо.

– Перо, говоришь? – «Брат» Муса слабо усмехнулся.

Савелий вдруг понял, что перед ним человек с первого этажа. Бандит. Редкая птица на девяностых уровнях.

– Не бойся, Герц, – рекомендовал старик. – Выпей с нами. Смотри, какой подарок мне принесли.

Савелий оглянулся и увидел подарок – действительно, весьма оригинальный: сидящая в вольтеровском кресле первоклассная голографическая копия Солженицына, в лагерном ватнике, с номером Щ-854.

Классик гладил бороду и сурово грозил пальцем.

– Пожалуй, мне пора, – негромко произнес Муса.

– Сиди, – приказал Пушкиков-Рыльцев. – Выпьем втроем. За знакомство. Савелий Герц – тот парень, про которого я тебе говорил.

Савелий напрягся. Владелец журнала «Самый-Самый» считался живой легендой. Помимо сибирской партизанщи-

ны ему приписывали дружбу с двумя премьер-министрами, вражду с третьим, несколько сколоченных и пущенных по ветру состояний, минимум дюжину жен и много чего еще. Если такой человек в присутствии бандита показывает на тебя пальцем со словами «я тебе про него говорил» – скорее всего, это означает перемены в твоей судьбе.

– А ты, золотое перо, – шеф повернулся к Савелию, – налей-ка нам всем. Как самый младший в компании.

Савелий наполнил рюмки. Выпили. Алкоголь обжег нутро и вверг его в дурноту. Муса – видимо, крупный специалист – закинул прямо в горло, одним лихим движением. Старик проглотил шумно, вибрируя дряблым зобом. Сразу попросил:

– Повтори. Кстати, ты есть не хочешь?

– Нет, – возразил Герц. – И выпивать тоже не хочу.

«Кстати, – вспомнил он, – мне еще ехать к Гоше Дегтю. Товарищ попросил приехать – значит, надо приехать. Гоша Деготь – хороший человек, переживающий плохие времена, его надо поддержать».

– Выпивать не хочешь, – сварливо заметил Пушкив-Рыльцев. – Кушать тоже не хочешь. Очень странно.

– Чего ты к нему пристал? – тихо попенял старику большеносый «брат». – Может, человек употребляет радость в чистом виде.

– Вряд ли, – медленно ответил шеф-редактор. – Я бы знал. Ты ведь, Савелий, не употребляешь радость в чистом виде?

Савелий решил обидеться. Только богатые, пожилые и пьяные люди, вдобавок близко знакомые, могли допустить меж собой такую бестактность, как разговоры о поедании мякоти стебля. Но «брат» явно наблюдал за Савелием, и взгляд серого человека до такой степени ничего не выражал, что благоразумнее было просто отмолчаться.

Несмотря на богатейший репортерский опыт, Герц мало знал эту публику: бандитов, «друзей», обитателей этажей с первого по пятый или квартирантов уцелевших кое-где по окраинам обветшавших лужковских семнадцатизэтажек, где каждый второй подросток с пятнадцати лет норовил сколотить бригаду, чтобы однажды ночью завалить стебель, распродать перекупщикам мякоть и занять собственный вертолет. На самых нижних этажах не боялись ни милиции, ни дьявола, изобретали сложные смеси мякоти пятой возгонки с кокаином и опиумом, занимались работорговлей, содержали фешенебельные бордели и букмекерские конторы с миллиардными оборотами. Там подделывали все на свете, начиная от китайских «роллс-ройсов» и заканчивая туристическими путевками на Луну, изобретали аппаратуру для подавления сигнала государственных микрочипов, пытались клонировать Березовского, Билла Гейтса, Зинеддина Зидана, Брюса Ли, Михаила Круга, Пита Догерти и генерала Агафангела Рецкого. Разумеется, великий и могучий Пушкин-Рыльцев, один из одиознейших общественных деятелей Москвы, непотопляемый старик, джентльмен и него-

дней, имеющий как судимости, так и государственные награды, поддерживал прочную связь с преступным миром, и Савелий не удивился, увидев в его кабинете профессионального злодея. Но сидеть рядом со скромнейшим, экономно цедающим словечки «братом» за одним столом, выпивать – это было слишком. «Зачем старикан меня позвал? – думал Герц, раздражаясь. – Познакомить с уголовником? Зачем мне уголовник? Уголовники не дают интервью. Вся их жизнь, до мелочей, организована так, чтобы сделаться как можно незаметнее. Для любого уголовного журналист – самый главный враг после милиционера».

– Не напрягайся. – Шеф-редактор опять угадал мысли подчиненного. – У меня к тебе разговор. Важный. Муса просто забежал на огонек, меня проведать. Это хорошо, что вы теперь знакомы. Будете полезны друг другу. Короче говоря, у меня созрел тост. Налейте по последней.

Савелий протянул было руку, но на этот раз «брат» соорил мгновенную точную гримасу – мол, позволь, теперь я сам – и мастерским движением плеснул каждому.

Пушков-Рыльцев, держа рюмку в узловатых, слегка дрожащих пальцах, посмотрел на Мусу – с большой приязнью, потом на Герца – строго и внимательно.

– Завтра, парни, моему журналу исполняется тридцать лет. Завтра будет банкет и все остальное. Но так получилось, что мы начали отмечать юбилей уже сегодня. Я давно разменял сто лет и ненавижу юбилеи. Но эта дата – повод к боль-

шому празднику. Когда я вспоминаю, как начинал, – мне становится страшно. Первые три номера я написал один. От первой полосы до последней. Под восемью псевдонимами. Никто не верил, что я сделаю крутой качественный журнал, который будет рассказывать не о звездах экрана, а о тех, кто делает дело. С тех пор я выпустил триста шестьдесят номеров, прославил на всю страну полторы тысячи человек, и это были лучшие люди. Люди труда и идей! Инженеры, врачи, педагоги, художники. Созидатели. Сейчас русскому человеку вроде бы незачем созидать. Все давно создано, всего немерено, жри от пуза! Абсолютное процветание, халявное богатство, персональный психологический комфорт и прочее говно. Но я не любитель халявы. Мне говорили: «Не ставь на обложку инженеров, не ставь изобретателей – у них тревожные лица, у них старая кожа, у них морщины, они плохо подстрижены...» А я ставил. И оказался прав. Выпьем за тех, кто делает дело. Неважно, какое.

«Чем же не угодил ему персональный психологический комфорт?» – подумал Савелий, внутренне сжался и заставил себя проглотить водку. Еще рюмка, решил он, и будет катастрофа.

К его облегчению, сразу после тоста Муса вздохнул и поднялся. Осанка его была великолепна.

– Я провожу, – пробормотал шеф, жуя маслину, и «братья» двинулись вон, исчезли за дверью, оставив ее полуоткрытой. До Савелия донеслись обрывки прощальных фраз,

все на изошренном жаргоне первых этажей.

Прикатив обратно, Пушкив-Рыльцев объявил:

– А я б еще выпил.

«Не сомневаюсь», – хмыкнул про себя Герц.

Старик беззаботно улыбнулся:

– Знаешь, я ведь могу за раз два литра на грудь взять. Желудок – пластиковый, почки и печень – тоже. А самое главное – мне не надо беспокоиться о том, чтобы меня ноги держали. Эта падла, – старик постучал пальцем по подлокотнику коляски, – знаешь, какая умная? Я нажимаю кнопку, и она сама на автомате едет до туалета и над унитазом меня наклоняет, чтобы я, значит... ну, ты понял...

– Понял, – вежливо ответил Савелий.

Старик хотел сказать что-то еще, даже рот открыл, но ему помешал грохот пролетевшего мимо окон вертолета: очередной китаец возвращался к себе домой после ужина в фешенебельной «Фанзе», или в «Янцзы», или в «Великой стене», или в другом закрытом клубе, где отпрыски богатейших семейств сибирско-китайского анклава проигрывали друг другу миллионы в маджонг.

Пушков-Рыльцев покачал головой:

– Представь себе, Савелий, я помню времена, когда не было ни травы, ни домов в сто этажей. Я жил на четвертом, в девятиэтажном доме, и прекрасно себя чувствовал. А дом был самый высокий в городе. Правда, город назывался не Москва. По-другому. Были тогда и другие города, кроме

Москвы... Вот что я тебе скажу: человек не может жить на небесах. Бог создал нас, чтобы мы ходили по земле. И смотрели на мир с высоты собственного роста. Когда я въехал в квартиру на сорок пятом уровне, у меня было такое чувство, будто я – в самолете. Я просыпался и засыпал с ощущением ожидания: когда же, мать вашу, мне скажут, чтоб я пристегнул ремни и готовился к посадке?

Савелий терпеливо ожидал завершения ностальгической увертюры. Сам он, наоборот, именно внизу, у подножия башен, ощущал дискомфорт и даже тревогу. Разумеется, патриарх не прав. Бог создал человека не для того, чтобы он жил на земле. Бог создал человека, чтоб он жил везде. Внизу, наверху. Под водой и над облаками. На Луне и еще дальше.

– Вижу, ты не согласен, – с сожалением заметил Пушкин-Рыльцев. – Ладно. Мы еще вернемся к разговору о том, для чего нас создает Бог. Шеф-редактор прикрыл глаза, нажал кнопку и сделал круг по комнате. Мотор его кресла тихо жужжал.

– Завтра на банкете я объявлю о том, что ухожу. Я стар, я устал, я инвалид. Мне пора в колумбарий. Журналом будешь руководить ты.

От изумления Савелий едва не потерял сознание. Старик сверлил его взглядом – словно воткнул зазубренный штык и проворачивал в ране.

– Почему я?

– Таково мое решение.

– Но вы не спросили моего согласия.

– А зачем? Ты бы ответил, что не хочешь.

– Да. Я бы ответил, что не хочу.

– Ты единственный, кто сможет руководить делом.

– Мне казалось, Пружинов...

– В задницу Пружинова! – раздраженно каркнул шеф-редактор. – Пружинов слишком любит власть! Люди, которые слишком любят власть, не должны властвовать! Они превращаются в тиранов и разрушают все, что им подвластно. Только ты, Савелий. Только ты.

Герц покачал головой:

– Я не готов.

– Тебе пятьдесят лет, – тихо, но гневно произнес старик. – Тебе пора расти.

– Пусть трава растет. А я хочу просто жить, и все.

– Нельзя «просто жить», дорогой мой. Человек не должен «просто жить, и все».

– Человек вообще никому ничего не должен.

Пушков-Рыльцев опять нажал кнопку и подкатил совсем близко к Савелию.

– Мальчик, тебе пора перестать повторять эти лозунги для сытых идиотов.

– Эти лозунги повторяет вся страна.

– Ты ничего не знаешь про страну, Савелий. Тебе пора понять, что нет более наивных и неосведомленных существ, чем профессиональные журналисты. Каждый из них думает,

что все понимает, – и поэтому на самом деле не понимает нихера.

– Если я не понимаю нихера, – возразил Савелий, чувствуя себя сильно задетым за живое, – как тогда я смогу возглавить журнал?

– Так и сможешь. Начнешь – и суть вещей постепенно откроется тебе.

Савелий понял, что больше не может сидеть. Встал и вытянул руки по швам.

– Михаил Евграфович, поверьте... Мое уважение к вам очень велико, но...

– В задницу уважение, – перебил старик. – Я знаю все, что ты скажешь. Ты скажешь, что не хочешь нести нагрузку. Ты скажешь, что тебе и так хорошо. Что ты боишься. Что можешь не справиться. Ты скажешь еще какую-нибудь чепуху...

– Нет, – твердо возразил Савелий. – Я просто откажусь. Наотрез.

Пушков-Рыльцев кивнул и развел руками.

– Тогда, – печально произнес он, – наш боевой листок придется продать. Голованову. Эта сволочь тут же отвалит огромные деньги. И вольет журнал в корпорацию «Двоюродный брат». Будете брать интервью у «Соседей», вошедших в топ-сто. Уверяю тебя, Савелий, при новых хозяевах ты не продержишься и года. Потому что писать про настоящих людей – это одно, а писать про олигофренов, которые дерутся

сковородками, женятся и разводятся раз в неделю, – совсем другое.

Савелию стало страшно. Он представил себя автором статьи о семействе Валяевых и вздохнул:

– В общем, это ультиматум.

– Вся жизнь состоит из ультиматумов, – сухо ответил старик, отъехал на два метра, изучил Савелия с ног до головы и театрально провозгласил: – Шеф-редактор Савелий Герц! Звучит. Ты будешь хорошо смотреться в моем кабинете.

– Мне не до шуток.

Пушков-Рыльцев сверкнул глазами:

– Мне тоже. Слушай сюда, парень. Слушай очень внимательно. Ежемесячник «Самый-Самый» кормит тридцать человек. Я бы хотел, чтобы после моего ухода журнал продолжал существовать. И обеспечивать людей работой, деньгами и статусом. Что и как будет здесь после меня – мне не важно. Главное – чтобы дело двигалось. Именно поэтому я делаю предложение тебе, а не Пружинову. Хотя этот жук, как ты сам заметил, спит и видит себя в моем кресле. – Пушков-Рыльцев указал подбородком на дверь, давая понять, что речь идет не об инвалидном кресле, а именно о кресле босса. – Но Пружинов будет разочарован. Новым шефом станешь ты, Савелий. Ты спокойный, умный и лояльный малый, ты будешь твердой рукой крутить штурвал и прокладывать курс.

– А если не потяну?

– Потянешь, – небрежно ответил шеф. – Повторяю: главное – решиться, а потом само пойдет. Не забудь: вас же будет двое. Ты и Варвара. Муж и жена.

– Я не женат.

– Так женись, черт возьми!

– Я не умею руководить, – твердо заявил Савелий. – Требовать, подчинять, насаждать дисциплину – это не мое. Я не лидер от природы.

– В задницу природу! – прорычал Пушков-Рыльцев. – Думаешь, я – лидер? Если бы пятьдесят лет назад мне сказали, что я буду управлять собственным журналом, я бы даже не понял такой глупой шутки. Я еще меньший лидер, чем ты. А вот приперло – и пришлось лидировать. Я обещал, что мы вернемся к разговору о том, для чего нас создал Бог. Скажи, тебе понравился Муса, мой гость?

– Муса как Муса, – ответил Савелий.

Старик кивнул и понизил голос:

– Бог создал Мусу убийцей. Настоящим. Я видел его в деле. Не один раз. Однажды мы вдвоем отстали от отряда и вышли на китайский пикет. Я не успел затвор передернуть, как он положил троих и за четвертым погнался... А сейчас у него – бизнес, офис, секретарша и прочее. Деньги делает! Хотя рожден для того, чтобы сражаться. Савелий, не пускай слюни. Бери журнал и занимайся.

– Дайте время подумать.

– Даю, – мгновенно ответил старик. – До утра. И не забудь:

я предлагаю тебе не только достойное дело, но и достойный доход. Ты сейчас на шестьдесят третьем?

– На шестьдесят девятом.

– Что же, через год переберешься повыше. Куда-нибудь на восемьдесят второй. Если, конечно, эта зеленая гадость не сгниет и людям не будет наплевать, на каком этаже жить...

– Думаете, она сгниет?

Шеф-редактор погладил подлокотники и помрачнел.

– А ты не веришь?

– Не знаю, – искренне ответил Савелий. – Как-то не думал об этом.

– А ты подумай. – Пушков-Рыльцев подмигнул. – И главное, верь. Чем больше нас будет верить – тем скорее наступит великий день. Правда, если он наступит – нам мало не покажется... Кстати, с Варварой я сам поговорю. Будете рулить вдвоем. Муж с женой, оба – журналисты, управляют собственным ежемесячником – это прекрасно!

«Варвара, разумеется, запрыгает от счастья», – подумал Савелий.

Старик меж тем внимательно следил за его лицом. Помедлил, затем начал говорить, тихо, почти стеснительно:

– Журнал – это все, что у меня есть. Было многое, но остался только журнал. Я хочу, чтобы он меня пережил. Мне не нужно, чтобы после моего ухода люди сказали: «Вот, был Пушков-Рыльцев – был журнал, нет Пушкова-Рыльцева – и журнала нет». Мне, дорогой Савелий, хочется, чтобы люди

сказали: «Ого! Пушкив-Рыльцев давно в могиле, а журнал его процветает!» Вот о чем я мечтаю, Савелий. Разумеется, у нас с тобой будет время для того, чтобы передать дела... Месяц или два я буду рядом. Помогать и подсказывать. Потом двинешь самостоятельно. Мы с тобой очень разные. Я – инакомыслящий, ты – лояльный. Но так даже лучше. Кое-кто, – старик соорудил свою фирменную презрительную гримасу, – будет очень рад, что я ушел на покой и во главе журнала стоит мирный законопослушный гражданин... Только, парень, не будь слишком мирным и законопослушным.

– Это как? – спросил Савелий. – Как отличить просто законопослушного человека от слишком законопослушного?

– Сам поймешь, – отмахнулся старик. – А теперь иди. Только перед уходом пошарь в том шкафу, рядом с энциклопедиями... Там есть бутылки, одна полная, другая наполовину пустая – тащи сюда обе. Я сегодня ночью пить буду. Один. Любишь пить один?

– Нет.

– Ну и дурак.

Солженицын все кутался в свой лагерный бушлат, грозил пальцем из угла.

– Погоди, – сказал старик, когда Савелий уже стоял в дверях. – А ты чего такой напуганный?

– А какой я должен быть? После услышанного?

– Эх ты, – снисходительно прохрипел Пушкив-Рыльцев. – Веселись, дурак. Риск, ответственность, нагрузка – это и

есть счастье! Если тебе доверяют – наслаждайся. Возглавить большое дело – все равно что невинность потерять. Такое бывает только один раз. И запоминается навсегда... Тебе, малый, надо не вздыхать и ужасаться, а праздновать. Понял?

– Да.

– Иди.

«Хорошо ему, столетнему и безногому, учить меня жизни», – раздраженно думал Герц, спускаясь в гараж.

Однако по мере продвижения лифта и изменения порядка цифр на экране – шестидесятый уровень, пятидесятый, сороковой – Савелий понемногу укрепился в мысли, что старик прав.

«Действительно, чего бояться? Подумаешь, журнал. Это же не оборонный завод. И кстати, перемены в судьбе давно назревали. Если откровенно, я сам их желал. При всей моей нелюбви к переменам, при всем стремлении к упорядоченности и стабильности – я давно нуждался в новом и большем. Как пел тот странный музыкант сто лет назад? “Сны о чем-то большем”? Бывает, противишься чему-то большему, а оно само стучится в дверь.

Женюсь, да. Стану шефом. Настоящим журнальным боссом. Поселюсь на восьмидесятых, где солнце бывает минимум полдня в день. Я не карьерист – и не лез к новому и большему. Не карабкался, стиснув зубы, по чужим головам. Все произошло своим чередом. Значит, так тому и быть. Евграфыч, дьявол ветхий, все-таки мудр. Он титан, фигура, он во

всем прав. Власть и влияние опасно вручать авантюристам с пылающим взором. Власть и влияние должны находиться в руках у трезвых рассудительных Савелиев».

Он вышел из лифта, лелея в себе новые ощущения. Как будто вдруг стал шире в плечах. И обоняние обострилось, и слух. Старая жизнь осталась в прошлом, впереди сверкала новая.

В огромном зале гаража было шумно, из широкого китайского «майбаха» выгружалась, хохоча, группа раскрашенной молодежи – видимо, приехали из дансинга, чтобы продолжить активный отдых у кого-то в квартире. Динамики лимузина исторгали нечто дикое, будто целая армия шаманов молотила в бубны, упившись секретного шаманского зелья. Пританцовывающие девочки – блудливые мордашки, задорно торчащие сиськи из высококачественного вспененного силикона – увидели журналиста, издали мелодичные возгласы, помахали: присоединяйся, мол, дядя, у нас весело, смотри, какие мы открытые для всего нового и большего; гляди, какие у нас попки упругие, какие наши мальчишки мускулистые; нам хорошо, пусть и тебе будет хорошо.

Савелий сурово улыбнулся и двинулся к своей машине. Надо сказать, ребята подозрительно благодушны и раскованны. Не иначе, мякоти обожрались. Нынешняя молодежь все-таки очень неосторожна, тут повсюду объективы...

«Праздник – праздником, журнал – журналом, но осторожность необходима», – сказал себе Савелий, вспоминая

адрес Гоши Дегтя и настраивая автопилот.

Он давным-давно не был в гостях у старого товарища. Гоша жил далеко, практически на окраине, в районе с дурной репутацией, в старой башне для низкооплачиваемой интеллигенции. Визит к Гоше обещал угрозу личному психологическому комфорту. Лучше не ехать в сомнительное место на дорогой машине, а вызвать такси – и не автомат, а с живым водителем; очень дорого, зато безопасно.

«Ладно, – подумал Герц, – рискнем. Я шеф-редактор популярного журнала, зачем мне кого-то опасаться? Пусть теперь меня опасаются. Я теперь, если захочу, любую сволочь пропечатаю, тиражом в сто пятьдесят тысяч, с цветными фотографиями. В порошок сотру. Мой журнал называется “Самый-Самый”, ясно? Вон, девки маются от безделья и здоровья юного – сейчас поманю пальцем, и любая все сделает, лишь бы ее портрет в моем журнале появился...»

Он вздохнул и тронул машину с места. «Зачем мне девки. У меня есть женщина, и я ее люблю».

7

– Я думал, ты не приедешь, – выдал Гоша Деготь вместо приветствия и неприятным жестом вытер мокрый рот. – Проходи пока на кухню. Подожди пять минут. У меня тут небольшая проблема.

Савелий кивнул и отправился, куда ему рекомендовали.

Он устал, в голове слегка шумело. Его не удивили странности в поведении товарища. «Небольшая проблема» была на самом деле бывшей супругой Гоши. Усевшись за стол, покрытый нечистой скатертью – в центре на тарелке лежало огромное ярко-красное яблоко, рядом стояла початая бутылка коньяку, – Савелий услышал гневные возгласы.

– Подойди к зеркалу! – надсадно кричала женщина за стеной. – Посмотри на себя! Ты отвратителен!

Оппонент что-то неразборчиво бормотал. То ли клялся, то ли успокаивал.

– Все люди как люди! Приятные! Разносторонние! Кто марки собирает, кто запахи старинные! Всем весело, всем комфортно! Вон, у меня приятельница – на Луну летала! С «другом»! Красота, говорит, невероятная, и легкость во всем теле! На будущий год опять полетит! А ты? Чего тебе не живется? «Соседи» жизнь испортили? Да они сейчас везде! Забудь, выбрось из головы!

Она права, сказал себе Савелий. «Соседей» все больше. Теперь уже и на шестидесятых вовсю увлекаются. Это сразу заметно, когда сосед становится «соседом». Он тогда ежедневно рядится исключительно в лучшие одежды и его жена даже собачку выгуливать идет только в вечернем платье. Или, наоборот, в мини-юбке и безумной раскраске наподобие грубого театрального грима.

– Встряхнись! – кричала женщина. – Ты знаешь кто? Ты – беззубый!

«А вот тут ты ошибаешься, – подумал Герц. – Он точно такой же зубастый, как и ты, уважаемая. И еще в сто раз зубастее. Ты же не читала его статьи. А я читал. Внимательно. Только ты, мадам, свои зубы норовишь в других вонзить. В первую очередь в мужа своего бывшего. А он, бывший муж, свои зубы не показывает, он ими грызет исключительно самого себя. Такова между вами разница».

– Ты скоро окончательно превратишься в бледного! Ты мне противен!

«А сама ты лучше, что ли? Визжишь, как электродрель. Найти бы твою кнопку да выключить». Савелий вздохнул.

– Чего притих? Стыдно, да? Молчишь?

«Конечно, ему стыдно. За тебя стыдно. Как же ему не молчать, если ты слова не даешь вставить».

– Все! Я ухожу!

«Давно пора. Иди. Подключись к “Соседям”, там такое любят. Там скандал – это круто, это рейтинг. Это слава и подарки спонсоров».

Герц посмотрел в окно. XXII век мерцал и колыхался. Пространство, перечеркнутое вертикальными линиями стеблей, в вечерней полутьме на их поверхностях играют блики, меж стеблями – яркие огни, всех цветов, их тысячи, и парящие голограммы реклам, и бегущие по горбам эстакад машины, выше – вертолеты, еще выше – чернильные небеса.

Сто лет назад было иначе, подумал Савелий. О, дикое и жестокое прошлое! Кровавый зарешеченный XX век! Беспо-

рядочный и форс-мажорный XXI-й! Суровые прямые люди, никаких семейных конфликтов, воплей, никаких изнеженных истеричек, никакого мещанского безделья и туристических поездок в места, где каждому гарантирована легкость во всем теле.

Мужчин часто тянет в прошлое. В те благословенные незамысловатые времена, когда можно было молча взять дурку за волосы и тряхнуть пару раз. Для упрочения личного психологического комфорта.

Или, продолжал размышлять Герц, перестаешь ее, допустим, кормить. День не кормишь, два – на третий она уже совсем тихая и послушная.

Закрыв за своей благоверной дверь – вернее, это благоверная сама хлопнула ею, – Гоша вошел в кухню, шаркая. Сутулый, со слезящимися глазами. Выхватил с полки два стакана, налил в оба. Молча выпил. Покачал головой.

– Двадцать лет вместе. Двое взрослых детей. Девять комнат. Пятьдесят четвертый этаж. Чего ей не хватало?

Савелий молчал. Он не нанимался третейским судьей и не желал «работать» жилеткой для чужих слез. Все это уже происходило много раз.

Гоша опять налил себе и с нажимом произнес:

– Выпей.

Савелий перевел взгляд на красное яблоко. Оно было здоровым. Все остальное – скатерочка, дыхание сидящего напротив нетрезвого товарища, сам воздух кухоньки – боль-

НЫМ.

– Я уже пил сегодня, – ответил он. – Больше не хочу. За чем звал?

Гоша Деготь зажмурился и несколько раз глубоко вздохнул. Савелию стало его жаль. Все-таки, наверное, Гоша был боец и бился, как умел. Изо всех сил. Но вышло так, что силы кончились.

– Прости, – пробормотал Гоша. – Ничего особенно не случилось. Просто захотел... не знаю... посидеть, поболтать... Черт знает что творится... В общем... – Он встал, опять сел, схватился за бутылку, потом решительно ее отодвинул и посмотрел на Герца. Устало и затравленно.

– Тяжко тебе, – осторожно заметил Савелий.

Неожиданно Гоша злобно захохотал.

– Мне? Я в порядке. У меня есть вот это. – Он показал на бутылку. – Это тебе, Савелий, тяжело. У тебя этого нет.

– Не имею потребности.

Гоша сощурился:

– Это меня и пугает.

– Ты о чем?

– Выпей. С товарищем и коллегой. Выпей.

– Не буду.

– Выпей! – крикнул Гоша и сильно двинул к Савелию стакан. – Просто выпей, и все.

Несколько мгновений Герц сидел без движения, потом в два больших глотка исполнил просьбу.

– Доволен?

Гоша Деготь не сводил с него глаз. Процедил:

– Пока не знаю. Подождем.

– Ничего не выйдет, – усмехнулся Герц. – Я чистый.

Гоша молчал, тяжело сопел. Савелий вдруг расслабился – или алкоголь его расслабил, – хлопнул приятеля по плечу:

– Успокойся. Ты позвал меня проверить, не жру ли я мякоть стебля?

– Нет, – тихо ответил Гоша и опустил глаза. – Не за этим.

– Тогда зачем?

– Я же сказал: посидеть, поболтать.

– Тогда давай болтать.

– Мы уже это делаем.

Гоша ухмыльнулся. Взъерошенный, тощий, плохо выбритый. Жертва древней, как мир, болезни. «Будь я его женой, – подумал Савелий, – я бы тоже устраивал скандалы. И в конце концов ушел бы. В доме грязно. Пыль. Пахнет едой. Дурной, жирной едой. Когда в доме пахнет едой – это несовременно, это мешает персональному комфорту. Сколько пропивает этот бывший баловень фортуны, автор бестселлера “Я ваш сосед”? Алкоголь стоит больших денег. В наши времена пьянство – недуг богатых. Как триста лет назад – подагра. Бледные граждане не пьют водку – у них есть мякоть стебля».

– Кстати, – заявила жертва недуга богатых, – передай нашим, что я не пойду на банкет.

– Пойдешь, – отрезал Герц. – И не просто пойдешь. Ты пойдешь трезвый, в смокинге и с супругой. Все идут – и ты пойдешь.

Гоша покачал головой и грубо выругался.

– Пойдешь, – спокойно повторил Савелий и закинул ногу на ногу. – Таково распоряжение шефа.

– Похер мне распоряжения шефа, – так же спокойно парировал Гоша. – У шефа пластмассовая задница и резиновый желудок. Шефу сто лет, он живет в своем мире...

– Ошибаешься, – произнес Герц. – Теперь шеф – я. А мне всего пятьдесят, и моя задница натуральная.

Вопреки ожиданиям Гоша Деготь отреагировал вяло. Всего лишь молча кивнул. «Даже не поздравил, – подумал Герц. – Тоже мне, товарищ. Впрочем, что взять с пьющего?»

Он воодушевился и продолжил:

– Более того, господин Деготь, именно с банкета начнется твоя новая жизнь. Я загружу тебя работой так, что у тебя не останется времени на водку. Ты станешь моей правой рукой.

– А Варвара – левой, – тусклым голосом сказал Гоша.

– Нет. Варвара займется финансами.

– Ах да. Разумеется.

– Через два года ты переедешь отсюда в приличное место. Гарантирую. Допустим, в башню «План Путина». Куда-нибудь на шестьдесят восьмой. И это будет только начало. Мы перестроим работу. Мы станем более развлекательными, цветными и веселыми. Тираж поднимется. Рекламные

поступления возрастут. Мы с тобой, дружище, оставим внукам резиденции в пятнадцать залов на восьмидесятих уровнях...

– Внукам? – иронично спросил Гоша, пододвигая к себе бутылку. – У тебя и детей-то нет.

– Надеюсь, будут.

– Что ж, отличный план. Варвара знает?

– Еще нет.

– Она будет рада.

– Я тоже так думаю.

– Только это ничего не изменит.

– А что должно измениться?

– Ничего, – сурово произнес Гоша. – Это я так. Нахожусь под впечатлением беседы с матерью моих детей. Женщины – особенные существа. Они никогда не хотят ничего менять. Они принимают мир таким, какой он есть. Они адаптируются. И требуют того же от своих мужчин. Ты очень изменился, Савелий. Я помню тебя другим. Ты был злой. Ты хотел что-то изменить. А теперь у тебя есть твоя Варвара, и она переделала тебя...

– Прекрати.

Гоша ухмыльнулся:

– Прекратить? Ты еще скажи, что я наношу вред твоему персональному психологическому комфорту.

– Не в этом дело. Просто Варвара тут ни при чем.

Гоша вдруг послушно кивнул:

– Ты прав! Извини. Варвара ни при чем. – Он провел ладонью по лицу. – Не слушай меня. Видишь ли, Савелий... Не знаю... Надо как-то... Я всегда тебя любил. Ценил и уважал. Я хочу, чтоб ты это знал. Я журналист, но я – неконтактный человек, одиночка, вокруг меня всегда было мало людей... У меня близких – дети... ты... и все. Понимаешь?

– Понимаю, но не до конца. К чему ты клонишь?

– Ни к чему! – крикнул Гоша. – Просто мне нужно, чтобы ты именно сегодня от меня это услышал.

– Что-то случилось?

– Ничего. Абсолютно ничего. Кстати, ты... В общем, прими поздравления.

– Я не хотел, – деловым тоном сказал Савелий. – Но старик настаивал.

– Старик – он, да... – пробормотал Гоша. – Он кого угодно... Ты – шеф, это прекрасно, это первоклассная новость... Это лучшее, что можно представить. Особенно сегодня. Это счастье. Это мне знак...

«Сколько он выпил?» – подумал Герц. Не удержался, протянул руку и взял яблоко. Тут же крупно вздрогнул – оно оказалось декоративным, пластиковым.

– Мне пора.

Гоша Деготь вздохнул:

– Посиди еще минуту. Просто посиди. Ты хороший человек, Савелий. Завтра все будет по-другому. Для тебя и для меня. Ты станешь шефом, а я... – он помедлил, – ну, тоже,

наверное, стану кем-нибудь... В любом случае жизнь продолжается. Трава растет, контора пишет. Китайцы работают. Никто, так сказать, никому ничего. Ты прости меня, ладно?

– За что?

– За все. И жену мою прости. Она немного несдержанная женщина, но она права. Я слабак, сам себя загнал в угол.

– Поедем со мной, – предложил Савелий. – Переночуешь у меня. Ты мне совсем не нравишься. Напьешься сегодня – утром будешь страдать. А завтра – тяжелый и важный день.

– Не волнуйся, – твердо сказал Гоша. – Все будет хорошо. Варваре привет передавай.

В дверях он схватил Герца за плечи, сильно рванул к себе и обнял. От друга пахло потом, коньяком и соевым соусом. Савелий осторожно провел ладонью по худым вздрагивающим лопаткам.

– Держись. Завтра все изменится.

– Знаю, – тихо ответил пьяный товарищ. – Еще как изменится.

Через пять минут Савелий, мучимый виной – ему казалось, что он слишком мало сделал, чтобы приободрить унылого выпивоху, – позвонил Гоше из машины.

– Ты точно в порядке?

– Более чем! – Голос звучал бодро, трезво и даже немного грубо. – Знаешь что? Ты, уважаемый господин шеф-редактор, за меня не переживай. Ты за себя переживай.

Савелий обескураженно попрощался, посмотрел на часы

и прибавил ход. Все-таки алкоголики – тяжелые люди. Говорят, сейчас даже модно иметь в друзьях настоящего хронического алкоголика. Говорят, такие, если очень много выпьют, начинают в собеседника пальцем тыкать и говорить неприличные, но, в общем, правдивые вещи. Или плачут и бессвязно объясняются в любви. Или начинают признаваться в дурных поступках, совершенных, предположим, пятнадцать лет назад.

До ближайшей скоростной эстакады было около трех километров темной, в ямах и лужах, дороги меж старых домов эпохи начала высотной застройки. Герц сообразил, что даже для этого района, неблагополучного, сплошь заселенного бледнейшими, здесь как-то слишком темно. Словно произошла авария и уличные фонари разом выключились. Мелькали группы людей – все почему-то прижимались к стенам. Только мужчины: темная одежда, капюшоны, поднятые воротники, руки в карманах. Почти все курят. Лица бледные. Кто-то отделился от остальных, торопливо перебежал дорогу.

– Ах ты, черт трущобный, – выругался Савелий, выворачивая руль и предчувствуя нечто дурное, впрямую угрожающее личному психологическому комфорту.

Тут же предчувствия сбылись: впереди и сбоку ослепительно сверкнуло бело-желтым, вспышка озарила улицу на сотню метров вокруг, и оказалось, что людей, прижавшихся

к стенам, очень много – может быть, несколько сотен. Спустя мгновение донесся звук взрыва. Машину тряхнуло, но Герц не потерял управления. Затормозил, всмотрелся. Секунду или две ничего не происходило. Потом сверху косо надвинулась тень. Что-то огромное медленно опускалось, загораживая небо и дальние огни. Герц, ничего не понимая, инстинктивно втянул голову в плечи. Тень изогнулась, накрыла собой все. Стебель, понял Савелий, они валят стебель! Земля дрогнула, звук удара был протяжный и неприятный. Узкое чешуйчатое тело рухнуло поперек дороги в двух десятках метров от капота. Асфальт лопнул, вздыбились обломки, мелкая пыль взлетела в воздух.

Люди побежали еще до того, как трехсотметровая змея перестала колебаться. Взревели моторы, из переулков вылетели автомобили с выключенными огнями. Никто не подавал голоса, слышался только бешеный топот многих ног. На Герца не смотрели. Кто-то упал, другой спортивно через него перепрыгнул. Вообще большинство бегущих демонстрировали отменную физическую форму и заметна была организованность: по мере приближения к поверженному стеблю толпа разделилась на примерно равные группы – машины устремились к верхушке, пешие облепили середину. Взревела портативная пила, потом еще одна, и еще – дребезжащие визги слились в дикий хор.

Герц сидел не шевелясь, загипнотизированный зрелищем. Однако его привели в чувство: подскочили двое широкопле-

чих, с железными трубами наперевес, и несколькими точными ударами разбили ему передние фары. У Савелия хватило ума не покидать безопасный салон, а злодеи явно преследовали чисто практические цели – ликвидировав помеху, бегом присоединились к остальным.

Выполнив свою работу, пильщики подхватили инструмент и рванули прочь, в темноту. Навстречу им неслись другие, с ведрами и даже архаичными одноколесными тачками. Замелькали тесаки, топоры и лопаты. Полные ведра передавали по цепочке. Иные, подхватив на руки большие, оплывающие куски мякоти, тут же погружали в них лица; это выглядело отвратительно.

В домах одно за другим зажигались окна. Спустя несколько минут верхушку оприходовали, и черные машины, взыв моторами, растворились во мраке. Пешая толпа быстро редела, унося с собой полные ведра, тазы и бочонки. Вдалеке уже хрипели милицейские сирены, с запада приближались вертолеты, гоня перед собой конусы прожекторного света. Стебель был растащен, остались только бесформенные сегменты коры и длиннейшие белесые волокна – те самые, уникальной структуры, благодаря которым живая антенна всегда стояла вертикально, сгибаясь лишь под сильным ветром. Среди остатков теперь бродили, оскальзываясь, помятые существа из числа неорганизованных: распахивали мякоть по карманам, в убогие пакеты и мешки, и одновременно глотали, давясь, размазывая бурую массу по щекам, облизывая

пальцы, жмурясь и воровато содрогаясь.

Герц пришел в себя и стал разворачивать машину.

Вертолеты приближались, но у него был шанс. Он выжал из мотора все, что мог, моля Бога, чтобы в темноте не задавить зазевавшегося травоеда, и через несколько секунд был уже далеко. На перекрестке догадался снизить скорость. Осторожно свернул, на ближайшем светофоре добропорядочно нажал на тормоз. В зеркале увидел, как несется к месту преступления целая стая мощных милицейских броневиков. Над головой прогрохотала вторая группа вертолетов – на этот раз телевидение.

Выбрался, подумал Савелий, – и едва не вскрикнул от неожиданности: к прозрачному колпаку снаружи приникло перекошенное страхом лицо.

Он не сразу сообразил, что это женщина. Даже почти девочка. Очень нарядно одетая и очень испуганная.

Огляделся. Ничего подозрительного не обнаружил. Для злодейской засады место не подходило, повсюду горели фонари, на ближайшем столбе висела гроздь милицейских видеокамер. Открыл дверь. Тяжело дыша, девочка влезла, головой вперед, явно не заботясь о том, как выглядит со стороны. Подобрала длинные ноги, прижала к плоскому голому животу крошечную сумочку.

Загорелся зеленый, Герц тронул.

– Кошмар, – выдохнула пассажирка и засмеялась.

Только молодые и цветущие девочки умеют так быстро переходить от испуга к веселью. Савелий тут же расслабился, а когда выскочил на трассу, где можно было включить автопилот, высвободить руки и напиться воды «Байкал экстра-премиум», тоже усмехнулся. Появление загадочной незнакомки с круглыми коленями, едва восемнадцати лет, явно можно считать финальным аккордом сумасшедшего дня. Это был его, Герца, приз.

– Спасаетесь бегством? – осведомился он.

– Ага, – дружелюбно ответила девчонка. – Спасибо вам.

Очень приятная, решил Савелий.

– Куда путь держите?

– Куда-нибудь. Отсюда! Я такого кошмара давно не видела.

Герц изловчился и состроил гримасу глубокого недоумения.

– Какого кошмара?

– Ну, вертолетов... и прочего.

Он спросил, что, собственно, произошло, зачем и откуда вертолеты, и получил сбивчивый рассказ о поваленном стебле.

– Это был ужас! – восклицала юная леди, перехватив у него бутылку с водой. – Вы бы это видели! Толпа черных ниндзя с ведрами! Пять минут – и осталась одна кора!

Рассказывать она не умела. Медленно подбирала слова, и всякий раз найденное слово оказывалось самым скучным,

грубым и простым.

Финал экспрессивной новеллы совсем не понравился Герцу. Его спутница сунула руку в сумочку и достала изрядный кусок мякоти, завернутый в пластиковую гигиеническую салфетку.

– Вот, – важно заявила девчонка. – Это она и есть.

– Стоп, – нахмурился Савелий. – Мы так не договаривались. Я не желаю на это смотреть. Откройте окно и выбросьте.

– Да ладно вам. Ее все едят.

– Во-первых, не все, – твердо возразил Савелий. – И даже не большинство. Во-вторых, я могу быть милиционером. В-третьих, это просто неприлично. Такая хорошая культурная женщина...

– Ладно вам. Какой вы милиционер. Вы какой-то известный тип, архитектор, что ли... В общем, шишка... Я вас видела. По телевизору.

– Это было давно, – мирно ответил Герц. – И я не архитектор.

– Но и не милиционер! Я слышала, все эти... знаменитые... жрут мякоть. Только не сырую. Концентрат, в таблетках.

Савелий пробормотал:

– У вас обширные познания.

– Не издевайтесь.

– А вы уберите дрянь. За ее хранение вас могут посадить

в тюрьму. И меня заодно.

– За траву не сажают.

– Вам виднее.

– Я серьезно. – Девчонка понюхала содержимое салфетки.

Стало ясно, что она большая любительница. При том что Герц точно знал: сырая мякоть не имеет запаха.

– За траву не сажают, – повторила младая травоядная. – Мне «друг» говорил. Он там был. В тюрьме. Уже давным-давно за траву никто не сидит. Наоборот – там ее едят. Все. И охрана тоже.

– Не может быть. Тюрьмы подключены к проекту «Соседи», там везде объективы...

– Везде, да не везде, – взросло возразила девчонка.

– Значит, у вас есть «друг»?

– Как же без «друга» приличной девушке?

– Вот как.

– Между прочим, он приятный. Пальцем меня не трогает.

Он меня всему научил.

– И траву есть – тоже научил?

– А что такого? – с веселым вызовом воскликнула девчонка. – Я вижу, вы хоть и архитектор, а совсем темный дядя. Вы знаете, как ее правильно жрать?

– Употреблять, – поправил Герц.

– Употребляют, – снисходительно, по слогам сказала его спутница, – наркотики. А траву – жрут. Знаете, как ее жрут?

– Понятия не имею, – твердо произнес Савелий. – А что,

есть особые хитрости?

– А как же. Вас как зовут?

«Она первая начала», – сказал себе Герц и представился.

– А меня – Илона. Будем знакомы. Кстати, это... Спасибо вам.

– Пустяки.

– Если бы не вы, я бы уже сидела в изоляторе. Пришлось бы звонить Моисею. Он бы, конечно, сразу меня вытащил, но потом... – Девчонка вздохнула. – Он, это... не любит, если я попадаю во всякие истории. Он любит, чтобы все было тихо.

– Я его прекрасно понимаю. Куда вас отвезти?

– А никуда не надо. Могу выскочить прямо здесь. Возьму такси. Денег, правда, нет... Но я знаю ребят, которые отвезут по дружбе.

– Хотите – я вам одолжу.

Девчонка рассмеялась:

– Эх вы. Давать в долг нельзя! Это настоящее преступление. В сто раз хуже, чем хранить мякоть стебля. За такое как раз могут в тюрьму. И меня, и вас.

Пятисложное слово «преступление» далось ей с большим трудом.

– Мелкие суммы разрешены, – внушительно возразил Савелий. – Одиннадцатая поправка к Конституции.

– Ну, я в этом не понимаю. И в долг брать не буду. Я никому ничего не должна. Я бы закурила, вот.

– Курите, – разрешил Савелий.

– Нет, – твердо сказала девчонка. – В вашей машине не курят. Это сразу чувствуется. Я, между прочим, не какая-нибудь... У меня своя порядочность есть.

– Вы хотели меня научить. Насчет травы.

Девчонка подумала, посмотрела на Герца и серьезно заявила:

– Если вас до сих пор не научили, я не хочу быть первой. Пусть вас учит, это... кто-нибудь другой. Я вас научу – вам понравится. Вам понравится – вы начнете жить совсем другой жизнью. Это серьезное дело.

Савелий кивнул:

– Я готов. Я люблю серьезные дела.

Девчонка улыбнулась:

– Ну вас к черту. Не буду.

Помолчали. Он смотрел на дорогу и на спутницу. Она – в боковое окно.

– В двух словах, – мягко попросил Герц. – Чисто теоретически.

– Лучше на практике.

– Исключено. Ограничимся вводной лекцией. Я весь внимание.

Девчонка опять засмеялась:

– Сколько вам лет?

– Пятьдесят.

– И вы про это ничего не знаете?

– Клянусь.

– О боже. А еще архитектор. В общем, слушайте. Главных правил всего три. Первое правило: вода. Если вы едите траву, вам надо пить воду. Чем больше, тем лучше. Не чай, не кофе, не сок – только чистую воду. Съели дозу – сразу пейте. Много пьете – много радуетесь.

– Ясно, – кивнул Савелий.

– У вас вон, на заднем сиденье, пять или шесть бутылок дорогой воды. Вы тоже много пьете. Сейчас все непрерывно пьют воду. Потому что модно. Чтобы знали: эту моду создали те, кто жрет мякоть стебля.

– Не может быть. А какая связь?

– Очень простая. Пьют все. И те, кто жрет траву, и те, кто не жрет. Поэтому тот, кто жрет, не привлекает к себе... ну, внимания. Поняли хитрость?

– С ума сойти. Вот оно как.

– Второе правило: надо различать движняк и отходняк...

– Я не запомню, – озабоченно перебил Савелий. – Это надо записать.

Девчонка усмехнулась:

– Тут нечего запоминать. Сначала у вас движняк. Все очень весело. Особенно – двигаться. Ходить пешком. Общаться – неохота. Лениво. Зато секс – в самый раз. Секс, кстати, очень интересный...

– Чем же?

– Ну... – Инструкторша закинула ногу на ногу и задумалась. – Это так просто не объяснить. Сами поймете. В общем,

движняк длится где-то двенадцать часов. Смотря какая доза. Потом надо лечь и поспать. Проснулись – наступает отходняк. Он еще лучше, чем движняк. Ничего не хочется. Даже секса. Как проснетесь – сразу надо хорошо напиться воды. И потом у вас есть еще целый день, пока не отпустит...

– Целый день чего?

– Отходняка.

– И что надо делать в этот день?

– Ничего. А вы и не сможете ничего делать. Я же сказала: ничего не хочется. Даже телевизор смотреть лениво. Вы сидите, или лежите, или стоите – и имеете, это, радость в чистом виде.

– Ага. Я понял.

– Ну, – девчонка вздохнула, – теперь вы все знаете.

– А третье правило?

– Да. Вот дура. – Спутница Герца потрянула головой. – Башка не варит. Это потому что понервничала. Третье правило – насчет еды. Если вы жрете мякоть, вам можно не кушать обычную еду. Вообще. Потому что не хочется. Мякоть – сама по себе еда. Чистые, это... слово забыла... Калории, вот! Одна ложечка – запас энергии на двое суток. Но некоторые кушают. По привычке или просто обжоры. Вот если вы едите – вам можно все, кроме животной пищи. Мясо – нельзя. Вообще ничего жирного. Рыбу тоже.

– Почему?

– Потому что оно просто не ползет. А если сможете про-

жевать и проглотить – оно, как это слово... не переварится. Организм не примет, короче говоря. Мясо едят только эти, – девчонка брезгливо указала пальцем вверх, – людоеды. Которые траву не жрут из принципа. Всякие чистенькие с верхних этажей. Кто не умеет радоваться.

– Выходит, я тоже людоед?

Травоядная вздохнула, сменила позу и изучила Герца с ног до головы.

– В принципе, да. Но вы хотя бы не конченный.

– Спасибо, – усмехнулся Савелий. – А как выглядят конченные людоеды?

– Сами знаете, – запальчиво ответила девчонка. – Вы среди них живете. Восемьдесят первый или второй этаж, угадала?

– Шестьдесят девятый, – ровным голосом отрекомендовался Герц. – Но работаю на восемьдесят третьем.

– Самое гнездо! Все едят мясо. Все злые и угрюмые. Работают. Суется. Другим жить мешают. Не умеют радоваться.

– Ну, я-то умею.

– Это вам так кажется! Людоед не может радоваться. На то он и людоед. Радовать может только то, что само из земли к небу тянется. И никому не мешает.

– Хорошо сказано. – Герц уважительно кивнул. – Дорогая Илона, беседа с вами, так сказать, заронила в меня...

– Ладно вам. – Девчонка стеснительно улыбнулась. – Я все поняла. Извиняюсь. Мне все говорят, что я много болтаю.

– Через две минуты я сворачиваю с шоссе.

– Тогда остановите на повороте. Вот вам мой телефон. Только это... обязательно позвоните, хорошо? Все от зависти сдохнут, когда узнают, что у меня есть знакомый архитектор.

Она бросила на Герца приязненный взгляд.

– Погодите. – Савелий выключил автопилот и притормозил. – Я слышал, если употреблять траву – нельзя пить алкоголь.

– Почему? – удивилась девчонка. – Можно. Только немного. Если выпить много – тогда будет плохо. А чуть-чуть вина или пива – пожалуйста. Только это бесполезно. Зачем пить вино, если и так хорошо?

– Чтобы было еще лучше.

– Вы смешной. Вы должны просто попробовать. Один раз.

– Я никому ничего не должен.

– Я не о том. – Юная травоядная небрежно отмахнулась. – Если вы жрете траву, – на последнем слове она сделала ударение, словно речь шла о фазанах, фаршированных черной икрой, – вам так хорошо, что лучше некуда. Ясно?

Она выскользнула из машины. Наклонилась к окну, прощально улыбнулась. Кинула на сиденье сверток.

– Это вам. На память. Не сожрете – потом вернете.

Съезжая с эстакады, Герц притормозил, повел рулем, заставив автомобиль прокатиться вплотную к ограждению, и швырнул подарок в темноту.

Разумеется, камеры слежения все подробно зафиксируют: и номер машины, и лицо водителя. Завтра же в банковской распечатке обнаружится списание огромного штрафа за избавление от мусора вне специально отведенного места. Но сам криминальный груз улетит вниз, с огромной высоты, по пути его отнесет ветром, и он приземлится где-нибудь в мрачном сыром переулке – хорошо бы прямо под ноги бледному обитателю самых нижних уровней. На глаз там было граммов сто.

А девка совсем не простая, если так небрежно рассталась со столь внушительным количеством отравы; безусловно, «друг» Моисей снабжает ее чем-то более интересным, нежели сырая субстанция...

«Бог с ними, – решил он. – Каждый живет как умеет. Каждый жрет, что хочет. Проклятая зеленая напасть перевернула всю нашу жизнь. Молодежь уже и не подозревает, что когда-то все было иначе. Люди не ползали, как лесные букашки, у подножия растений. Молодежь не понимает, до какой степени мы унижены. Мы считали себя царями природы – и природа жестоко посмеялась над нами. Поставила на место. Теперь нам остается только смотреть, как с пеной у рта дискутируют в прямом эфире высоколобые академики».

На днях, вспомнил Герц, некие самородки скандализировали общественность, расклеив на пятидесятых уровнях листовки с изложением новейшей концепции: трава якобы выведена сто пятьдесят лет назад, в тайных лабораториях КГБ,

с целью решения продовольственной проблемы (да, господа, была в России и такая проблема), но впоследствии гениальное изобретение засекретили – ведь сытый человек плохо подчиняется приказам тиранов. Однако группа энтузиастов на свой страх и риск сохранила часть семян для будущих поколений, и вот упомянутые семена каким-то образом попали в почву и проросли: таким образом, нынешним гражданам страны следует питаться и ни о чем не переживать...

«Очень это по-нашему: выписать себе индульгенцию от лица мертвых предков, – досадливо подумал Савелий. – Бог с ними, Бог с ними. Переживем».

8

Савелию всегда нравилось его жилище. Удачная планировка, приятная аура. А приходить сюда вечером, после насыщенного событиями дня, было совсем хорошо. За долгие годы хозяин дома все здесь наладил наилучшим образом. В любой точке квартиры любой нужный предмет пребывал на расстоянии вытянутой руки. Начиная от старинных бумажных книг (десяток таких он в юности получил в подарок от Гарри Годунова) и заканчивая несколькими, тут и там вмонтированными в стены, шкафами с запасами охлажденной воды «Байкал экстра-премиум». Но сейчас Герц огляделся с иронией. Квартирка – да, уютная, но никак не соответствует статусу шеф-редактора популярного журнала. Шеф-редак-

торы популярных журналов не живут столь скромно. Шеф-редакторы популярных журналов не используют пластиковых табуретов, и у них не путаются под ногами задумчивые, морально устаревшие киберпылесосы, вдобавок страдающие хроническими программными сбоями. Наконец, в апартаментах шеф-редакторов популярных журналов никогда не пахнет едой.

Он пнул ногой киберпылесос – хотел дружелюбно, получилось раздраженно, – и глупый робот, поскрипывая, обиженно укатил в свой угол, не успев до конца собрать пыль с туфель шеф-редактора.

Еще утром туфли казались Савелию эталоном элегантности – сейчас же умиляли неважным качеством выделки кожи.

Голос невесты шеф-редактора донесся издалека, информируя о ее занятости.

Герц нашел ее в будуаре. Варвара сидела перед зеркалом и программировала галлюцинаторный макияж. Сейчас сверхмодная штука работала в режиме «Барби»: Варвара, от природы брюнетка с белой кожей и подвижным треугольным личиком, выглядела живой куклой – губки бантиком, глазки-блюдечки, ресницы, румянец и тяжелая масса густых каштановых волос.

– У нас пахнет едой, – заметил Савелий.

– Это потому, – ответила сосредоточенная Варвара, – что я сейчас готовила еду.

– Мы договаривались, что в доме не будет пахнуть едой.

– Извини. – В голосе невесты не слышалось раскаяния.

– Едой должно пахнуть только на кухне, – наставительно произнес Савелий, – и только во время ее приготовления.

– Мне нечего тебе возразить, дорогой.

Ладно, подумал Герц, и не удержался от замечания:

– Тебе не идет кукольная внешность.

– Знаю. Но я должна попробовать все режимы.

– Я бы понял, если бы ты была прыщавой, косоглазой и длинноносой.

Варвара усмехнулась:

– По статистике, основные покупатели этой новинки мужчины. Женам дарят. Представь: сейчас ты обнимаешь блондинку, а через двадцать минут уже шатенку...

– На первый взгляд заманчиво, – живо отреагировал Савелий. – Но со временем от таких фокусов можно сойти с ума.

– Ты не сойдешь, – уверенно ответила Варвара. – Ты крепкий дядька. Смотри, тут есть режим «сексуальная рыжая стерва»! И даже «леди-драйв»!

– Интересно. А что такое «леди-драйв»?

– Понятия не имею. Хочешь, попробуем?

– Нет, – подумав, ответил Герц. – На сегодня с меня достаточно драйва.

– А через месяц появится модель, адаптированная для мужчин. Я тебе куплю. Нажимаю кнопку – и ты у меня широ-

копечий блондин с римским носом! Потом опять нажимаю – и ты жгучий латинский мачо, волосатый, смуглый, с ярко-красными губами и такой, знаешь, мускулистой, немного жирной шеей...

– Ага. Или, допустим, восторженный нежный мальчик. Студент-практикант с оранжевой гривой и улыбкой полукретина.

Варвара прервала свое занятие и обернулась:

– Ты о чем?

– Сама знаешь, – спокойно произнес Савелий, падая в кресло и вытягивая ноги.

– О боже, ты ревнуешь.

– Он, конечно, мальчик, а я всего лишь крепкий дядька, но...

– Ты ревнуешь! Решил, что мне понравился наш новенький.

– Давай не будем формулировать столь сильно. – Савелий поморщился. – Иначе я кое о чем тебе напомню.

– Например?

– Я же говорю, давай не будем.

– Нет уж, теперь говори.

– Ну тебя к черту.

– Говори немедленно.

Савелий потянул носом. Едой действительно пахло. Какими-то вареными овощами. Варвара не отличалась талантами в кулинарной области.

– Сколько было парнишке, с которым ты ездила в Петербург? Нырять в развалинах Эрмитажа? Двадцать девять?

– Тридцать четыре. И что? Это было давно.

– Тридцать четыре. Черт побери. Тридцать четыре. О чем вы с ним говорили? О подгузниках? О шоколадных конфетах? Мне сказали, что он абсолютно бледный. С ног до головы. Бледнее некуда.

Варвара подбоченилась. Она была в этот момент элегантная, под мальчика стриженная, с огромными пепельно-серыми глазищами.

– Да, это было. Да, я встречалась с юношей тридцати четырех лет. Да, у него в голове не было ничего, кроме подводного плавания. Да, он был дико бледный. Он и сейчас бледный. И будет бледным. Да, да, да. А теперь скажи: какое тебе до этого дело? Он был тонкий и печальный. Он писал поэму.

Герц кивнул:

– Прости. Это все меняет. Конечно. Поэма! Тридцать четыре года. Подводное плавание. Тонкий и печальный.

Варвара вскочила. Это у нее всегда хорошо получалось: резко вскочить. Бросилась вон. В дверях обернулась. На этот раз волосы огненного цвета и нос с горбинкой. Очевидно, задействован режим «сексуальная рыжая стерва», сообразил Савелий.

– Если хочешь знать, я до сих пор ему звоню. Он дописал свою поэму. Почти. И еще одно... – Лицо Варвары стало злым. Видимо, режим «сексуальная рыжая стерва» преду-

смастривал гневное сверкание глаз и презрительную кривизну верхней губы. – В отличие от тебя он никогда в жизни не жрал зеленую дрянь. А ты глотаешь каждое утро.

Савелий кивнул.

Возразить нечего. И незачем. И неохота.

Шеф-редакторы ведущих журналов не унижаются до скандалов. Они – полубоги. Они управляют скандалами, создают их и на этом зарабатывают, но сами не участвуют. Это неприятно, это вредит их персональному психологическому комфорту.

– Варвара! – позвал он. – Прости. У меня сегодня эмоциональная перегрузка.

Из соседней комнаты донеслось:

– С утра ты был в порядке.

– Это было с утра.

– Если ты перегружен, зачем пришел сюда? Шел бы сразу к участковому психотерапевту.

– Вообще-то я хотел видеть тебя. А никак не участкового психотерапевта.

– Хорошо, – сказала Варвара, – я тебя прощу. Но не прямо сейчас. Сейчас все равно не получится. И не хочется.

– А чего тебе сейчас хочется?

– Пройтись. Одной. Посидеть где-нибудь и подумать.

– Не уходи, – попросил Савелий. – У меня есть для тебя важная новость.

Варвара опять появилась в дверном проеме. Уже без ма-

княжа. Герц увидел, что его подруга печальна. И очень красива.

– У меня тоже есть новость, – сказала она. – И моя новость важнее твоей.

– Ого! А откуда ты знаешь, чья новость важнее?

– Я не сказала, что знаю, – спокойно ответила Варвара. – Просто моя новость самая важная.

– Вот как.

– Я беременна.

Она развернулась и ушла.

Иногда сидишь на шестьдесят девятом этаже, уединенно, в начале ночи, в своей комнате, выключив свет, в центре дивана, раскинув в стороны руки, и смотришь в окно. За окном покачиваются гигантские стебли, появившиеся неизвестно откуда неизвестно зачем (хотя предположения есть). Сидишь, и в голове как бы плещется теплая мыльная вода. Шестьдесят девятый – забавный этаж. Ты не наверху, но и не внизу. Однако и не между, не в середине. Начинаешь вычислять точное местоположение и после некоторых усилий – не слишком изнурительных – понимаешь, что ты в трех четвертях от самого низа и немногим более чем в одной четверти от самого верха. Если бы ты был тщеславным и самолюбивым, это бы тебя обрадовало. Но ты не тщеславный, ты не подсчитываешь, сколько людей пребывают ниже тебя и сколько – выше. Ты просто намерен точно выяснить свое ме-

стонахождение. Не относительно тех, кто выше или ниже, а относительно себя самого.

В этом, черт побери, весь фокус: определить свое место относительно себя самого.

Относительно других – все очень понятно. Внизу землекопы, сверху конструкторы ракетных двигателей (хотя бывает и наоборот). Внизу глупцы и бездельники, вверху, у самых облаков, – титаны мысли и трудолюбия.

Однако ты не желаешь определять свои координаты относительно гениев или дураков. Ты сам себе дурак и сам себе гений. Зачастую одновременно. Ты не хочешь смотреть на других. Всегда есть какие-то другие. Всегда кто-то выше и всегда кто-то ниже. Если все время думать о других – тех, кто выше или ниже, – однажды можно перестать существовать.

Чтобы понять, что ты существуешь, надо в начале ночи устроиться в своей комнате, выключив свет, в центре дивана, раскинув в стороны руки, и посмотреть в окно.

Савелий сидел, может быть, полчаса, наслаждаясь неподвижностью, пока не понял, что ему нестерпимо хочется разрешить себе принять капсулу. Добавить чистой радости. В конце концов, сегодня был большой и трудный день. Исторический. Множество новостей. «Где мои капсулы? Где моя мякоть стебля, где благословенная седьмая возгонка? В пи-джаке, в надежном внутреннем кармане».

Встал. Хотелось пить. Хотелось вполголоса пропеть гимн

самому себе. У каждого государства есть официальный гимн – почему же отдельно взятому человеку не иметь простую торжественную песенку? Чтоб изредка дудеть про себя, для вящего воодушевления?

«Мне пятьдесят два года, и я, прямо скажем, не последний человек в этом, прямо скажем, не последнем городе. У меня будет ребенок. У меня будет большое дело. Тридцать подчиненных сотрудников. На меня ляжет ответственность. Где мои капсулы?»

Пиджак был в коридоре. Висел у входной двери. Висел странно: одна пола намного ниже другой.

Подошел, обшарил карманы. Да, конечно. Совсем забыл. Подарок сумасшедшего. Священная Тетрадь. Кстати, великолепная дорогая полиграфия, сверхтонкий негорючий пластик, переплет одновременно скромнейший и шикарный.

Раскрыл. Буквы, казалось, были подсвечены и слабо шевелились, меня очертания, а иные даже будто норовили выпрыгнуть из строки. Это тоже знакомо, усмехнулся про себя Герц. Мнемонический шрифт. Два раза посмотрел – считай, навсегда запомнил. Однако в Храме Божия Стебля дело налажено серьезно.

Он прочел:

«И СКАЗАЛ БОГ: ВОТ, Я ДАЛ ВАМ ВСЯКУЮ ТРАВУ, СЕЮЩУЮ СЕМЯ, КАКАЯ ЕСТЬ НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ, И ВСЯКОЕ ДЕРЕВО, У КОТОРОГО ПЛОД ДРЕВЕСНЫЙ, СЕЮЩИЙ СЕМЯ; ВАМ СИЕ БУДЕТ В

ПИЩУ».

Часть вторая

1

– Очень хочется пить, – сонно пробормотала Варвара и осторожно повернулась на другой бок.

– Сейчас, – прошептал Савелий и встал.

Нашарил на прикроватном столике стакан с водой. Жена приподнялась, не открывая глаз, протянула розовую руку. Выпила и со слабым удовлетворенным стоном упала головой в подушки.

Савелий вышел из спальни. За спиной бесшумно сомкнулась китайская звуконепроницаемая дверь. Новинка обошлась в большие деньги, но не важно. Скоро такие двери будут стоять во всей квартире. Через полгода на свет появится Герц-младший. Пора готовить дом к появлению нового существа.

В ванной включил режим подачи ледяной воды: она пошла того пограничного градуса, когда из крана вот-вот начнет выходить натуральный снег.

Вгляделся в зеркало. Будущий папаша выглядел неплохо, но бегущая поверху строка безжалостно оповестила об увеличении числа мимических морщин (плюс 0,025 % за сутки) и падении индекса влажности кожи (минус 0,003 % за

сутки). Обвисание верхних век – плюс 0,007, коэффициент дряблости – плюс 0,014, итого общий темп старения выше среднего на 4,5 % и выше индивидуального расчетного на 2,77. Дальше пошел список рекомендуемых процедур, Герц не стал его изучать. «Да, старею, ничего удивительного. Кто работает, тот изнашивается».

Осмотрел зубы, позавчера заново покрытые красным лаком. Выхлебал литр «Байкал экстра-премиум-люкс», умылся тщательно и поспешил в кабинет.

Достал из ящика стола зеленую горошину, проглотил.

По утрам медлить нельзя. Перескочишь незаметно для себя границу между состояниями – считай, день пропал. Отходняк коварен и накрывает быстро. Вроде бы минуту назад ты был бодр, планировал принять очередную капсулу, одеться и пойти по делам – и вот уже ничего не планируешь, не одеваешься и не идешь, а зависаешь, как бы в паузе между предыдущей секундой и последующей, где-нибудь возле окна, под лучами солнца; незачем планировать, некуда идти, и так все хорошо.

Но занятому мужчине, сыну XXII века, отходняк не нужен. Вернее, нужен, конечно, – все знают, что отходняк гораздо приятнее, чем движняк. Именно отходняк и есть радость в чистом виде, ничем не замутненное, рафинадное удовольствие от жизни. Но те, кто предпочитает второе состояние, очень быстро превращаются в конченных. Иным достаточно нескольких месяцев. Активные современные муж-

чины не злоупотребляют вторым состоянием. Они жрут мякоть стебля каждое утро и весь день пребывают в движении.

Особенно хороша в таких случаях возгонка не ниже седьмой.

Савелий Герц, шеф-редактор журнала «Самый-Самый», употреблял девятую и десятую.

Завтракать не стал. В принципе, девятая возгонка позволяет есть даже мясо. Правда, в небольших количествах. Чтоб никто не заподозрил. Вообще все степени очистки мякоти выше седьмой – настоящий прорыв. Хочешь – ешь жирную пищу. Хочешь – пьешь алкоголь. Хочешь – работаешь. Можешь даже сделаться мрачным, угрюмым и злым. Только вся твоя работа, и угрюмость, и злость происходят снаружи. А внутри – радость в чистом виде, вся, до последнего грана, принадлежащая тебе и никому больше.

Вместо завтрака он выпил еще два бокала «премиум-люкс» и принял ванну с тоником. Когда содержимое капсулы стало действовать, закрыл глаза, задержал дыхание и погрузился с головой. Каждый продвинутый травоед знает: первая минута – самая интересная. Внешнее стремительно отходит на дальний план. Остается только безудержное веселое любопытство к самому себе. К внутренним процессам, к физиологии. Ощущаешь вибрации каждой клетки. Бег крови: по артериям – горячими резкими толчками, по венам – медленно и сладко; так густой крем ползет через кондитерский шприц.

Чувствуешь рост ногтей и волос. Точно знаешь, какая из многих десятков ресниц выпадет сегодня днем.

Нервы гудят, как провода под током. Все удивляет и забавляет, вплоть до накапливания пота в железах.

Вынырнул, вдохнул. Рассмеялся беззвучно. Это первое состояние, о травоядные братья мои. В народе его называют «движняк». Это девятая возгонка. Она стоит каждого рубля из потраченных тысяч.

В последний раз взял оптом, полугодовой запас: сто восемьдесят капсул. Со скидкой. Предлагали по дружбе, но Герц не любил «друзей» и всегда платил наличными. Впрочем, «друзья» не настаивали. На то они и «друзья» – одно сплошное дружелюбие. Или, наоборот, пуля в спину.

Впрочем, он до сих пор почти ничего не знал про «друзей». На то они и «друзья», чтобы про них никто ничего не знал.

Протянул руку через борт ванны. Не глядя, нащупал брошенный на пол халат, в кармане халата – маленький толстый томик.

Пластиковые книги удобны, их можно листать мокрыми руками.

В прошлом месяце Филиппок по заданию Герца делал большую статью о культовых текстах травоедов. Выяснилось, что вся полиграфическая продукция многочисленных зеленых церквей, общин и сект – будь то Священная Тетрадь Последователей Иоанна Стеблядящего или «Бессмертные

Скрижали» Храма Травы – изготовлена с применением новейших технологий. Каждая книга имеет встроенный микрочип – однако не для выкачивания мелких сумм с банковских счетов наивных новичков, как когда-то предполагал Савелий. Все оказалось хитрее. По сигналам чипов отслеживалось не только местоположение каждого томика, но и сам процесс чтения. Компьютеры зеленых храмов фиксировали, сколько раз за день (или в месяц, или в год) открывается каждая конкретная книжечка и на каких страницах; какие главы внимательно изучены, а какие пролистаны. Статья Филиппка наделала шуму. Постфактум выяснилось, что после ее выхода спрос на «мракобесное чтение» (термин Патриарха Всея Москвы и Сибири) резко подскочил. Из общины последователей Иоанна Стеблядящего в редакцию даже прислали подарки – кстати, вполне светские: лунный тур на двоих, экономклассом. Герц приказал отослать обратно. Журнал «Самый-Самый» – вне религии и политики, презенты принимаются только от рекламодателей.

Он раскрыл томик. Стал читать.

«И сказано было ему так:

О человек! Пять тысяч лет ты бьешь себя кулаком в грудь и кричишь: “Я человек!” А когда тебе говорят: “Продолжай”, – ты замолкаешь. Ибо не знаешь, кто ты есть.

Бог ли ты? Нет. Ни мига единого не был ты Богом и ни мига единого не будешь. Бог разрушает, Бог создает, и это одно и то же действие. Ты же совершаешь тысячу

тысяч действий в попытке создать – и всякий раз, начиная создавать, заканчиваешь тем, что разрушаешь все, что создано тобою. И еще многое, что создано не тобою.

Зверь ли ты? Нет. Зверь убивает только ради пищи. Ты убиваешь ради идей, ради забавы, ради гордыни, ради облегчения немощи своей. И всегда найдешь тысячу тысяч причин, чтобы убить.

Камень ли ты мертвый? Нет, ты не камень, ты живой, ибо родишь потомство живое. А камень имеет от Бога привилегию не родить потомства.

Еще сказано ему было так:

Ты есть стебель. Внизу ты укоренен, вверху свободен. Под тобой – черный прах, над тобой – свет прозрачный. Твои корни – во прахе останков предшественников твоих: оттуда берешь ты половину силы. Твое тело – в лучах желтой звезды, в облаке света прозрачного: оттуда берешь ты вторую половину силы.

Не пытайся брать только внизу или только наверху. Лишенный корней, обнимающих прах предшественников, ты погибнешь. Лишенный света прозрачного, ты не способен расти.

Потом сказано было так:

Ты есть стебель, и вот удел твой: чтобы взять половину силы, внизу обнимай корнями как можно больше праха предшественников. На их костях ты процветаешь.

Запомни, и всем скажи, и повторяй каждый день: нельзя процветать иначе как на костях

предшественников.

Чтобы взять вторую половину силы, наверху ищи свет прозрачный. Воздвигайся как можно выше. На то тебе даны все дни твоей жизни.

И еще сказано было:

Ты есть стебель, и как у тебя две половины силы, так у тебя две половины планиды. Воздвигнуться как можно выше, повсюду искать лучей желтой звезды – есть первая половина планиды. Самому стать прахом – есть вторая половина планиды. Стань прахом, смешайся с прахом подобных тебе, чтоб укоренился последователь твой, сын и сын его сына, потомок и потомок его потомка, из колена в колено, из рода в род. Как ты сам укоренен, так укоренится в твоём прахе потомство твое».

Герц закрыл томик и бросил на ковер. Всякий раз, когда пытался читать Тетрадь, он не мог одолеть больше нескольких абзацев кряду. Потом прекращал – с ясным ощущением, что зря теряет время. Но ощущение возникало не оттого, что содержание книги раздражало Савелия, а оттого, что он понимал: все, написанное в Тетради, ему уже известно.

Однако та же причина заставляла Савелия регулярно – в последнее время дважды в день или даже чаще – снова вчитываться в шевелящиеся, лукаво мерцающие строки. Каждый человек охотнее и внимательнее изучает то, что и без того знает. Хорошая книга не дарит тебе откровение – хорошая книга укрепляет тебя в твоих самостоятельных до-

гадках. Она обращается не к жажде информации, а к твоим страхам – дает понять, что ты не один, есть еще кто-то, кого мучают те же вопросы, что и тебя.

Правда, Герц не был уверен, что Тетрадь – хорошая книга. Наоборот, он бы назвал ее дурной. Вредной. Слишком беспокоящей. Подтверждающей некоторые худшие опасения.

Книга раздражала. Она рекомендовала, например, непрерывно искать света прозрачного, постоянно пребывать в лучах желтой звезды. А где их взять на проклятом восемьдесят восьмом этаже? Здесь ужасно. Здесь за окнами – самые верхушки стеблей. Они все время в движении. Колеблются под ветром. Двадцатью уровнями ниже все ясно: вот тебе, бледный человек, неподвижный зеленый частокол, утром, днем и вечером одинаковый. Ты смотришь на него – и всегда точно знаешь, сколько именно узких солнечных лучей и в какие часы тебе достанется. На восьмидесятых – все иначе. Только зажмуришься, счастливый, согретый горячей желтой волной, – как вдруг ближайший черно-зеленый хвост сдвинется под порывом ветра и отберет весь свет прозрачный. Приходится переступать, вправо или влево, дальше от окна или ближе. Чувствуешь себя полным дураком.

Говорят, к этому надо просто привыкнуть. Но Савелий жил на восемьдесят восьмом меньше месяца и пока не привык.

Старик сказал: «Через год переедешь повыше». Слукавил. Денег стало в пять раз больше. Герц продал старое жилье,

добавил все, что накопил, и вот: восемьдесят восьмой уровень.

Одной мечтой стало меньше.

Все равно его мало, солнца. Его totally не хватает. Очень мало солнца! Возмутительно мало! Его должно быть гораздо больше. Живешь в постоянном голоде. Тень – даже самая жидкая, серая – отвратительна до тошноты. Ненависть к проклятой траве отравляет душу. Конечно, мякоть стебля – это здорово, это помогает жить. Но ведь и солнца хочется. Приятель по этажу, владелец экспортной компании, давно предлагает Савелию вступить в кооператив: несколько пайщиков – все достойные люди – вкладывают общий капитал в создание исследовательской лаборатории. Инвестировать в технологии искоренения – самая крутая мода восьмидесятых уровней.

А выше, на девяностых, у каждого свой исследовательский центр, талантливых биохимиков сманивают сразу с университетской скамьи. Толстосумы хвастают личными лабораториями, как когда-то, двести лет назад, аристократы козыряли друг перед другом конюшнями или псарнями. И это при том, что изучение феномена стеблероста официально считается монополией государства и за разглашение информации можно крупно пострадать.

Интересно, любопытно жить на восьмидесятых. Здесь все иначе. Старик Пушкив-Рыльцев был прав: журналист, даже самый лучший, ничего не знает про жизнь. Единственный

способ разобраться в событии или явлении – поселиться в эпицентре. На месяц, на два, на год.

Герц вылез из воды, завернулся в массажную простыню. Вдохнул. Правда и то, что все эти центры и лаборатории – а их сотни – до сих пор не нашли ответов на самые простые вопросы. Почему, например, трава выросла именно в Москве, в черте города, меж домов и дорог, среди железа, бетона и пластика? Почему за пятьдесят часов она достигает высоты в триста метров, а потом перестает развиваться? Почему ей не вредят морозы? Почему грибница восстанавливает каждый уничтоженный стебель, но не разрастается, не выбрасывает новых побегов? Почему, наконец, вызываемое пожиранием мякоти эйфорическое состояние не отягощено побочными эффектами? Ведь человек не создан для вечной эйфории. Эйфория ослабляет волю к сопротивлению. Человеку требуются горе, гнев, страх, отчаяние, боль, голод. Отрицательные эмоции совершенствуют род людской, адаптируют, закаляют. Так утверждала наука, и с ней не спорили – до того дня, пока зеленые побеги не полезли из московской земли.

Сорок лет ищут побочные эффекты. Сорок лет не могут поверить, что трава безвредна. Анализируют. Смотрят в микроскопы. Ставят опыты. Клонировуют семена, зародыши. Тем временем за стенами лабораторий кипит другая жизнь: миллионы беззаботно жрут мякоть и тихо радуются.

...Обсохнув и взбодрившись, Герц неторопливо оделся, выбрав для сегодняшнего дня костюм в стиле высокооплачиваемого распиздяя-интеллектуала. Спортивные туфли, мягкие джинсы, полотняная рубашка навывпуск, пиджак с кожаными пуговицами, которые якобы вот-вот оторвутся, но на самом деле никогда не оторвутся, потому что прогресс, друзья, не стоит на месте и пуговицы уже пятьдесят лет не отрываются даже у самых неопрятных холостяков.

В последнее время шеф-редактор предпочитал прикид распиздяя-интеллектуала всем прочим прикидам. Самые серьезные дела делаются именно в небрежной, легкомысленной одежде. Давно известно, что именно распиздяи-интеллектуалы – наиболее серьезные, влиятельные и даже опасные люди: развлекаясь и шутя, меж двумя сигаретками они способны произвести на свет идеи, сводящие человечество с ума.

Напоследок бесшумно дошел до спальни, заглянул. Жена спала, погрузившись щекой в подушку. Зрелище немного сдвинутой набок нижней губы Варвары, пунцовой маленькой губы, вдруг испугало Савелия. «Вот живое существо, – подумал он, загрузив. – Мыслящее, лично мне дорогое. Иногда по ночам оно утверждает, что целиком находится в моей власти. Внутри его зреет еще одно существо. Теперь их, значит, двое. И это я устроил так, чтобы рядом появилось сначала одно существо, потом и второе. Зачем, почему, что мне с этим делать? Смогу ли я их защитить? Сберечь?»

Оправдаю ли ожидания?»

Тряхнул головой. Пора идти.

Вот так выбегаешь утром из дома, а перед тем как распахнуть дверь во внешний мир, замираешь на несколько мгновений, иногда даже с закрытыми глазами, и обещаешь себе: это будет мой самый лучший день. Я проживу его достойно, я добьюсь своего. Я их сделаю, я восторжествую, я им всем вставлю. Но еще до того, как шагнуть за порог, понимаешь: сегодня будет так же, как вчера и позавчера. Выйдешь к ним, а они грустные, тихие, улыбаются мирно: парень, нас уже сделали, нам уже вставили, неоднократно... Каждую минуту вставляют. Желающих множество. Хочешь – и ты вставь, если тебе от этого легче.

И тебе ясно тогда: нет никакой чести в том, чтобы вставить всему миру.

Но и не вставлять тоже нельзя. Иначе мир расслабится и решит, что может обойтись без тебя. А ты не согласен.

Тебе точно известно: мир не может обойтись без тебя. Иначе зачем тогда ты рожден?

2

Через десять минут после выезда на шоссе он понял, что за ним следят.

В соседней полосе движения, в пятидесяти метрах сзади,

катил серый китайский «кадиллак». Не отставал и не приближался.

Савелий ездил быстро, любил и умел, но водитель серого седана тоже был мастер.

Пришлось набрать номер Мусы. Герц объяснил, что и как, продиктовал номер машины преследователей. Через две минуты Муса перезвонил.

– Их номер не пробивается, – спокойно произнес он. – Засекречен. Но ты не переживай. Точно могу сказать одно: это не государственные менты. И не полугосударственные. Частная контора. Сыскное агентство или что-то такое... В общем, в измене родине тебя не обвинят. А кому и как ты насолил – сам прикинь. И не вздумай отрываться, никаких шпионских игр, понял?

– Понял. – Герц улыбнулся.

Слежка – это интересно. Это возбуждает. Если за тобой следят – значит, ты живешь как надо. Слежки еще нужно удостоиться. За безобидным обывателем следить не будут. А ты – шеф-редактор влиятельного общественно-политического ежемесячника, и если за тобой пустили хвост, стало быть, уважают; стало быть, не так уж плох твой общественно-политический ежемесячник.

Следят – пусть. Следить за журналистом – старинный русский обычай. И не просто следить, а пасти – спокойно, почти в открытую. Чтобы клиент нервничал и боялся.

«А я не буду бояться и нервничать, – подумал Савелий. –

Не дожидетесь. Вы, наверное, думаете, я только на бумаге смелый, а в действительности – книжный червячок. Жаль вас разочаровывать, но придется».

Сначала он бросил машину. Свернул с эстакады возле новейшей башни «Бондарчук», нашел на пятьдесят пятом уровне супермаркет, припарковался на стоянке, двинул пешком. Уходить от наблюдения надо именно пешком, налегке. Ноги надежнее колес. На колесах вы не протиснетесь в узкую щель, не прыгнете, не повернете резко на сто восемьдесят градусов.

Вы умеете уходить от слежки? Я умею. Я Савелий Герц, мне пятьдесят два года, я выгляжу на тридцать пять – и я на движняке, господа. Я многое умею. Краем глаза вижу, как серый «кадиллак» резво катит вдоль сплошного ряда машин – парковка огромна, но свободных мест нет, граждане Москвы необычайно любят шопинг, особенно по утрам, чтобы к обеду отовариться модными в этом сезоне горячими чипсами и засесть перед телевизорами «Соседей» смотреть... Вот филеры нашли местечко, первый выскочил, бежит, вертит головой, второй ставит машину, как положено, и догоняет. Тут мы их срисовываем. Выясняем внешность. Преследователи теряют преимущество анонимности. Да, их двое, и они, разумеется, андроиды: плечи крепкие, задницы круглые, движения ловкие. Морды гладкие; отсвечивают, как сортирный кафель. Суперсамцы, ни единого изъяна. Такие холеные мацо – если они живые люди – не работают в спецслужбах, в

наружном наблюдении. Слишком легко одеты для промозглой московской осени, и одежда сидит как влитая, поскольку карманы пусты: андроид не носит с собой ни бумажника, ни блокнота, ни носового платка, ничего.

Возможно, они поняли, что раскрыты, – но ничего страшного. Наоборот, так проще. Спецоперация превращается в банальную погоню. Ну, погоня – громко сказано. От андроида нельзя убежать. Андроид не устает, и пот никогда не заливает его глаза.

Посмотрим, кто кого.

Кстати, Герц похолодел, а почему я решил, что они – филеры? Почему уверен, что мне не грозит, например, избивание? Или убийство? Сейчас эти двое загонят меня в безлюдное местечко и аккуратно ликвидируют. Влетит мне в затылок специальная нанопуля, которую потом невозможно будет найти в теле покойного. Загнанных журналистов пристреливают, не так ли?

А вот паниковать нельзя. Да и спешить тоже. Лучше приземлиться в уютном баре, вот здесь, – вытянуть ноги в теплом полумраке. Выпить чашечку кофе. Кстати, тут отличные кресла с подушками из квазиживых водорослей. Сделано все для упрочения персонального психологического комфорта клиентуры. За мной андроиды не сунутся – они не оцифрованы, не имеют под кожей государственного чипа... короче говоря, денег у них нет. Ага, правильно: внутрь не вошли, один пристроился напротив дверей, с понтом шнуток завя-

зывает, второй – в двадцати метрах, талантливо сделал вид, что разглядывает витрину журнального киоска. Кстати, на самом видном месте сверкает там обложка свежего номера ежемесячника «Самый-Самый». Отличная обложка, Филип-пок придумал: черно-белый, в стиле аскетических посткризисных двадцатых годов, портрет Анжелины Лоллобриджи-ды. Глазищи, губищи, воплощенный секс.

Но Варвара лучше.

Зачем и кому я нужен? С какой стати за мной следить, если год за годом каждое утро я проделываю один и тот же простейший путь – из дома на работу? Хотят выяснить распорядок дня? Мой адрес, мои телефоны известны. Проще и быстрее – позвонить в редакцию, представиться вымышленным именем, задать несколько хитрых вопросов.

Организаторы слежки – странные люди. Безусловно, они умны, рациональны и явно презирают современные технологии. Принято считать, что в наши времена за гражданами следят при помощи нажатия кнопок: спутники, беспилотные вертолеты и так далее. Однако слежка со спутника стоит очень дорого и вдобавок возможна исключительно в ясную погоду, а слежка через милицейские системы видеоконтроля доступна лишь официальным структурам. Тот, кто решил пасти журналиста Савелия Герца, хорошо понимает, что старые добрые топтуны дешевы и эффективны и спрятаться от пары внимательных синтетических глаз гораздо сложнее, чем от спутников. Андроид не теряет концентрацию и нико-

гда не захочет отлучиться по малой нужде.

Герц понял, что успокоился. Даже снял свой пижонский пиджак с болтающимися пуговицами. Кто они, организаторы слежки, уважающие старую школу? Кому я перешел дорогу? Допустим, в том же последнем черно-белом номере, в рубрике «Самый Опасный», стоит репортаж о судебном процессе над лесоторговым магнатом Степаном Прослойко, создавшим крупнейшую лабораторию по изучению стеблероста. Лаборатория активно действовала десять лет, однако ее сотрудники изобретали отнюдь не способы искоренения – очищали мякоть стебля. Господин Прослойко, светский лев и спонсор фестивалей классической музыки, оказался гадом и барыгой, его лаборатория в промышленных масштабах производила мякоть десятой степени концентрации. В итоге лев и спонсор получил пятнадцать лет, однако подельников не сдал, все взял на себя. И перед публикацией статьи на Савелия давили, рекомендовали не рисковать. Может, приятели барыги-миллионера решили припугнуть строптивого журналиста?

Чепуха, сказал себе Савелий, кинематографические бредни. Прослойко давно сидит в одиночной камере. Зачем мочить журналиста, если статья уже опубликована? Да и не станут эти упыри, травяные мафиози, унижаться до слежки. Послать бессловесного клона, чтобы задушил жертву в лифте голыми руками, – вот их метод.

Жертва вытянула ноги и стала усиленно думать. Допу-

стим, можно позвонить в милицию и заявить, что известного и уважаемого журналиста преследуют двое подозрительных мужчин. Наряд прибудет в течение ста двадцати секунд. Но вместе с нарядом, а может, и раньше, прибегут папарацци, и уже к вечеру желтые телеканалы раздуют скандал. Известные лица следят за шефом журнала «Самый-Самый»! Шеф журнала «Самый-Самый» требует у властей защиты! Шеф журнала «Самый-Самый» до смерти напуган андроидами! Они найдут, как сформулировать, чтобы максимально унижить жертву. Ибо желтая журналистика торгует в первую очередь унижением.

...Или возьмем предпоследний номер, рубрику «Самый Веселый», где гвоздем была издевательская фотосессия с презентации нового клуба «НаноПьяно». Триста VIP-гостей, крашенные красным лаком зубы, перекошенные мокрые физиономии, бабы в бриллиантах скачут, задирая ноги в лучших традициях вокзальных кабаков конца XX века. На безразмерных столах в серебряных лоханях – переложенная дольками лимона сырая мякоть стебля. Кое-кто по последней моде высшего света жрет даже не ложками, а прямо руками – почему-то считается, что так сильнее вставляет и дольше держит.

В объектив попали два-три сыночка высокопоставленных правительственных чиновников. Общественность взвыла, журнал раскупили за трое суток, а спустя неделю один промоутер, ряженный под авторитетного гомосека, подойдя в

ресторане «Сома» к столику Савелия Герца, слюняво грозил и затушил сигару в блюде с авокадо-салатом Савелия Герца, за что и получил от Савелия Герца в челюсть.

Но и эти не будут устраивать шоу с наружным наблюдением – не их стиль. Они уже объявили Герцу войну. Вся Москва знает, что светским хроникерам журнала «Самый-Самый» больше нет хода на частные вечеринки.

Шеф-редактор заказал второй кофе.

За соседний столик уселись двое – он и она, оба с мотоциклетными шлемами. Вот хороший вариант, возбужденно подумал загнанный в угол шеф-редактор. Подсесть к ребятам, попросить. Может, предложить денег. Девочка подождет полчаса. Нежная, полусонная, на вид дура душой – явно никуда не торопится. А мальчик пусть невзначай подгонит мотоцикл ко входу в заведение и подождет: я выйду, резко прыгну в седло, парень даст полный газ... Андроиды бегают очень быстро, но все же не набирают сто километров за две секунды. Правда, это серьезные мужики. Говорят, они видят сквозь стены, слышат любой шепот и читают по губам. Сразу разгадают мой замысел. Да и мальчик со шлемом, судя по его гладкому личику, вполне законопослушный гражданин. Наверняка откажется...

Что еще? Предположим, можно попробовать дедовский метод. Сесть в вагон монорельсовой дороги и рвануть прочь за миг до того, как двери закроются... Савелий поймал себя на том, что нервно барабанит пальцами по столу. Попробо-

вать – да, можно, но у искусственных людей молниеносная реакция и бычья сила, они вполне могут отжать двери или головой стекло пробьют. На полном ходу выпрыгнут, с них станется. Машины есть машины – им дали приказ, они его выполняют.

Только кто дал приказ? Кто кукловод?

Савелий отхлебнул. Слава богу, хотя бы кофе здесь не китайский, а бразильский. Когда вокруг тебя все китайское – это надоедает. Хочется чего-нибудь некитайского. Даже если платишь деньгами с китайского депозита.

Вот. Придумал. Еще один способ, старый и простой. Даже приятный. Можно отменить работу. Вообще не ехать в редакцию. Потаскать хвост за собой по городу. Изобразить жуира и сибарита, сходить в бассейн, в массажный салон, посетить модный вернисаж. Театр. Или хоккейный матч. Погонять по старой памяти в трехмерный бильярд. Вступить в контакт с пятью десятками ненужных мужчин и женщин. Зайти, например, в гости к приятелям-конкурентам, в журнал «Вертикальная Россия»; заодно спросить, с какой стати наглецы регулярно пытаются переманить рекламодателей. Пусть хозяева андроидов анализируют мои связи, проверяют случайных знакомых, пусть думают, будто Савелий Герц – светский бездельник, и жизнь его – сплошной карнавал, коктейли, развлекуха, скольжение по поверхности...

Шеф-редактор вздохнул. Когда-то, тридцать лет назад, он и сам так думал. А теперь вот: с утра до ночи в офисе, то-

тальная нехватка времени, бешеные счета за аренду, экономия на скрепках и вместо дисциплинированного трудового коллектива – малоуправляемая ватага расслабленных гуманитариев. Нет, в редакцию мы поедем обязательно.

Допил, подхватил пиджак. Встал.

Кстати, в баре есть второй выход. Можно ускориться прямо сейчас, мгновенным напряжением сил – через десять секунд буду возле лифтов, и если хотя бы в одном открыты двери – есть шанс оторваться. Потаскаю погоню по этажам, по лестницам, эскалаторам, пандусам, по ярко освещенным кондиционированным пространствам, сквозь подвешенные в воздухе магазины, оранжереи, парки, рестораны, галереи, террасы, вверх и вниз, с пятидесятого уровня на восьмидесятый и обратно. Говорят, когда-то человек обыгрывал машину в шахматы; почему бы теперь человеку не обыграть машину в древнем соревновании под названием «погоня»?

Набрал в грудь воздуха. Сейчас.

Он помедлил. И пошел прямо на своих преследователей.

Тот, что завязывал шнурки, отвернулся, неторопливо стал дрейфовать прочь. Избегает, сволочь, не желает сокращать дистанцию, подумал Савелий. В пять широких шагов догнал филера, хлопнул по твердому, как дерево, плечу.

Андроид изобразил вежливое недоумение. Краем глаза Герц фиксировал второго – тот по-прежнему топтался возле газетного ларька.

– Пасешь, да? – спросил Герц.

– Прошу прощения, – прогудел андроид. – Я не понимаю...

Савелий толкнул его в грудь:

– Все ты понимаешь. Все ты, сука, понимаешь.

– Прошу прощения...

– А ну-ка пошел отсюда! – негромко велел Савелий. – Передай привет хозяевам. Скажи, если ко мне есть вопросы – пусть приходят и спрашивают. А не присылают пластмассовых дебилов. Понял?

Искусственный человек изобразил натуральную оторопь:

– В чем дело? Какие хозяева?

– Пошел отсюда, я сказал. – Герц еще раз толкнул искусственного и попытался послать ему взглядом угрозу.

Говорят, их надо бить в живот, поскольку процессор и жесткий диск вмонтированы не в голову, а пониже пупка – там, где центр тяжести. Нет, решил Савелий, не в живот. Выдерну из кармана авторучку, попробую воткнуть в глаз. Крови не будет, вместо крови у них жидкий гель-антифриз, а вместо мозга – радиатор, охлаждающий всю систему. В общем, ничего ему не будет, искусственному. Испорчу деталь – пусть хозяева знают, с кем имеют дело.

Но андроид, не вступая в дискуссию, стал ловко пятиться назад и исчез за углом. Герц оглянулся: второй тоже канул.

Пока шел к парковке, устраивался за рулем машины, пока выезжал, – специально не смотрел по сторонам.

К черту вас всех. Я шеф-редактор влиятельного журнала,

я на движняке, моя жена носит моего ребенка. Не связывайтесь со мной.

3

Первое, что увидел шеф-редактор, войдя в собственный кабинет (правда, Герц пока избегал называть его собственным даже в мыслях; здесь всюду витал дух великого старика), – были маячившие над просторной столешницей подошвы дешевых китайских ботинок сорок пятого размера с безбожно сбитыми каблуками.

– Убери ноги со стола, – приказал Савелий.

– Ха! Господин шеф-редактор!

Гарри Годунов был королем эпатажа, но глубоко культурным мужчиной (среди людей искусства такое возможно) – он мгновенно выполнил распоряжение и освободил место. Правда, при этом умудрился непристойно задрать колени и вполголоса грубо выругаться.

– Еще раз залезешь в мой кабинет, – равнодушно сообщил Герц, – велю тебя не пускать.

– Звучит ужасно, – ответил Годунов. – Архаично и немзыкально. В стиле дворянчиков из русской классики. «Подите прочь, граф, вы несносны, я велю вас не пускать...»

Он захохотал. Нескладный, отвратительный, пьяновато-хамоватый. Однокашник. Старый товарищ. Если все циники мира соберутся на демонстрацию, он понесет знамя.

Мощнейший мозг, два метра долговязого тела, неизменная брезгливая гримаса, множество раз сломанный нос. Волосы дыбом, коричневые зубы. Под тонкой жилистой шеей на кожаном шнурке какие-то амулеты. Нелепая заношенная фуфайка с надписью «Kannabis Über Alles». Герц не отказал себе в удовольствии лишний раз полюбоваться внешностью гения – и подумал, что тот выглядит, как и положено гению, умопомрачительно.

За последние пятьдесят дней гением было написано пятьдесят статей, очерков и эссе. Причем совершенно бесплатно. И в том числе благодаря язвительным статьям и очеркам нового колумниста Гарри Годунова тираж журнала «Самый-Самый» существенно возрос.

И не только тираж. За два месяца изменилось многое. Кабинет шеф-редактора был преобразен. Голографическую инсталляцию – бородатого Солженицына – старик велел перевезти в свою квартиру. В компанию к Марксу и Фрейдю. На освободившемся месте Савелий установил новинку последнего поколения, из жизни титанов прошлого, под названием «Глеб Пьяных опускает Руперта Мэрдока по всем понятиям». Изучив ее детально, дамы краснели.

Впрочем, Герц того и добивался.

– Больше не клади ноги на стол, – примирительно попросил он, усаживаясь и открывая очередную флягу «дабл-премиум-люкс».

– Пустое, граф, – отбил Годунов, легко удерживаясь в сти-

ле русского дворянчика. – Лучше повесьте сбоку бронзовую табличку: «На сию мебель возлагал натруженные конечности великий русский писатель...» Далее – неразборчиво.

– Когда пойдешь ко мне в штат?

Гений рухнул в ближайшее кресло, шумно почесал живот и зевнул. Посмотрел на Савелия печальными глазами сенбернара:

– Никогда. Я за деньги не работаю. Только из любви к искусству. Тем более в твоём грязном желтом листке...

– Согласен, – с достоинством кивнул Савелий. – Мы немного пожелтели. Но так было задумано. Так велел старик, когда уходил. Иди ко мне в штат, Гарри.

– Нет, – отмахнулся Годунов. – Не пойду. Еще десяток баксов сотворю – и исчезну.

– Обратно на пятый этаж?

– Может, на пятый. А может, на сотый.

Герц развеселился:

– Кто тебя, дурака, пустит на сотый уровень?

– Не пустят, – спокойно поправил Годунов, ковыряя в носу, – а позовут. Уже звали. Опытные квалифицированные дураки вроде меня требуются везде. Осталось только денег подкопить.

– Зачем?

– Секрет. Но тебе скажу. Перед внедрением на сотые этажи надо сделать пластическую операцию. Переделать физиономию. Под монголоида. – И Годунов оттянул кончиками

пальцев кожу возле внешних углов глаз: изобразил азиата.

– Не выйдет, – усмехнулся Герц. – Ты типичный славянин. Треть от татарина, треть от финна и треть от грека. Иди в секретариат и пиши заявление о приеме на работу. И сразу будут деньги. Много. Хватит и на операцию, и на новые ботинки.

– Еще чего, – с отвращением поморщился Годунов. – Секретариат? Заявление? Что за казенный жаргон?! Слушай, Герц, давай не будем. Помочь корефану Савелию – это одно. Это я могу. А работать на корефана Савелия – это совсем другое. Ты сказал: «Помоги, Гарри, у меня лучший репортер без вести пропал, я не справляюсь». Вот, старый Гарри помог. Но зачем предлагать старому Гарри работать на своего корефана? Старый Гарри может обидеться. А он знаменитый, он книги пишет, с ним лучше не связываться...

Савелий помолчал немного, потом спросил:

– Куда он все-таки мог исчезнуть? Этот наш лучший репортер?

– Вниз ушел, – сразу ответил Годунов. – Сидит где-нибудь на четвертом этаже, в притоне, и жрет мякоть ложками в компании удалбанных блядей.

– Ах я идиот, – пробормотал Герц. – Он ведь позвал меня в гости. Перед тем как сбежать. Прощался. Едва не плакал. А я его не понял. По плечу похлопал – и уехал... Идиот.

– Еще какой.

– Слушай, а его микрочип?

– На нижних этажах умеют все. В том числе и сигналы глушить. Правда, глушители кустарные, работают плохо. Потребляют слишком много энергии. Кстати, как и заводы по возгонке мякоти... Внизу, господин Герц, бурная деятельность. Первые пять этажей пожирают почти треть всей городской электроэнергии. Чтобы замаскировать и легализовать перерасход, умными людьми устроена широкая сеть соляриев для бледного простонародья. Власти думают, что электричество потребляют солярии, а на самом деле солярии нужны главным образом для отвода глаз. Все киловатты уходят на возгонку.

Савелий ощутил досаду.

– Где ж ты раньше был? Со своими познаниями...

– А ты? – невинно возразил Годунов.

Герц не нашелся что ответить.

– Не волнуйся, – хмыкнул гений, изучая ногти. – Твой Гоша найдется. Перед бегством он наверняка снял наличными все свои деньги...

– Откуда знаешь?

– Я ничего не знаю, господин шеф-редактор. Я просто думаю вслух. Вредная привычка, со времен уединенной жизни... В общем, я предполагаю, что твой лучший репортер подхватил сбережения и махнул на четвертый уровень. К блядам. А бляди с четвертого этажа, – Годунов значительно поднял палец, – это не простые бляди. Это, брат, очень ловкие и ушлые бляди. Ловчее блядей с четвертого этажа толь-

ко бляди с третьего этажа. Но на блядей с третьего этажа у твоего Гоши не хватит денег.

– Представляю, – вздохнул Герц, – что за бляди тогда на втором этаже.

– На втором этаже, – строго заметил Годунов, – блядей не держат. Там сидят только серьезные ребята. Там царство «дружбы».

– А на первом?

– А на первый, – с сожалением произнес Годунов, – я не спускался. Слабо мне, понял? Духа не хватило.

– Извини.

– Ничего.

Гений достал пачку дешевых китайских сигарет, закурил.

– На четвертом уровне твоего Гошу обчистят досуха за полгода. Потом он вернется.

– Дай бог.

– Бог здесь ни при чем. – Годунов нехорошо усмехнулся. – Богу нет дела до твоего Гоши. Твой Гоша Деготь отпал от бога. Если он однажды вернется, то уже не человеком. Будет думать, что он стебель, и внизу у него – прах, а над головой – свет прозрачный.

– Даже так?

– А по-другому не бывает. Вернется он, заметь, весь в долгах. Ему там с радостью в долг дадут. И по дружбе дадут, и в долг. Это у вас, людоедов, на восьмидесятых, на самом солнышке, никто никому не должен. А внизу, где мокрицы бе-

гают и плесень по стенам, – там, господин Герц, каждый должен каждому! Захочешь – дадут хоть сто миллионов наличными. Можно мякоть в долг взять. Можно женщину одолжить. Только если в срок не вернешь – тебя в инкубатор отправят. Слышал про инкубатор?

– Смутно.

– Это лечебница такая, – весело объяснил Годунов. – Первоклассная. Там тебя обследуют, здоровье проверят. Продуют легкие чистым кислородом, кровь очистят, грязь и токсины выведут. Будешь как новенький... А потом... – гений сделал небрежный жест, – распилят на части. Бережно. Почки, печень, селезенку – продадут. Глаза тоже. Сейчас, говорят, глаза в дефиците, спрос намного превышает предложение... Само собой, попутно государственный микрочип вырежут. И какой-нибудь веселый парень будет получать с китайского депозита твою персональную долю.

Савелий подумал и тихо спросил:

– Слушай, Гарри... а... ты там... это... Когда жил внизу... никому не задолжал?

– Было дело, – хладнокровно ответил гений. – Только я все отдал. С процентами. Чудом в инкубатор не попал... – Он нахмурился. – А теперь хватит мемуаров. Кто тут шеф – я или ты? Давай работать. Тебя искала Валентина. У нее есть новости.

Герц нажал кнопку и особым баритоном босса (три недели тренировался) потребовал принести воды, вызвать Валенти-

ну, подготовить к проверке макет очередного номера, накидал еще каких-то распоряжений – обозначил начало нового рабочего дня. Опустил глаза – ковер кабинета до сих пор хранил следы инвалидной коляски великого Пушкива-Рыльцева.

Месяц назад старик заявил, что Савелий готов к самостоятельной деятельности. После чего затворился в квартире и запретил беспокоить даже в случае атомной войны.

Когда Валентина вошла, Годунов засуетился и поспешно сбежал в угол – сел там на диван, закинул ногу на ногу и стал изучать фигуру женщины пристальным взглядом ценителя.

– Говорят, у тебя есть новости, – обратился к ней Герц.

– Еще какие. – Серьезная Валентина оглянулась и посмотрела на Годунова, как учительница на двоечника.

Герц вздохнул:

– Терпеть не могу новости.

– Мне начать с главной? Или по порядку?

– Как хочешь, – величественно произнес шеф-редактор.

Валентина раскрыла папку.

– Аргентина выдворила сразу десять тысяч нелегальных гастарбайтеров. В основном граждан Франции и Бельгии.

– В задницу гастарбайтеров, – велел шеф-редактор. – Это не новости. Неинтересно.

– Дальше будет веселее, – обнадежила Валентина. – Иван Европов сделал очередное заявление...

– Валентина, – вдруг перебил Годунов из своего угла, – ты

ведь замужем, да?

Валентина вздохнула:

– Я тебе сто раз повторяла. Я замужем, но с мужем не живу.

– Годунов, не мешай работать, – буркнул Савелий.

– Пардон. – Гений заерзал задом. – Просто мне нравится, как наша уважаемая Валентина произносит эту фразу: «Я замужем, но с мужем не живу!» Звучит как стихи. Отличная аллитерация, три «ж» в одной строке...

– Иван Европов, – невозмутимо продолжила Валентина, – объявил голодовку. Требуется срочного выделения средств для изучения периферийных территорий.

– Голодающий Иван Европов, – ядовито произнес Годунов, – это круто. Вся Москва знает, что он конченный травояд и уже много лет не жрет человеческую пищу.

– Можешь доказать? – сухо осведомился Савелий.

– Конечно, могу. Я подрабатывал репетитором у сына его дилера. Только зачем что-то доказывать? Неужели, Герц, ты осквернишь страницы своего журнала репортажем про этого незначительного ублюдка?

– Если официально докажешь, что он травоядный, – мы его сотрем в порошок. Сделаем героем рубрики «Самый Лицемерный».

– Есть ребята и полицемернее, – пробормотал Годунов, глядя в сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.